

Ромен Роллан Робеспьер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне было тридцать лет, когда я задумал написать обширную драматическую эпопею в двенадцати пьесах о Французской революции. И вот в семьдесят два года я заканчиваю произведение, которое, по мысли моей, должно завершать собою этот цикл — драму «Робеспьер». Я никогда не переставал о ней думать, но взялся за перо только в этом году, когда почувствовал, что овладел темой всецело. Сейчас, кажется, настало время осуществить этот замысел.

Суть трагедии можно изложить в немногих словах.

Три с половиной месяца протекает между началом и концом драмы, между казнью Дантона и казнью Робеспьера.

Все лица, которых я вывожу на сцену (кроме шайки роялистских шпионов и заговорщиков на заднем плане да нескольких авантюристов и прожигателей жизни вроде Барраса), эти суровые проконсулы, члены обоих Комитетов и представители Конвента в провинции, все они — искренние и пламенные республиканцы. Не только убеждения, но и личные интересы побуждают каждого из них спасти Республику, ибо их судьбы неразрывно связаны с ее судьбою: все они, даже Фуше, бесповоротно скомпрометировали себя, голосуя за казнь короля. И, однако, они с ожесточением разрушают свое собственное создание — Республику. Их обуревают страсти, ненависть, подозрения; необузданная ярость мешает им видеть, куда они идут, предает их в руки злейших врагов Республики. В этом их роковая судьба, тот неотвратимый рок, с которым некогда вступил в спор Эдип. (Припомните слова Наполеона: «Политика — это современный рок...») Несмотря на свою прозорливость, Робеспьер, так же, как и его противники, не в силах вырваться из смертоносных объятий змея. В иные минуты, словно при вспышках молнии, люди эти видят, в какую бездну они летят, они ужасаются, но уже не могут вернуться вспять. Добавьте к этому, что силы их подорваны за пять лет революции, что все они измучены постоянным напряжением и усталостью. Многие из них тяжело больны, как, например, Робеспьер и Кутон. В довершение всего невыносимо жаркое лето 1794 года, сорок дней палящего зноя, способного свести с ума. И, наконец, множество опасностей, угрожающих им всякий день и отовсюду — войны внешние, войны внутренние, нашествие неприятеля, заговоры, убийства, взаимное недоверие, болезненная подозрительность и мания преследования.

Я не старался их идеализировать. Я не пытался утаить их ошибки и заблуждения. Меня самого захватила могучая волна, которая увлекла их за собой. Я видел то, что было искреннего в этих людях, губивших друг друга, я видел грозную судьбу революций. Так было не только в те времена. Так бывало и во все времена. И по мере сил я попытался это показать.

Ромен Роллан

26 октября 1938 года.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Члены Комитета общественного спасения

Максимилиан Робеспьер , 36 лет

Сен-Жюст , 27 лет

Кутон , 39 лет

Лазар Карно , 41 года
Билло-Варенн , 38 лет
Колло д'Эрбуа , 44 лет
Бертран Баррер , 39 лет
Робер Лендэ , 51 года
Приер из департамента Кот д'Ор, 30 лет

Члены Комитета общественной безопасности

Леба , 30 лет
Давид , 46 лет
Вадье , 60 лет

Члены Конвента

Амар
Жозеф Фуше , 35 лет
Тальен , 27 лет
Баррас , 39 лет
Матьё Реньо , 56 лет
Сийес , 46 лет
Карье , 38 лет
Огюстен Робеспьер , 31 года
Лоран Лекуантр , 50 лет
Бурдон из департамента Уазы, 36 лет
Мерлен де Тионвиль
Тюрьо
Фрерон , 40 лет
Дюран-Майян , 65 лет
Генерал Лазар Гош , 26 лет
Гракх Бабеф , 34 лет

Члены Совета Парижской коммуны

Флерио-Леско , архитектор, мэр Парижа, 33 лет
Пэян , уполномоченный Коммуны, 27 лет
Кофиналь , врач, командир канониров Коммуны, 50 лет

Морис Дюпле , старик столяр, присяжный Революционного трибунала, 56 лет

Молодой Дюпле , сын его, 16 лет

Симон Дюпле , по прозвищу «Деревянная нога», племянник его, секретарь Робеспьера, 25 лет

Элеонора Дюпле , 26 лет

Элизабета Дюпле , жена Леба, 22 лет

Анриетта Леба , сестра Леба, 19 лет

Жанна Фуше , жена Фуше, 30 лет

Кларисса , секретарша Баррера, 25 лет

Старуха крестьянка , 60 лет

Межан , секретарь Карно, 35 лет

Коллено , шпион роялистов, 45 лет

Анрио , командующий Национальной гвардией, 33 лет

Мерда , жандарм, 22 лет

Вилат , присяжный Революционного трибунала

Народ Парижа

Депутаты Конвента, стражники, жандармы, канониры, вооруженные секционеры, якобинцы, мяскадены, заговорщики, шпионы, перекупщики, зеваки, женщины и дети, разношерстная толпа.

Действие происходит в Париже с 5 апреля по 28 июля 1794 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом Дюпле на улице Сент-Оноре, № 376, 16 жерминаля II года (5 апреля 1794 г.).

Старик Дюпле с помощью младшего сына и племянника Симона поспешно затворяет окна, выходящие на улицу.

Дюпле . Затворяйте, затворяйте окна, запирайте ставни!

Молодой Дюпле (*высовывается в окно и затворяет ставень*) . Вон телега, смотрите!

Из двери слева появляется Робеспьер; на мгновение останавливается на пороге. Он мертвенно бледен.

Дюпле (*оборачивается, видит его*) , Максимилиан, лучше ступай к себе.

Робеспьер (*как будто не слыша*) . Да. (*Выходит на середину комнаты.*)

Дюпле . Сейчас они проедут мимо нас... Я затворю окна.

Робеспьер, не двигаясь с места, безмолвно кивает головой в знак согласия.

Слышатся крики толпы. Все голоса покрывает чей-то бешеный рев.

Симон Дюпле . Это рычит Дантон. (*Подходит к Робеспьеру и почтительно берет его за руку.*) Тебе бы лучше уйти.

Робеспьер (*как будто не слыша*) . Да. (*Садится у стола посредине комнаты. Выпрямился, застыл, напряженно прислушивается.*)

Симон Дюпле (*подходит к старику Дюпле и указывает глазами на Робеспьера*) . Напрасно он... Уведи его отсюда.

Крики толпы становятся громче.

Дюпле (*подойдя к Робеспьеру*) . Максимилиан, ты был тяжело болен, ты и теперь еще нездоров, — ступай к себе, уйди отсюда, тебе здесь не место.

Робеспьер . Оставь меня, Дюпле. Я хочу быть здесь. Мне это нелегко, сам знаешь. Но я не должен прятаться.

Снаружи доносится стук колес, скрип телеги, конский топот.

Голос Дантона (*подобный грому*) . Эй, Робеспьер!..

Робеспьер встает, выпрямляется.

Ты здесь, ты спрятался... Убийца!..

Оскорбительные возгласы, подхваченные другими осужденными, тонут в шуме и реве толпы. Но вот среди криков выделяется один пронзительный вопль.

Голос Камилла Демулена . Максимилиан!

Робеспьер бесстрастно, с гордо поднятой головой, выслушал проклятия Дантона, но зов Камилла словно ранит его в самое сердце; Он прижимает дрожащие руки к груди.

Симон и молодой Дюпле (друг другу) . Это Демулен.

Голос Демулена . Спаси меня! Спаси меня!.. Я был тебе другом!

Голос Дантона . Замолчи, трус! Ты нас позоришь...

Голос Демулена . Пощады! На помощь! На помощь! Максимилиан!

Робеспьер подымается со стула, делает несколько шагов к окну. Старик Дюпле преграждает ему дорогу, ласково берет за руку.

Голос Дантона . Не трать слез понапрасну! Довольно вопить, плюнь в лицо твоему палачу!

Голос Демулена . Мясник! Живодер! Режь нас! На, бери мою голову. Пей нашу кровь!

Робеспьер бежит к двери, невольно затыкая уши. Слышно, как телега удаляется, крики затихают.

Голос Дантона (издалека) . Робеспьер!.. Я первый схожу в могилу. Ты последуешь за мной... До скорого свидания...

Робеспьер обернулся, прислонился к стене, возле двери, высоко подняв голову.

Робеспьер (твердым голосом) . Ну что ж! До скорого свидания!.. Пусть будет так!..

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дворец Тюильри, Комитет общественного спасения, вечер 5 апреля. Угловой павильон, наискосок от фасада павильона Равенства. В глубине — три больших окна с частым переплетом, выходящие на площадь Карусели. У задней кулисы — стол председателя и двух его помощников. Справа и слева, под прямым углом, — еще два стола для остальных членов Комитета. Напомним, что в Комитете осталось одиннадцать членов — двенадцатый, Эро де Сешель, гильотинирован несколько часов назад.

Последние отблески заката.

Билло-Варенн, Колло д'Эрбуа, Карно, Баррер.

Колло . Уф! Наконец-то прикончили зверя!

Карно . Его рычание доносилось сюда через весь парк.

Баррер . Да, теперь, когда он умолк, наступила тишина, пустота во мраке!

Билло . До той самой минуты, пока ему не отрубили голову, я все опасался, как бы он не взбаламутил толпу, неверную, изменчивую, полную врагов.

Баррер . Врагов? Нет. И друзей тоже. Это зрители на бое быков. Они рукоплещут и быку и удару шпаги матадора.

Карно . Удар был метко направлен.

Баррер . Да, у юноши твердая рука. Без доклада нашего Сен-Жюста Конвент не пошел бы на это.

Карно . Но ведь доклад продиктовал твоему Сен-Жюсту тот, другой, наш безупречный, наш Неподкупный...

Билло . Трудненько было вырвать у него согласие. Целые две недели мы с Колло его уламывали. Пришлось пойти на уступки. За голову Демулена голову Эбера. Он ни за что не хотел выпускать свою добычу.

Карно . Просто боялся. Ведь он трус. Боялся падения Дантона. Привык прятаться за его спину.

Билло . Нет, Карно, тебя ослепляет ненависть. Я не меньше твоего ненавижу Робеспьера. Но надо же быть справедливым. Вспомни, как этот человек, больной, измученный, изнуренный лихорадкой, встал с постели, чтобы сразиться со сворой «Папаши Дюшена» и с преторианцами Ронсена; вспомни, как он через силу дотащился до Клуба якобинцев и дал отпор смутьянам, приняв все их угрозы и проклятия на свою голову. Я сам был тому свидетель. Кто смеет назвать его трусом? Кто из нас, одиннадцати, не заключил договора со смертью? Но он-то — он обречен и сам это знает. Знает, что смерть ждет его, настигает и что ему предстоит погибнуть или от рук наших врагов, или, если он собьется с пути, от нашей руки; иного выбора у него нет. И это тоже ему известно.

Баррер . Ты, Билло, охотно защищаешь людей от других. А кто их защитит от тебя?

Билло . Честность республиканца. Пусть не домогаются власти.

Во время этого разговора входит Межан, начальник канцелярии Комитета, с пачкой бумаг, которые он дает на подпись то одному, то другому. Подносит их и Барреру.

Баррер (*подписывает, продолжая разговаривать*) . В данный момент Комитету выгодно поддержать авторитет Робеспьера. Нам необходимо его влияние, чтобы задушить стоглавую гидру мятежа.

Билло . Да, ты прав, Баррер. Хотя мы беспощадно отсекаем ей головы, они снова и снова вырастают со всех сторон. Еще месяца не прошло, как мы раскрыли заговор Ронсена, этого нашего Кромвеля; помните, какое брожение началось во всей армии? Если бы не энергичные действия Комитета, Республика оказалась бы под сапогом самой гнусной военной диктатуры. Затем Питт, с помощью английского золота, через своих банкиров, вел торг с Дантоном и продажными членами Конвента, добиваясь восстановления монархии. Весь вопрос в том, кто из нас опередит другого. Мы отрубили головы вожакам. Но их подлые шайки все еще скрываются. Как их выловить? Коварные обманщики прячутся то под личиной милосердия, то под личиной самого ярого якобинства. Враги кишат всюду.

Карно . Враг пробрался и сюда. О наших тайных совещаниях кто-то доносит Питту.

Билло . Теперь уже никто не донесет. Тот, кто нас предавал, негодяй Эро, погиб сегодня на эшафоте.

Карно . Нет, нас выдают по-прежнему. Только что перехвачено еще одно донесение, отправленное из Парижа в ставку эмигрантов королю Веронскому; ему доносят о том, что известно одним только нам. Письмо написано уже после того, как Эро посадили под замок. Дай-ка сюда, Межан... Вот оно! (*Показывает письмо, которое вручил ему Межан*) .

Билло (*хватает письмо*) . Быть не может! (*Читает и, ошеломленный, опускается на стул.*) Среди нас есть предатель!

Колло вырывает у него письмо. Бумага переходит из рук в руки. Все поражены и взволнованы.

Колло (*ходит по комнате большими шагами*) . Негодяи... Разбойники! Где их захватить? Как их обнаружить?

Билло (*разъяренный, вскакивает и обходит своих коллег, всматриваясь каждому в лицо*) . Уж не ты ли? А может быть, я сам?

Баррер (*затворяет окна*) . У стен, у окон есть уши.

Входит Сен-Жюст.

Сен-Жюст . Что это с вами?

Баррер . Читай, Сен-Жюст!

Сен-Жюст (*прочитав письмо*) . Эро оставил после себя гниль и заразу. Все ваши канцелярии надо сжечь дотла. Ваши министерства — это свалка бумаг, зловонная яма, где притаилась продажная сволочь, торгаши, шпионы, все предатели Республики. (*При этих словах он взглядывает на Межана, — тот собирает бумаги и быстро выходит.*)

В продолжение этой сцены Межан еще два бесшумно проскальзывает в зал якобы для того, чтобы подписать какие-то бумаги. С самым смиренным, безразличным видом он внимательно прислушивается к разговорам, не упуская ни слова.

Карно . Кто обвиняет всех, не обвиняет никого. Скажи, кого ты подозреваешь?

Сен-Жюст . Тебя, Карно, и весь этот сброд из военного министерства, четыре сотни чинуш, мужчин и женщин, завязанных крикунов и развратников, которыми командуют бывшие дворяне! Тебя, Баррер, тебя, фронт на красных каблуках...

Баррер (*смеясь*) . И, добавь, в красном колпаке.

Сен-Жюст . Тебя, чьи канцелярии на улице Шерути стали рассадником щегольства и наглости, приютом монархистов, тебя, который пригревает в канцелярии иностранных дел чиновников-немцев да еще сажает их начальниками.

Баррер . Я ручаюсь за своих щеголей.

Колло (*насмешливо*) . И за своих щеголих, Анакреон?

Входит Кларисса, молоденькая секретарша Баррера, и подает ему новую пачку бумаг для подписи.

Баррер (*подписывает бумаги, берет ее за подбородок и отпускает*) . Вот за эту я ручаюсь.

Кларисса уходит.

Благодаря ей нам удалось изобличить Эро.

Билло (*недоверчиво*) . Она предает одного, чтобы вызволить других. Она выщиплет тебе все перья.

Баррер (*улыбаясь*) . Она мое перо.

Колло . Вернее, твоя перина.

Сен-Жюст . После поговорите о своих грязных похождениях. Ваш разврат — оскорбление для нищего, голодного народа. Мы здесь находимся на посту, мы — слуги Нации и ей лишь обязаны дать отчет. Во всех ваших канцеляриях и даже здесь, в самом Комитете, царит преступный беспорядок, безделье, хаос, а расходы громадные. Бумаги теряют или выкрадывают. Это — гнездо предателей. Я требую чистки канцелярий. И начать надо, Карно, с твоих людей, с твоего министерства, там полно контрреволюционеров.

Карно . Ты с ума сошел! Эти люди помогают нашей победе.

Сен-Жюст . Если бы мы с Леба не находились при армии и не противодействовали им, они помогли бы нашему поражению.

Карно . Ты ничего не смыслишь в военном деле и не имеешь права судить о нашей стратегии. Пока я возглавляю военное министерство, я один всем распоряжаюсь. Мы посылаем тебя в армию только для того, чтобы проверять выполнение наших приказов. Но оспаривать их ты не вправе, так же как любой из моих офицеров.

Сен-Жюст . «Твоих» офицеров. Ты что, Цезарь?

Карно . Я скорее стал бы Брутом, если бы среди нас появился Цезарь. Но что до тебя, я спокоен: Цезаря из тебя не выйдет. Ты просто школяр, который вызубрил трагедию по указке своего учителя-педанта.

Баррер . Перестаньте ссориться! Теперь не время. Наши Комитеты, сама Революция в опасности, кругом заговоры.

Карно . Однако топор поработал на славу.

Билло . Вот именно. Мы расправились с гидрой мятежа, но обрубки ее — жирондисты, эбертисты, дантонисты — извиваются в бешенстве, точно разрубленные змеи, и пытаются вновь срастись.

Колло . Этим пользуются враги; за ними тучей тянутся фельяны, роялисты, попы и буржуа — все, кто одержим бешеной ненавистью к Революции.

Баррер . И всюду рука Англии, ее интриги и золото. Всюду прокрались ее тайные агенты — в наши крепости, где они взрывают арсеналы, в наши клубы, где они разжигают вражду. Английские биржевые маклеры, банкиры, разные темные дельцы добиваются падения курса денег, играют на понижение, обрекают народ на голод и стараются обратить против нас ослепленных страданиями людей.

Сен-Жюст . Это наша вина, тяжкая вина. Признаем ее. Мы слишком часто забываем, в чем наша главная цель. Она в том, чтобы народ был счастлив. Нечего хвалиться, что вы создали Республику, если она не принесла счастья народу. Отнять у народа радость — значит отнять у него родину, республиканскую гордость — он не любит Свободу, он ничего не любит. Вам говорили: «Свобода или смерть!» А я говорю вам: «Счастье народа или смерть!»

Карно . Пустые слова! В чем оно, счастье? Кто знает?

Сен-Жюст . Да, счастье — идея новая для Европы. Наша задача — исторгнуть из земли это пламя.

Билло . Каким путем?

Сен-Жюст . Путем экспроприации угнетателей. Раздайте беднякам имущество тех, кто угрожает Свободе. Я требую ввести в действие Вантозские декреты. Вам не удастся положить их под сукно. Обездоленные — это великая сила земли, они — ее хозяйева, за ними слово.

Карно . Они не хозяйева. Не надо нам хозяйев. Ни тех, ни других. Мы правим страной на благо всех граждан без различия.

Сен-Жюст . Вы правите на благо тех, кто богат.

Карно . Для того чтобы править, нужны деньги. Мне необходимы деньги на войско, на порох, на боевые припасы, на провиант. Если ты изгонишь из Франции богачей, кто даст мне денег? Уж не твои ли оборванцы?

Сен-Жюст . Они дают тебе свою кровь — это их единственное достояние. Уделите им долю в общественном богатстве, во владении земель. Приобщите их к Революции. Тогда никакие силы не смогут пошатнуть Республику. Какое безрассудство! Для того ли Революция отняла привилегии у знати, чтобы даровать привилегии богатым? Камбон потворствует богачам. За последние четыре года одни только богачи извлекают выгоду из жертв, которые приносит Нация. Новая аристократия торгашей, более хищная, чем прежняя аристократия, дворянская, присваивает все наличное сырье, прибирает к рукам торговлю и промышленность, расхищает богатства земли и сокровища ее недр, хлеб, леса и виноградники. И все это под нелепым предлогом свободы торговли. А вы, вы позволяете им грабить, вы берете под покровительство злейших врагов и приносите им в жертву народ, нашего единственного друга!

Баррер . Берегись! Ты проповедуешь идеи бешеных, мятежников, которых мы разгромили с согласия и одобрения Робеспьера.

Билло . Мы громили их, но не их идеи! Сен-Жюст, я разделяю твои взгляды! Мы боролись лишь против преступного применения этих идей, против честолюбия бешеных, кто бы они ни были, предатели или одураченные простаки, против тех, кто угрожал самим устоям Республики. И поверь, мне это было нелегко!

Баррер . Опасность грозит слева, опасность грозит справа, прямой путь пролегает по узкой тропе.

Сен-Жюст . Зато она ведет к Революции. Революция еще не завершена.

Карно . Но ведь мы совершили ее дважды. Революцию четырнадцатого июля и Революцию десятого августа.

Сен-Жюст . Только третья идет в счет. Когда же мы ее начнем?

Входит Робеспьер.

Робеспьер . Мы начнем ее, когда настанет время. Время еще не настало.

Сен-Жюст . А когда оно наступит, Максимилиан?

Робеспьер . Когда народ поймет, в чем состоит его долг.

Сен-Жюст . А буржуазия поняла, в чем ее долг?

Робеспьер . Я не жду, что враги без принуждения, по доброй воле, станут уважать закон. Ваше дело их принудить. Но наши друзья из народа должны подавать пример справедливости. Они этого не делают. Мы силится обеспечить народу максимум заработка. Это требование не соблюдается. Демагогические надбавки развратили народ. Люди требуют еще более высокой оплаты. Они забывают, в каком трудном положении находится отчизна, вынужденная отражать нашествие неприятеля. Более того, они пользуются нашими затруднениями. Они скорее готовы отказаться от работы, чем согласиться с установленной платой. Пекари, грузчики в порту, сельские рабочие, оружейники бросают работу и предъявляют все новые требования, нанося этим ущерб государству. Предатели! Пора их заставить одуматься. А если будут упорствовать, — предать их суду Революционного трибунала.

Билло . А ты не находишь, что у нас и так достаточно врагов? Вряд ли разумно превращать во врагов наших друзей. А народ ведь, несмотря ни на что, наш единственный друг, как сказал Сен-Жюст.

Робеспьер . Мне ли не знать этого? К чему говорить о своих страданиях? Не я ли связал свою судьбу с судьбой народа? Не в нем ли я находил утешение, когда меня жестоко преследовали, не черпал ли я новые силы в постоянном общении с ним? Но теперь надо иметь мужество признаться: народ отдаляется от нас, он разочарован, он безучастен к нашей борьбе, можно подумать, что он затаил на нас злобу.

Билло . Он не может простить нам казнь своего любимца Эбера.

Робеспьер . Эбера мало было казнить! Он развратил наш народ. Мы не в том должны раскаиваться, что уничтожили Эбера, а в том, что нанесли удар слишком поздно: яд демагогии уже успел проникнуть в душу народа. А теперь нелегко искоренить отраву. И, однако, необходимо произвести эту мучительную и опасную операцию. Мы были бы не друзья, а враги народу, если бы не карали беспощадно всякое нарушение долга перед родиной. Не думаю, чтобы Сен-Жюст проповедовал слабость и близорукое попустительство, когда речь идет о тех, кого он с полным правом назвал «нашим единственным другом».

Сен-Жюст . Я не говорил, что мы можем позволить нашим друзьям поддаваться безрассудной анархии и тем губить наше общее дело. Они не понимают, что это и их кровное дело. Надо иметь смелость спасать людей наперекор им самим. Чтобы восстановить дисциплину, я сам возил гильотину по фронтам действующей армии. Если мы хотим победы, надо всю Францию превратить в военный лагерь.

Билло . А завтра страна окажется в руках военной диктатуры? Ну нет! Когда у нас

двенадцать армий стоят под ружьем, нужно искоренять не только измену и анархию: самая грозная опасность — честолюбие полководца, возглавляющего эти армии. Вот зло, которое сгубило все республики! Марий не лучше Суллы. Пока я жив, диктатору не бывать!

Робеспьер . Разве мы говорим о диктаторе? Мы признаем только диктатуру добродетели и никакую иную. Нас губит испорченность нравов, продажность. Она проникла в недра Республики, она просочилась в глубь, до самых корней. Признаемся же в этом! Вспомните, чем вдохновлялся у нас революционный порыв: разве не чудовищным призывом «обогащайтесь», призывом буржуазии, которая разграбила имущество дворян и духовенства? Мало того, что роскошь, взращенная на нищете народной, являла собой ужасное зрелище. Те самые, кому было поручено бороться с развратителями и развращенными, все эти проконсулы в провинции, вроде вашего Фуше, которые хвалились, что несут беднякам «подлинную революцию», они-то и развратили народ. Ведь это они яростно ополчились на нравственные устои, на благодетельную веру в божество и в бессмертие души.

Билло . Не верю я этому. Уж не прикажешь ли служить мессу?

В кресле на колесах ввозят Кутона.

Кутон (*насмешливо*) . А ведь тебе случалось служить мессу, гражданин Билло. Ты же был священником. (*Обращаясь к тому, кто катит кресло.*) Эй, Катон, осторожнее. Ты так меня толкаешь, словно хочешь прошибить стену тараном.,

Баррер (*шутливо*) . Ему мерещится, будто он все еще берет приступом Лион.

Билло . Ты попрекаешь меня, Кутон, поповской рясой. Я давно ее скинул, а вот Робеспьеру не так-то легко вытряхнуть из себя свою поповскую душу.

Робеспьер (*пожимая плечами*) . Я не терплю попов, мне не нужна церковная религия. Но я утверждаю, что атеизм — это роскошь, доступная лишь аристократам. Бедняки, честные люди, те, кому приходится вести повседневную жестокую борьбу, мучительную и тщетную борьбу с человеческой злобой и нищетой, ищут опоры в мысли о провидении, которое охраняет угнетенную невинность и карает торжествующее преступление. Мы должны укреплять в них эту надежду, — ведь она помогает им жить, как в свое время помогала жить и мне (я не стыжусь в том признаться). Все, что целительно, все, что дает народу силу жить, — это и есть истина. Горе тому, кто убивает веру в сердце народа!

Билло . Если сердце народа настолько слабо, что возлагает заботу о справедливости на какого-то идола, то наша обязанность перековать ему сердце. Мы научим его понимать, что народ, сам народ должен установить справедливость на всей земле. Революция — вот наше божество.

Робеспьер . Если Революция берется заменить собой божество, пускай она выполнит его предназначение, пусть установит царство добродетели! Пускай беспощадно пресекает беззакония проконсулов, которые, под предлогом защиты Революции, позорят ее грабежами, распутством и жестокостью.

Баррер . Мы уже отозвали с постов Тальена, Барраса, Матьё Реньо, Фрерона, Фуше, Карье... Довольно с тебя?

Робеспьер . Надо привлечь их к суду.

Баррер . И привлечем.

Робеспьер . Не верю. Вы не дадите огласки делу.

Баррер . Пойми, Робеспьер, не в наших интересах озлоблять этих деятельных людей; пусть они даже и виновны в превышении власти, зато честно послужили Республике в годину опасности. Для чего разглашать во всеулышанье те прискорбные злоупотребления, которые, быть может, явились залогом их побед? Нечего поминать грехи прошлого. В делах общественных в счет идет лишь настоящее.

Робеспьер . Настоящее отравлено ядом прошлого. Рана загноилась. Надо очистить ее.

Баррер . Остерегайся беречь рану. Ты сам сказал, что народ Парижа не может нам

простить ареста Шометта и казни эбертистов. Люди перестали нас понимать. Они не ропщут открыто, но охладели и отвратились от нас. Всюду глухое недовольство.

Карно . А главное, усталость. Все измучены вконец. За четыре года ни минуты отдыха!

Билло . А мы-то, разве мы отдыхали?

Карно . Однако мы обязаны держаться и поддерживать в народе бодрость духа вплоть до победы.

Баррер . Да пощадите вы людей, дайте им передышку, довольно смущать их умы!

Колло . Не надо новых процессов, не надо раздоров в рядах республиканцев.

Робеспьер . Ради спокойствия Нации необходимо, чтобы убийцы и грабители дали отчет в своих проступках.

Колло . На кого ты намекаешь? На Фуше? На Карье? Я их тебе не выдам. Клянусь честью, они спасли родину.

Робеспьер . В Лионе ты был сообщником Фуше.

Колло . Уж не в меня ли ты метишь?

Кутон . Нет, Колло, никто из нас не сомневается в твоей республиканской честности. Но ты сам знаешь, что твой приятель первый предал бы тебя, если бы нашел это выгодным, так же как он предал одного за другим всех своих прежних союзников — короля, священников и нантских купцов.

Колло . Выдать врага отнюдь не преступление. Он работал для Республики, не жалея сил.

Билло (*указывая на Робеспьера*) . Я-то знаю, Колло, чего он не может ему простить: что Фуше предал господ бога, низвергнутого самодержца... Ведь Робеспьер взял его под свое высокое покровительство, так же как всех этих жаб из Болота, которых он пригрел на своей груди. Нет, мы не выдадим ему Фуше.

Робеспьер . Погодите, придет день, когда он заставит вас в этом раскаяться.

Билло . А ты не слишком-то доверяйся своим сторонникам в Конvente, всем этим лжецам и трусам, бессловесным рабам твоего сераля.

Робеспьер . У меня нет других сторонников, кроме честных людей.

Билло . Ну, в таком случае долго ты не продержишься.

Робеспьер . Я и не рассчитываю на это, Билло. А ты со своими сторонниками думаешь продержаться дольше?

Кутон . Мы правим Республикой, но кто из нас уверен в завтрашнем дне?

Сен-Жюст . Наш день недалог. И пусть его сияющий свет, угасая, указывает путь человечеству на многие века!

Кутон . Нас слишком мало, и нам отпущено слишком мало времени. Кому это знать лучше меня? Ведь я уже наполовину мертвец. (*Показывает на свои парализованные ноги.*) Нам некогда спорить. Отбросим в сторону все, что нас разделяет. Объединим наши усилия вместо того, чтобы нападать друг на друга. Силы каждого из нас отданы Республике. Пускай столкновения между нами неизбежны — не будем считаться обидами! Мы готовы в любой час пожертвовать жизнью. Что нам стоит пожертвовать своими привязанностями и ненавистью ради единения, ради того, чтобы укрепить дело Революции! С нами или без нас, или вопреки нам, пусть победит Революция!

Билло и Карно . Да победит Революция!

Каждый словом или жестом поддерживает этот возглас.

Робеспьер . Мы — ничто, Революция — все!

Все пожимают друг другу руки.

Колло . Время позднее. Скоро два часа ночи. А такой день, как сегодня, можно считать за два. Пора спать.

Карно . Кто из нас несет дежурство?

Сен-Жюст . Сегодня моя очередь, вместе с Баррером.

Робеспьер . Прощайте, друзья.

Все уходят, кроме Сен-Жюста и Баррера.

Баррер . Давай ложиться. (*Укладывается на полу между столами.*)

Сен-Жюст . Прежде всего потушим лишние свечи. Довольно и одной. (*Задувает свечи.*)

Баррер . Жесткое ложе, нечего сказать!

Сен-Жюст . Дай я сверну тебе свой плащ вместо подушки.

Баррер . А ты сам?

Сен-Жюст . Я сплю, подложив руку под голову. Я ведь старый солдат. (*Ложится на полу неподалеку от Баррера.*)

Баррер . Тебе хочется спать?

Сен-Жюст . Сон — привычка мирного времени. На войне от нее отвыкаешь.

Баррер . Ну, а мне спится хорошо только с Клариссой.

Сен-Жюст . С твоей секретаршей? А она не обижается на это?

Баррер . Ей не приходится на меня обижаться. Но после богослужения хорошо соснуть на алтаре, пока звонарь не зазвонит к утрене.

Сен-Жюст . Мы назначим тебя звонарем в Телемское аббатство. Помнишь старика Рабле?

Баррер . Я бы не прочь перечитать при свете этой свечи благочестивый устав ордена Телемитов.

Сен-Жюст . Я помню его наизусть. (*Читает по памяти.*) «Вся жизнь их размерена была не по закону, не по правилам либо уставам, но по их доброй воле и свободному выбору. Подымались с постели, когда взбредет в голову, пили, ели, работали, спали, когда придет охота; никто их не будил, никто не приневоливал...»

Баррер . Увы, увы! Бедные мы подневольные, изгнанные из рая!

Сен-Жюст (*продолжает*) . «...никто не приневоливал ни к питью, ни к трапезе, ни к иному прочему. Понеже так положил Гаргантюа. В уставе их было одно лишь правило...»

Баррер и Сен-Жюст (*вместе, с шутливой торжественностью*) . «Делай, что хочешь!»

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Занавес падает и тут же поднимается снова. Видно тесное помещение, вроде узкого коридора между шкафами книгохранилища и перегородкой, отделяющей от библиотеки зал заседаний Комитета общественного спасения. Коллено, сидя на табурете, пишет, держа бумаги на коленях. За перегородкой слышны голоса: Сен-Жюст декламирует Рабле, Баррер со смехом подсказывает, когда Сен-Жюсту изменяет память.

Голос Сен-Жюста . «Ибо люди свободные, высокородные, просвещенные, вращающиеся в высшем обществе, одарены врожденным чутьем, которое побуждает их к добрым поступкам и отвращает от порока: именуется же это чутье честью...»

Голос Баррера (*подхватывает*) . «Но ежели жестоким насилием и принуждением они принижены и поработаны, то их благородное стремление, свободно влекшее их на стезю добродетели, обращается на то, чтобы свергнуть и сбросить ярмо рабства...»

Голоса Сен-Жюста и Баррера (*вместе*) . «Ибо мы всегда тянемся к тому, что запрещено, и питаем вождление к тому, в чем нам отказано!..»

Пауза.

Голос Баррера (*со вздохом*) . Ах, как жизнь прекрасна! Не выразишь словами!

Оба замолкают. Во время их беседы приотворяется потайная дверца, ведущая в библиотеку, и просовывается голова Клариссы, молоденькой секретарши Баррера. Коллено прикладывает палец к губам. «Тс, тише!» Они замирают на несколько мгновений, прислушиваясь к голосам Сен-Жюста и Баррера за стеной, пока те не умолкают.

Кларисса (*шепотом*) . Все тихо.

Коллено (*так же*) . Да... Должно быть, уснули. (*Передает Клариссе свои записки.*)

Кларисса . Межан переправит бумаги Дантрегу. В конце недели они будут доставлены Конде. Через четверть часа уезжает Сен-Лоран.

Коллено . Паспорт у него есть?

Кларисса . Межан изготовил ему фальшивый паспорт.

Коллено . Ты слыхала, что они перехватили последнее донесение?

Кларисса . Это мы сами им подсунули, по приказу Дантрега, чтобы посеять среди них недоверие.

Коллено . Однако они помирились.

Кларисса . Только на словах! Их всех терзает подозрение. Каждый следит за соседом. Мы прикончим их всех, одного за другим. (*Протягивает Коллено бутылку вина и еду.*) Теперь поешь и ложись спать.

Коллено (*с набитым ртом*) . Всех прикончим!

Кларисса затворяет дверцу и скрывается в библиотеку.

Занавес.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

У Фуше на улице Сент-Оноре, № 315, четвертый этаж, 18 жерминаля (7 апреля), около полудня. Убогая комната, голые стены, грязные занавески на окнах, жалкая постель, колченогий столик, соломенные стулья. У детской кровати сидит женщина (ребенка не видно). Наружная дверь отворяется. Входит Фуше. Бесшумно закрывает дверь, на минуту задерживается на пороге. Женщина поднимает голову, оборачивается.

Фуше — старообразный человек 35 лет, высокий, тощий, костлявый, слегка сгорбленный, прямые, редкие рыжеватые волосы с проседью, бледное лицо, пронзительный взгляд, сжатые губы. Одет в тесный, поношенный, темный сюртук.

Фуше . Ну как?

Жанна Фуше . Ну как?

Оба задают вопрос одновременно. Супруги обмениваются тревожным взглядом, но ни голосом, ни жестом не выражают волнения. Видно, что Жанна забита и обижена судьбой. Фуше не привык обнаруживать свои чувства.

Фуше . Как дочка?

Жанна . С тех пор как ты ушел, она даже не шевельнулась. Совсем ослабела.

Фуше . Ее утомило долгое путешествие.

Жанна (*вопросительно глядя на Фуше*) . А ты, что ты делал с утра?

Фуше (*опускается на стул*) . Ничего. Ничего нельзя поделать.

Жанна . Ты видел наших друзей в Конvente?

Фуше . Друзей? У Жозефа Фуше не осталось больше друзей.

Жанна . Где же они?

Фуше . Их уже нет на свете. За десять месяцев, пока нас тут не было, в Париже шла такая резня! В Конvente больше сотни мест пустует. Настоящее кладбище. Как еще Робеспьер там крестов не поставил!

Жанна . Жозеф, не глумись над крестом.

Фуше . Глупая, ты же не веришь в бога!

Жанна . Кто знает... А может, он нас покарал... (*Показывает на колыбель с ребенком.*)

Фуше (*пожав плечами*) . Я знал, что не встречу в Конvente жирондистов, хотя там до сих пор в ушах звенит от лая этих дворовых псов, которые ворочались, рычали, грызлись, искали блох... И я знал, еще до отъезда из Лиона, что эбертисты разгромлены; я вовремя повернул руль и обрубил канат, которым был привязан к их гибнущему кораблю... Но я ошибся в расчете. Я делал ставку на победу Дантона. А он, глупец, сам попался в западню. Да, я недооценил Робеспьера. Ведь хозяин-то он... пока что он...

Жанна . Ты оскорбил его. Мы погибли.

Фуше (*небрежным тоном*) . Пустяки, проиграть одну партию, — не значит потерять все. Нужно только продолжать игру. И самое главное — выиграть время.

Жанна . Они придут и арестуют тебя.

Фуше (*тем же тоном*) . У нас есть время вывернуться. Они еще заняты, им нужно покончить с охвостьем Эбера и Дантона, подавить тюремный заговор. Завтра или послезавтра настанет черед Шометта.

Жанна . Ты был с ним заодно!

Фуше (*сухо*) . Был когда-то. Теперь он погиб.

Жанна . А если он потащит тебя за собой?

Фуше . Он этого не сделает. Помочь я ему ничем не могу. А он не из тех, кто, погибая сам, тащит за собой и другого. Он честный малый. Он никого не подведет.

Жанна (*с горечью*) . Ты бы, конечно, поступил иначе.

Фуше (*спокойно*) . Конечно. Я защищаю свою жизнь, твою и жизнь нашего ребенка. (*Наклоняется над колыбелью.*) Она не шевелится. Нужно все-таки покормить ее.

Жанна . Я дала ей немного молока. Она с трудом глотает по капле.

Фуше . Дай мне... Я попробую. (*Опускается на колени перед колыбелью и заботливо, терпеливо поит ребенка с ложечки.*) Пей, моя милочка... моя маленькая Ньевра... сокровище мое!..

Жанна . Ты не сказал мне, что делал в Конvente.

Фуше (*встает и старательно отряхивает пыль с колен*) . Кругом одни тени, ничего с ними не сделаешь. В них умерло все живое, кроме страха. Когда я хотел подняться на трибуну и прочесть им отчет о моей деятельности в Лионе, они растерялись, они отослали мой доклад в Комитет, Робеспьеру. И первый, кто поспешил это предложить, был Бурдон из Уазы, а он, я знаю, до смерти ненавидит Робеспьера. После двойного удара, который сокрушил эбертистов и дантонистов, они там совсем как пришибленные. Да и кто там остался? Обломки прошлого — Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа. Они сгрудились все, как стадо баранов, жмутся друг к другу, сгорбились, съежились, животы подвело, сердце сжалось от страха. А посмотришь на них, отворачиваются, глаза отводят. Их так долго заставляли молчать, что они и говорить-то разучились. Точно в пещере Полифема — гадают, чья очередь, кому сегодня быть съеденным, и стараются вытолкнуть вперед любого вместо себя. При виде меня их единственная мысль была отдать меня на съедение — я сразу это понял.

Жанна . Мы погибли... погибли...

Фуше . Да нет, голубушка, ничего! Когда беда придет, успеем найти выход. Она еще не пришла.

Жанна . На что ты надеешься? Ведь какую ненависть ты возбудил против себя!.. Тысячи жертв в Лионе... кровь... развалины...

Фуше . Пожалуй, я действовал там слишком круто. Но, я знаю, здесь они довольны плодами моего труда. Теперь они не прочь были бы свалить на меня одного всю тяжесть ответственности за те неизбежные жестокости, которые сами же приказали мне совершить. Мне следовало бы вспомнить, как некий итальянский принц приказал верному слуге избавить его от опасного соперника, а затем велел четвертовать слугу на городской площади, дабы показать добрым подданным, что совесть его чиста, а руки незапятнаны. Самый осторожный человек недостаточно осмотрителен. Если затеваешь рискованное дело, постарайся впутать туда и других. Я человек мягкий и доверчивый, но с годами становишься умнее. В следующий раз я не оплошаю. Правда, я и теперь принял кое-какие меры предосторожности. В Комитете немало людей, которым невыгодно поднимать историю о моем управлении в Лионе. Я ничего не подписывал один, без Колло, и даже, по счастливой случайности, при особенно важных решениях я скромно отступал, а Колло подписывался первым. *Scripta manent...* Что написано пером... Я сохранил бумаги на всякий случай.

Жанна . Это еще опаснее. Они постараются отнять у тебя эти бумаги.

Фуше . Я избавлю их от хлопот. Я сам представлю бумаги в Комитет. *(Направляется к двери.)*

Жанна . Куда ты?

Фуше . К нашему соседу, Максимилиану.

Жанна *(всплеснув руками)* . Ты сам идешь в логово волка!

Фуше . В старых сказках волк не всегда остается победителем.

Жанна . Но он ненавидит тебя!

Фуше . В политике не место чувствам. Если верно то, что говорят о Робеспьере, он, как человек государственный, укротит свою желчь.

Жанна . Ты сам этому не веришь.

Фуше . По правде сказать, я сомневаюсь, однако посмотрим.

Жанна . Он оскорбит тебя.

Фуше . Не так-то это легко. В игре только одна цель — выиграть. Я не обращаю внимания на оскорбления... До свиданья, моя милая, до свиданья, моя цыпочка! *(Целует ребенка, идет к выходу, берет за ручку двери.)*

Жанна . Ах, я совсем забыла... Заходил Карье. Спрашивал, когда можно с тобой повидаться.

Фуше . Пока еще рано, я и сам не знаю. Там видно будет.

Жанна . Ему, как и тебе, угрожает опасность со стороны Робеспьера.

Фуше . Вот именно! Все зависит от моей беседы с Максимилианом. Нынче вечером я буду знать, кем из двух придется пожертвовать.

Жанна . Жозеф! И ты еще можешь колебаться между врагом и союзником?

Фуше . Я и не колеблюсь. Что бы ни было, я твердо решил не жертвовать собой. *(Уходит.)*

Занавес.

КАРТИНА ПЯТАЯ

У Робеспьера. В тот же день, полчаса спустя. Маленькая комната на втором этаже, в окно виден двор и сараи. Камин. Кровать орехового дерева с полотняным синим пологом, затканым белыми цветами. Скромный письменный стол.

Несколько соломенных стульев. Шкаф с книгами. Справа и слева двери. Правая ведет в комнату Симона Дюпле, откуда выход на парадную лестницу, а затем в подъезд на улицу Сент-Оноре. Левая дверь ведет в спальню г-жи Дюпле, отделенную от спальни Робеспьера умывальной комнатой; отсюда выход на деревянную узкую лестницу, спускающуюся во двор.

Робеспьер вдвоем с Симоном Дюпле, по прозвищу «Деревянная нога». Симон сидит за столом, заваленным грудой писем и бумаг. Робеспьер ходит из угла в угол по тесной комнате. Под столом лежит датский дог, по кличке Браунт.

Молодой Дюпле (*приотворяет левую дверь; запыхавшись*) . Максимилиан! Во дворе гражданин Фуше, он хочет с тобой поговорить.

Робеспьер . Я не желаю его видеть. Для него моя дверь закрыта.

Молодой Дюпле, затворив дверь, исчезает.

Робеспьер . Симон! Ты разобрал сегодняшнюю почту?

Симон . Разобрал, немало пришлось потрудиться. (*Указывает на грудку писем.*) Экие болтуны! Брызжут чернилами, как слюной.

Робеспьер . Я не вправе их упрекать. Я и сам много говорю.

Симон . Ты говоришь за них, за всех нас. Они хотят отблагодарить тебя.

Робеспьер . Что они пишут? Дают советы, шлют приветствия?

Симон . Вон в той большой пачке — одни приветствия и похвалы. (*Указывает на грудку писем.*)

Робеспьер . Тогда не стоит читать. Займемся серьезными делами.

Симон . Разве тебе не приятно узнать, кто твои друзья?

Робеспьер . Гораздо важнее знать, кто враги Республики.

Симон . Чтобы разгромить врагов, тебе полезно знать, на кого ты можешь рассчитывать.

Робеспьер . Вряд ли я найду ответ в этих письмах. Не верю я им. Те, кто восхваляет меня, — или боятся, или хотят о чем-то попросить.

Симон . Может быть, и так. Но не стоит в этом разбираться. Ведь ко всему, что мы, бедняги, делаем, всегда примешан личный интерес. Впрочем, не беда, лишь бы это шло на общее благо! Послушай-ка, что пишут твои сторонники из Болота — Дюран-Майян, Сийес, Буасси и жирондисты, которых ты спас:

«Дорогой наш коллега! Пусть твое бескорыстие и порожденная им славная независимость суждений возвеличат тебя над всеми прочими республиканцами... Вставай и впредь на защиту слабого, не давай пощады предателям и заговорщикам... Мы будем хранить глубокую признательность к тебе до последнего биения сердца».

Робеспьер (*махнув рукой, прерывает чтение*) . Знаю... Знаю... Трясутся там от страха в своем Болоте. Не будь меня, давно бы какая-нибудь цапля проглотила их живьем. Никто бы и не заметил исчезновения этих людей, как не замечали их самих при жизни. Существа без цвета, без запаха, без вкуса. Но не злые. Пока они сознают, что их судьба связана с моей, они могут быть полезны Республике. Вот и приходится беречь их.

Симон . Вспомни басню, как некий простак отогревал на груди змею. Остерегайся Сийеса.

Робеспьер . Из всей моей бессловесной команды один только Сийес способен мыслить. Он ценит порядок. И поможет мне восстановить его.

Симон . Другие корреспонденты, попроще, просят тебя быть крестным отцом. В трех семействах назвали младенцев Максимилиан, Максимилиана и Робеспьер. А в четвертом дали сыну имя «Неподкупный Максимилиан»...

Робеспьер . Глупцы! Когда сын вырастет, он первым делом постарается стереть с себя это клеймо.

Симон . Вот объяснение в любви от какой-то девицы. Юноша посылает прядь волос

своей возлюбленной с просьбой благословить их союз. Священник предлагает поминать твое имя в церкви.

Робеспьер . Плут и провокатор! Это Вадье подсказал ему, чтобы погубить меня.

Симон . Да нет же, нет. Он от чистого сердца. Каждый по-своему выказывает любовь к тебе. Одни в стихах, другие в песнях, священники в акафистах.

Робеспьер . А убийцы прячут кинжал в букете цветов.

Симон . Убийцы? О ком ты говоришь? Все твои враги обезоружены.

Робеспьер . Не далее как сегодня в Комитет явился Лежандр, насмерть перепуганный; он показал анонимное письмо, где какой-то тайный наш противник, разжигая его честолюбие, призывает вооружиться парой пистолетов и застрелить меня и Сен-Жюста прямо в Конвенте. И ты думаешь, этот презренный трус, бывший друг Дантона, не убил бы нас, если б не боялся быть уличенным? На свете больше трусов, чем убийц. В этом наше спасение. Но гордиться тут нечем.

Симон . Народ за тебя стоит стеной, мы защитим тебя грудью.

Робеспьер . Вы будете крепко спать, как ученики Иисуса в Гефсиманском саду.

Симон . Максимилиан! Как ты можешь сомневаться?

Робеспьер . В тебе, Симон, я не сомневаюсь. Все в этом доме преданные и верные друзья. Но ты знаешь лучше всякого другого — ведь ты каждый день читаешь вместо меня донесения полиции, у тебя и теперь лежит их целая кипа, — ты знаешь сам, как народ утомлен, разочарован, ненадежен, как легко его смутить нелепыми подозрениями и подлой ложью, которую распускают коварные враги. Когда я вышел на улицу, проболев месяц, я был потрясен той переменой, которая произошла а народе. Наши враги сеют недовольство. И трудно решить, какой враг опаснее, — тот, что ратует за королевскую власть, или тот, что заведомо лжет, расточая посулы, насаждая продажность и злоупотребляя террором. Стоило ли казнить Эбера? Его яд остался. Для подлых людей Революция только добыча. Лишите их наживы — они тотчас покажут клыки, отойдут в сторону, предадут нас. Кто истинная опора Республики? Горстка людей. Их так мало, и все их могущество в силе слова.

Симон . Но ведь это самая благородная, самая возвышенная сила.

Робеспьер . Я узнал ей цену в Конвенте. Не очень-то надежна эта сила. Я видел там страх и покорность побитого пса, трусливого и хитрого, с которого нельзя ни на минуту спускать глаз, иначе он того и гляди вцепится в вас исподтишка. Славный мой пес Браунт! (*Ласково трогает его ногой.*) Прости, что я сравнил собак, наших преданных друзей, с людьми без чести и совести... Но горше всего видеть, как вокруг нас, по всей Франции, распространяется гнусная зараза продажности. Да будут прокляты деньги! Это проказа на теле Республики. Она разъедала людей, которым я верил всей душой. Позорный скандал в Ост-Индской компании обнажил эти язвы. Напрасно мы вырезаем один гнойник за другим — повальная болезнь косит всех направо и налево; и те, кого мы посылаем на борьбу с ней, заражаются сами. Первыми заболевают лицемеры, которые усерднее других выставляют напоказ свою гражданскую доблесть. Под флагом террора наши посланцы в провинциях бесстыдно торгуют революционным правосудием: продают помилования, отменяют приговоры, грабят имущество... Фуше, Тальен, Фрерон, Баррас... негодяи, запятнавшие себя кровью и грабежами... Вот и сейчас в Воклюзе орудуют черные банды, на вербованные Ровером с помощью Журдана, этого чудовища, версальского головореза, который вырвал сердце у Фулона, — они там скупают за бесценок государственные земли. И в эту шайку разбойников, по донесениям, полученным мною, входит более пятисот человек, занимающих общественные должности... Страшно подумать! Республика в опасности — республиканцы продают ее с торгов!

Симон . Надо покарать их.

Робеспьер . Надо покарать их... Но это не в наших силах! Когда не нужно, трибуналы щедро проливают кровь. Но как только дело доходит до этих подлецов, чья-то могущественная рука удерживает занесенный топор. У злодеев оказываются защитники в самом Комитете. Бесполезно предавать суду богачей, они всегда изыщут способ обойти

закон. Одних бедняков приносят в жертву. Следовало бы провести чистку обоих Комитетов и перестроить все судопроизводство.

Симон . Так сделай же это.

Робеспьер . И сделаю. Но я знаю, Симон, что это и погубит меня. Они обвинят меня в стремлении к диктатуре. Оружие древнее и обоюдоострое: его создали защитники Свободы для борьбы с тиранами, а тираны пользуются им против защитников Свободы. Вот уже два года контрреволюция применяет это оружие против меня. Хитрый дьявол Питт наводнил всю Францию воззваниями, где говорится о моих солдатах и моей армии, как будто я король Республики. Они стараются посеять тревогу, восстановить против меня добрых граждан и разжечь ревнивые подозрения моих товарищей.

Симон . Мелкие неудачи неизбежны — такова расплата за твой высокий моральный авторитет. Не унывай! Ты должен радоваться и гордиться. Твоя сила в бескорыстии, твоя цель — благо Нации. Ты победишь, как мы победили при Вальми. Так велит разум. Разум всегда побеждает.

Робеспьер . Славный ты малый.

Въезжает Кутон в кресле на колесах.

Кутон . Максимилиан! Я встретил у твоих дверей Фуше. Он, кажется, просил его принять, а ты отказался.

Робеспьер . Это правда.

Кутон . Его не так-то легко спровадить. Он все еще ждет, мокнет там у подъезда, шагает взад и вперед под дождем.

Робеспьер . Я презираю его в такой же мере, как грязь, которую он топчет. Будь моя воля, я бы втоптал его в эту грязь.

Кутон . Это не в твоей власти — по крайней мере теперь. Плут принял все меры предосторожности. У него есть покровители в Комитете.

Робеспьер . Ты знаешь лучше всякого другого, какая цена их покровительству.

Кутон . Больше чем кто-либо другой я имею основание не щадить этих лионских палачей, Колло и Фуше; они отстранили меня, они свели на нет все мои попытки внести умиротворение. Но какой смысл выказывать чувства, если ты не в силах претворить их в действие? В водовороте политических событий мы не смеем позволить себе роскошь личной вражды. Одно из двух — или сокрушить врага, или, если не можешь, не доводить его до ожесточения. Советую принять Фуше! Что тебе стоит повидать его, выслушать, вывести, какие у него планы, и хоть на время усыпить его подозрения?..

Робеспьер . Что нового он может мне сказать? Ненавижу этого мошенника. При виде его я не смогу скрыть свое омерзение. Пускай обивает пороги, я не приму его.

Кутон . Тогда он пойдет к своей прежней поклоннице — твоей сестре Шарлотте — и будет лить слезы у ее ног. Хоть он изменил ей, она до сих пор к нему неравнодушна, ты же сам знаешь. Она прибежит и станет умолять тебя.

Робеспьер (*в тревоге*) . Нет, нет, только не это! Избавьте меня от нее, умоляю вас! Она выводит меня из себя. Я не выношу ее.

Кутон . Тогда прими этого негодяя. Другого выхода нет.

Робеспьер . Ну что ж! Придется пойти на это, раз ты так решил. Ты всегда умеешь добиться, чего хочешь, хитрец.

Кутон . Я хочу только общественного блага, а оно неразрывно связано с твоим.

Робеспьер . Хорошо, согласен. Приведите его. А ты, Кутон, останься здесь. Мне важно, чтобы ты был свидетелем нашего разговора.

Кутон . Ни за что! Я слишком хорошо знаю, что здесь произойдет — хоть и прошу тебя быть сдержанным, — я не хочу присутствовать при унижении врага и тем унижить его еще более. Зачем напрасно вызывать его ненависть? Даже если ты порвешь с ним, мне бесполезно будет сохранить связи с вражеским лагерем. Увезите меня. Я отлично все

услышу из соседней комнаты...

Робеспьер . А ты, Симон, останешься здесь.

Кутон . Было бы лучше...

Робеспьер . Я так хочу.

Симон . Я тоже. Пока ты у нас в доме, Максимилиан, мой долг охранять тебя. Я дал себе слово никогда не оставлять тебя одного с посетителями.

Кутон . Ты прав. Хорошо было бы, если бы так охраняли Марата.

Симон вкатывает кресло Кутона в соседнюю комнату и неплотно притворяет за ним дверь. Возвращается к Робеспьеру, выходит в противоположную дверь. Слышно, как он свистом подзывает кого-то с улицы.

Симон (*бесцеремонно*) . Эй! Эй ты, там! Гражданин! Можешь войти.

Оставшись один, Робеспьер встает и оглядывает себя в зеркале. Поправляет галстук. Лицо его становится холодным, непроницаемым. Возвращается Симон. Робеспьер стоит в ожидании, облокотившись на камин, не глядя на дверь. Поспешно входит Фуше в поношенном сюртуке, застегнутом до подбородка, длинном, словно сутана, весь промокший от дождя. Он зябко потирает руки и покашливает.

Фуше . Прости, Максимилиан, что я потревожил тебя среди твоих неусыпных трудов. Но я желал, вернувшись после долгого отсутствия, поскорее дать тебе отчет в своей миссии. Меня влекла к тебе также приятная обязанность поздравить старого друга, выразить восхищение твоей борьбой против врагов Республики, твоими великими победами, твоими талантами. Я горжусь тобой больше всех, ведь я с самых первых шагов предвидел твой могучий взлет. Сколько лет прошло с тех пор?.. Помнишь?.. Пять или шесть?.. Не то это было вчера... не то давным-давно... Помнишь наши незабвенные вечера в Аррасе, в коллеже Оратории, в академии Розати?.. И Карно был с нами... Нас роднила страсть к науке и прогрессу, общая вера в будущее человеческого разума. Уже тогда ты блистал среди нас своим красноречием, душевной чистотой. Нас восхищала в тебе доблесть античного героя, благородное стремление освободить и просветить человечество, твое чувствительное сердце. Ты остался верен себе. С каждым днем ты вырастал все выше, но ты не изменился.

Робеспьер . И ты не изменился. Ты всегда лгал, всегда предавал.

Фуше . Максимилиан...

Робеспьер . Ты предал бога, именем которого клялся, церковь, которой служил, избирателей, которые доверились тебе, предал все партии и всех друзей, которые имели глупость рассчитывать на тебя, предал короля, Республику, все человечество!

Фуше . Максимилиан! Не будь несправедлив, не отнимай у искреннего человека права признать свои заблуждения, перейти в другой лагерь, если он видит, что истина там.

Робеспьер . Для тебя истина там, где твоя личная выгода. Ты прошел в депутаты как роялист, чтобы защищать привилегии и награбленное добро твоих сообщников, работорговцев и корсаров из Нанта. И на другой же день ты предал их; ты потребовал казни короля, которого накануне клялся защищать, лишь только увидел, что выгоднее перейти в другой лагерь. Ты был с жирондистами, пока верил, что они прочно стоят у власти. И на другой же день отступился от них и стал эбертистом, самым отъявленным. Разумеется, лишь только прошел слух, что Эбер падет, ты отрекся от него и усердно содействовал его падению. Твоя беда в том, что ты жил в двух-трех днях пути от Парижа и осведомляли тебя скудно и с запозданием. Ты поверил в близкое падение другого человека и старался всеми средствами ускорить это падение. Но ты ошибся: этот человек цел и невредим, и он смотрит на тебя сейчас с гневом и отвращением.

Фуше . Робеспьер! Твои доносчики ввели тебя в заблуждение.

Робеспьер . Неужели ты думаешь, что я не знаю о твоих происках в Лионе против

Кутона и меня, о кознях и подкопах, о кличке «модерантисты», которой ты нас заклеил, о тайных сношениях с моими врагами в Конвенте, о преследовании моих друзей и агентов, о перехваченных тобою письмах? Ты думаешь, мне неизвестно, что два часа назад, прежде чем прибежать сюда, ты пытался подкупить кое-кого в Конвенте и хитростью выманить одобрение твоей миссии в Лионе, чтобы уклониться от проверки со стороны Комитета? Ты надеялся обмануть Конвент и противопоставить его Комитету. Твоя затея провалилась. И вот тебе пришлось вернуться в Комитет, к тому самому, кого ты надеялся обойти.

Фуше . Нечего делать, признаюсь. Ты слишком проницателен, Максимилиан, с тобой никакие уловки не помогут. Поверь, я не сомневался в твоём могуществе, но не подозревал, что оно так безгранично. Моя ошибка простительна. В провинции, где я пробыл около года, нет возможности быть столь же осведомленным, как ты. Знай я все, уж, поверь, я бы старался ни в чем с тобой не расходиться.

Робеспьер . Неужели ты считаешь, что такой цинизм может расположить меня в твою пользу?

Фуше . Я считаю тебя, Максимилиан, великим политиком; ты отлично понимаешь, что, когда ведешь армию в бой, перед тобой единственная цель — победа; значит, надо объединять свои усилия с теми, кто лучше других поможет одержать победу.

Робеспьер . Не потому ли ты связался с теми, кто способен принести поражение? Со всеми врагами Республики?

Фуше . С твоими врагами, Максимилиан. Только вернувшись сюда, я узнал, что они также и враги Республики. Но теперь я помню это твердо. Отныне они и мои враги.

Робеспьер . Значит, тебе придется стать врагом самому себе!

Фуше . Давай, наконец, объяснимся начистоту. Конечно, прискорбно, что ты не любишь меня, Максимилиан, меня это глубоко огорчает. Но мы оба не такие люди, чтобы зависеть от личных чувств, мы выше этого. Нами управляет разум, мы должны подчиняться соображениям здоровой политики. В чем ты, как политик, можешь меня упрекнуть? Почему отозвали меня из Лиона? Я готов хоть сейчас дать отчет в своей миссии. Кто обвиняет меня и в чем?

Робеспьер . Я обвиняю тебя, я! И моими устами — твои бесчисленные жертвы, все, кого ты замучил, ограбил, оскорбил, погубил. Моими устами тебя обвиняет Республика, которую ты залил кровью и опозорил. Гекатомбы твоих жертв вызывают ужас во всем мире, ты нас всех запятнал кровью. Мало того, что ты навлек на нас проклятия, ты покрыл нас бесчестьем. Подлым преследованием религии и бедных простых людей, которые ищут в ней утешения, ты разжег фанатизм. Грубым глумлением над христианством, шутовским карнавальным атеизмом ты доставил повод Питту и его своре писак распускать ядовитую клевету и высмеивать нас, ты восстановил против Революции все страны, еще не вошедшие во вражескую коалицию. Чем искупить то зло, которое ты причинил Республике? Можешь гордиться делом рук своих.

Фуше . Да, я горжусь своей работой. За десять месяцев я выполнил задачу четырех-пяти проконсулов. Я один управлял от имени Конвента четвертой частью Франции. Когда я уехал по вашему поручению, она пылала со всех сторон. Жирондисты, вандейцы, лионцы и англичане окружали Францию железным кольцом, все теснее затягивали на ее шею петлю. Я, да, я помог разорвать кольцо. Я собрал, снарядил, снабдил продовольствием несколько армий, я отправил на фронт тысячи солдат — в Нант, Мэн, Канны, Лион, Тулон. Я укрепил якобинцами все канцелярии, муниципалитеты, управления в департаментах центра. Я произвел там полную революцию. Чтобы сломить сопротивление любой ценой, мне пришлось применять гильотину, интриги и подкупы. Я жестоко подавил мятеж. Но ты отлично знаешь, что Колло д'Эрбуа, твой товарищ по Комитету, участвовал в подавлении мятежа наравне со мной. Пускай эти карательные меры часто раздирали мое чувствительное сердце, я должен был сдерживать его трепет, дабы выполнить свою задачу, дабы «ценой

нескольких загубленных жизней» подготовить «всеобщее счастье потомства»¹.

Робеспьер . В твоих устах самые священные слова звучат гнусно. Я знаю тебя, Жозеф Фуше. Что тебе всеобщее счастье, человечество, будущие поколения? Твои жестокости тем более омерзительны, что ты совершаешь их с ледяным спокойствием. По мне, уж лучше кровожадный волк вроде Карье. Ты лицемер до мозга костей.

Фуше . В лицемерии ты большой знаток. У меня даже пропала охота возражать. Весь вопрос в том, выгодно ли для меня и тебя, для Революции, — раз, по твоим словам, ты и Революция составляете единое целое, что я готов допустить, — выгодно ли для Революции, чтобы мы с тобой заключили мир!

Робеспьер . Никогда!

Фуше . В политике слово «никогда» не существует.

Робеспьер . Для тебя не существует ни «да», ни «нет». Хамелеон! Пока мы говорим, ты на глазах меняешь окраску.

Фуше . Я хочу только блага Республики.

Робеспьер . Благо Республики в том, чтобы не иметь с тобой никакого дела. Исчезни, сгинь.

Фуше . Исчезнуть я всегда успею. Удели мне несколько минут.

Робеспьер . Избавь меня от твоей гнусной физиономии.

Фуше . На тебя мне тоже не очень приятно смотреть, но то, что я хочу тебе сказать, слишком серьезно и не терпит отлагательства.

Робеспьер . Нам не о чем больше говорить.

Фуше . То, о чем я должен с тобой поговорить, — не для ушей твоего жандарма. *(Указывает на Симона Дюпле, который молча присутствует при их беседе.)*

Робеспьер . У меня нет тайн от моих друзей.

Фуше . К чести твоей позволю себе усомниться в этом. При управлении государством часто необходимо, чтобы правая рука не ведала, что делает левая.

Робеспьер . Пусть моя правая рука, так же как и левая, ведают, какое презрение ты вызываешь во мне.

Фуше . Я отлично понял, что ты решил устроить мне прием при свидетелях, чтобы я вдвойне оценил эту честь... и даже удивился, что не застал у тебя Кутона, который меня опередил. Но тут же успокоился, увидев, что дверь в соседнюю комнату приотворена. Ты здесь в своей семье. Весьма признателен, что ты и меня допускаешь в семейный круг. Ну что ж, раз тебе так хочется, я буду обращаться к Робеспьеру и его семье.

Робеспьер . Да, семье... У тебя, живой мертвец, семьи никогда не будет.

Фуше . Вот и ошибся, Максимилиан! Хотя я и очень беден *(показывает на свою поношенную одежду)*, но в этом я гораздо богаче тебя, у меня есть ребенок... Однако таким людям, как мы с тобой, не стоит говорить о детях. Перейдем к делу! Робеспьер! Мне незачем напоминать тебе, что ты со всех сторон окружен врагами. Они скрываются повсюду, даже в числе твоих друзей. В Конвенте ты заставил всех молчать, но ты знаешь не хуже меня, что под этим молчанием таятся страх и жажда мести. Даже в Комитете против тебя ведется подкоп. Самые твои успехи навлекают на тебя ненависть врагов, внутренних и внешних. Я хорошо изучил тебя. За сутки, что я провел в Париже, за всю ночь без сна и день без отдыха, я учел все силы, взвесил все возможности и вижу, что ты один способен навести порядок в хаосе и вернуть Революцию на правильный путь. Ты хочешь и можешь этого добиться. И я готов помочь тебе.

Робеспьер . У тебя есть дело поважнее — помочь самому себе..

Фуше . Я слабый, смиренный человек, Робеспьер. Но ведь в басне голубю, — если ты позволишь сравнить тебя с голубем, — очень пригодилась в трудную минуту помощь муравья.

¹ Подлинные слова Фуше. — Р. Р.

Робеспьер . Как ты смеешь предлагать мне свою помощь, когда ты олицетворяешь в политике все то, что мне ненавистно, с чем я буду бороться всеми силами, пока не очищу Республику? Ты — воплощение самого чудовищного злоупотребления террором.

Фуше . Не будем поминать прошлое. Возможно, что мне случилось ошибаться. Я старался, как умел. В то время подобные крутые меры, пожалуй, были необходимы. Теперь они уже не нужны, признаю, и ты прав, что осадил меня. Однако убрать паруса во время бури не так-то легко. И тебе очень бы пригодился на корабле сын капитана дальнего плавания. Предлагаю тебе свою помощь.

Робеспьер . А для чего? Исправить то, что ты напортил? Восстановить то, что ты разрушил? Клеймить твою грязную политику? Карать тех, кто замешан в кровавых преступлениях, твоих зловещих соучастников — Карье, Фрерона, Барраса, Гальена?

Фуше . Почему бы нет? Я не страдаю ложным самолюбием. Если я признал, что твоя политика правильна, что настало время натянуть удила, я с той же минуты готов приняться за дело; не такой я человек, чтобы отступить перед крутыми мерами, я это доказал. Самые крайние средства хороши, если они целесообразны, и я согласен применять любые.

Робеспьер . Иуда! Вечно ты рыщешь, выискивая, кого бы предать, чему бы изменить.

Фуше . Ах, Робеспьер, как надоели твои постоянные ссылки на Евангелие! Я знаю не хуже тебя, а может быть, даже и лучше, в силу своей профессии, тексты из бывшего Священного писания. Они полезны для тех, кто может себе позволить мирную, бездеятельную жизнь. Но нам отказано в подобной роскоши, мы должны держать у изголовья иную книгу — книгу опыта. Пускай в ней немало противоречий, но в государственной деятельности кратчайшая линия между двумя точками редко является прямой. Тебе известно лучше всякого другого, что средства для спасения народа и государства не всегда одинаковы. Порой надо сражаться, порою притаиться, вынуждая противника к маршам и контрмаршам, чтобы обессилить его. Иногда могут пригодиться самые решительные меры, но только на короткий срок. Вскоре от них отрекаются и заимствуют у противника умеренность, на которой тот строил свою политику. При умелой стратегии пользуются поочередно то Горой, то Болотом. В этом искусстве, — скажу не хвастаясь, — я могу быть полезен даже такому учителю, как ты.

Робеспьер . Твои учителя не здесь.

Фуше . Где же?

Робеспьер . В могиле, где Дантон и Эбер. Очередь за тобой!

Фуше . Я еще не умер. Если меня вздумают столкнуть в могилу, уж я постараюсь, чтобы другие опередили меня. Ты не прав, Робеспьер. Для тебя гораздо выгоднее иметь во мне друга.

Робеспьер . Гораздо менее опасно иметь в тебе врага.

Фуше (*направляется к двери*) . Посмотрим... Очень жаль, Робеспьер. Гордость всегда была твоей слабой стороной, она погубит тебя... Прощай. Дело не выгорело! Что же, тем хуже для меня, но тем хуже и для тебя! (*Выходит в дверь направо*².)

Из левой двери появляется Кутон, которого вкатывает младший Дюпле.

Робеспьер . Гадина...

Кутон . Не следует на гадину наступать. Но если уж ты это сделал, — дави ее насмерть немедленно.

Робеспьер . Я так и поступлю.

Кутон . А в силах ли ты? Ты же видел, Комитет сопротивляется.

Робеспьер . Я это сделаю.

² Вниманию исполнителей. — В этой сцене Фуше ни разу не повышает голоса, говорит ровно и монотонно. Напротив, Робеспьер, как ни старается сдержаться, судорожно сжимает руки за спиной, все в нем клокочет, и голос его по временам срывается от гнева. — *Р. Р.*

Кутон . А до тех пор, Максимилиан, не стоило так его озлоблять. Куда благоразумнее усыпить его подозрения. Ну да сделанного не воротишь. Постараемся опередить его.

Робеспьер . Теперь он уползет в свою нору.

Кутон . Там он не менее опасен. Эта мерзкая тварь умеет рыть подземные ходы и ускользнет из любой ловушки.

Робеспьер . Или попадется в собственные силки.

Из двери направо появляется Леба.

Леба . Привет вам, братья!

Кутон . Привет, Леба!

Робеспьер молча, с приветливой улыбкой пожимает руку Леба.

Леба . Мне только что попался навстречу Жозеф Фуше рука об руку с Карье.

Робеспьер . Уже успел!

Кутон . Вот видишь, схватка началась.

Леба . Карье так дико вращал глазами и так был взволнован, что даже не заметил меня. Не знаю, что такое нашептывал ему Фуше.

Робеспьер . Несколько минут назад он предлагал мне голову Карье.

Кутон . Думаю, что теперь он предлагает Карье твою голову.

Леба . Напрасно вы собрали в стенах Парижа всех этих опальных проконсулов.

Робеспьер . Необходимо было освободить от них измученную провинцию, довольно эти пиявки сосали кровь Франции.

Леба . Если вы не можете (а я бы этого хотел) заключить с ними мир, то вы должны их обезвредить.

Робеспьер . Им удалось запутать в свои грязные дела многих членов Конвента, чьи голоса нам необходимы. Правосудие Революции уже больше не в наших руках. Чтобы одолеть этих негодяев, обычные способы не годятся.

Кутон . Изобретем новые.

Робеспьер . Мы не должны нарушать законы.

Кутон . Да ведь законы исходят от нас. Зачем же нам нарушать их? Издадим новые законы, нужные Республике.

Леба . Довольно препираться! Если заговор налицо, не теряйте времени! По закону или против закона, разите врага, пока он не успел опомниться!

Робеспьер . Ты ли это, прежний законник, столь педантичный в суде? Ты был так щепетилен, ты первый требовал точного соблюдения законов.

Леба . В армии мы с Сен-Жюстом поняли, что высший закон — это любой ценой добиться победы. Каждую минуту нам приходилось самолично, бесконтрольно принимать решения, не подлежащие обжалованию. С точки зрения закона мы, пожалуй, заслуживали порицания. Но, подобно Цицерону, приказавшему удавить Катилину, я мог бы сказать: «Клянусь, что мы спасли отечество!»

Робеспьер . Вы спасли его. Но и спасители могут когда-нибудь стать опасными для Республики.

Кутон . Таковы судьбы Революции. В ее буйном кипении формы непрерывно меняются, и надо зорко следить, как бы орудие, выкованное в свое время для защиты Свободы, не стало впоследствии орудием угнетения. Тогда ломайте его немедленно.

Робеспьер . Именно таким орудием стали наши ярые террористы, проконсулы в провинциях.

Кутон . Однако и противоположный полюс — переряженные роялисты — представляет не меньшую опасность. Чтобы обуздать и тех и других, бешеных и умеренных, нам придется, Максимилиан, разоружив проконсулов, завладеть их оружием и, заменив их,

смело возглавить борьбу за равенство, довести до конца Революцию.

Робеспьер . Я желаю этого не менее пламенно, чем ты. Вам известны мои сокровенные мысли. Я всегда был и всегда буду за народ, заодно с народом, против бесстыдного класса алчных торгашей, хищников, пиявок, сосущих кровь Революции, хотя мы все трое (чем я отнюдь не горжусь) происходим из буржуазии, а для нее, как говорил Руссо, сама Свобода — «лишь средство беспрепятственно приобретать и благополучно владеть». Буржуазия на все пойдет, ни перед чем не остановится, лишь бы держать народ в ярме и задушить все успехи Революции. Наша главная внутренняя угроза — это алчность и эгоизм ненасытных буржуа. Мы убедились во время их дикого произвола в Марселе, Бордо и Лионе, на что они способны. Они одержали бы верх и в Париже, если бы тридцать первого мая народ не восстал. Мы должны постоянно поддерживать пламя восстания в народе, постоянно сохранять огонь под пеплом³. Пусть ничто не нарушает нашей кровной связи с народом! Вместе с тобой и Сен-Жюстом я признаю необходимость классовой политики, изъятия награбленных богатств в пользу неимущих — в этом суть наших Вантозских декретов. Но при выполнении этих декретов необходимо соблюдать осторожность. Мы вынуждены быть осмотрительными, пока неприятель топчет нашу землю. В руках богачей государственный кредит, от них зависит снабжение армий. За вами дело, Леба, Сен-Жюст, — ведите наши доблестные войска, отбросьте внешнего врага за пределы родины, и тогда, наконец, мы сможем обратить силы против врага внутреннего!

Кутон . А до тех пор сколько вреда он успеет причинить! И одно из главных зол — щадя врага, мы потеряем доверие народа, который не поймет нашей политики.

Робеспьер . Народ готов пойти на все жертвы, если воззвать к его высоким чувствам, к священному источнику, который пытались замутить эбертисты. Наш первый, неотложный долг — пробудить в миллионах сердец французского народа веру в нравственность, врожденное религиозное чувство, которое закаляет душу и помогает бестрепетно пройти сквозь огонь и пламя, вселяя в нас надежду на бессмертие.

Кутон . Разумеется, это не может повредить. Но, мне кажется, еще более насущная задача — удовлетворить земные нужды народа, его материальные потребности.

Робеспьер . Ты неправ, Кутон. От тех, кого любишь больше, надо и требовать больше. Больше героизма, больше самоотречения. Народ здоровый духом, — а таков наш народ, — не желает поблажек. Он почитает вождей, которые зовут его к жертвам во имя идеала, — конечно, если эти вожди жертвуют собой наравне с ним.

Леба . Я не разделяю твоей уверенности. Даже в армии, во время боя, мы с Сен-Жюстом не раз оказывались бы одинокими перед лицом врага всего лишь с горсткой солдат, если бы позволили основной массе повернуть обратно. Призвание жертвовать собой доступно не всем. Но с тобой, Максимилиан, я не хочу спорить. Ты веришь в величие человеческой души, и в этом сказывается твое собственное величие. Ну что ж! Воскреси в народе веру в верховное существо, если можешь. Однако, какую бы политику в области нравственной и социальной вы ни проводили, на одном я всегда буду настаивать — на примирении всех республиканских партий. Вражеский фронт растянулся так широко, что мы не можем противостоять ему силами одной лишь партии. Как бы могуча она ни была, фронт ее слишком узок. Расширьте линию фронта.

Робеспьер . Я сам этого хочу. Я готов протянуть руку честным гражданам всех партий. Но не допущу соглашений с теми, кто предал и запятнал Революцию, с разными Карье и Фуше.

Леба . Очень жаль. Они послужили Революции и могли бы еще послужить.

Робеспьер . Если таково твое мнение, значит ты осуждаешь казнь Эбера и Дантона?

Леба . Я сожалею о свершившемся. Пусть были все основания презирать и остерегаться

³ Подлинные слова Робеспьера (из секретных записок между 31 мая и 2 июня 1793 года и из речи якобинцам 28 июня 1793 года). — *P. P.*

этих людей — благо Республики требовало сохранить их ради общей дружной защиты от врагов. Строй революционеров поредел после безжалостных порубок в их рядах. Нам стало трудно справляться с нашей миссией. Будь моя воля, я объявил бы священной голову каждого, кто участвовал в Революции десятого августа.

Кутон . Пустое! Тебе же говорил Сен-Жюст: если бы мы не разгромили одним ударом шайку Эбера и Ронсена, они уничтожили бы нас. Страна была накануне военного переворота. Мы удушили заговор в зародыше.

Леба . Неужели такова плачевная судьба Революции, что она должна пожирать одного за другим своих сыновей? Довольно жертв! Пресекайте заговоры беспощадно, но не толкайте на преступления наших противников. Попытаемся в последний раз заключить мир с опальными проконсулами.

Робеспьер . Нет, я против! Я несу ответственность за душу народа, я охраняю его нравственную чистоту. Я буду защищать народ.

Кутон (*делает знак Леба*) . Бесполезно спорить. К тому же слишком поздно для примирения. Разрыв окончательный и непоправимый. Раз жребий брошен, надо действовать, не теряя времени. Нам остается проверить и отточить оружие. Пойду работать, мне надо подготовить декреты.

Робеспьер . Печальная необходимость! Не думай, Леба, что я не страдаю. Я жажду избавиться от этого бремени. Когда же нам будет дано положить конец террору?

Кутон . Только террором можно прекратить террор.

Кутона увозит в кресле Симон Дюпле. Робеспьер и Леба остаются одни.

Робеспьер . Ты опечален, друг? Ты нас осуждаешь?

Леба . Нет, меня смущают не нарушения закона — это допустимо во имя общественного спасения. Кутон прав: законы — творение человека, он их создает, он же их отменяет. Пока Революция не завершена, меняются и законы, еще не настало время их закреплять. Но наступит час, когда державный облик нового, наконец установленного строя воплотится в законе, и тогда закон станет неприкосновенным. Не буду возражать и против вашего желания порвать с крайними партиями — вам виднее все их интриги. Равно нет у меня охоты сожалеть о судьбе этих грабителей, скорее меня тревожит то зло, что они могли вам причинить. Меня огорчает другое, Робеспьер, — позволь доверить тебе мысли, которые уже давно меня гнетут. Я вижу, как Революционный трибунал посылает на эшафот без разбора вместе с хищниками много невинных (тебя коробит это слово?), несознательных людей, слабых и безобидных созданий, женщин и детей... Максимилиан! Неужели ты допустишь, чтобы завтра осудили на смерть Люсиль Демулен?

Робеспьер (*судорожно сжимает руки, лицо его выражает страдание*) . Не напоминай мне о том, что терзает мне сердце. Несчастливая женщина! Ты думаешь, я не хотел бы ее спасти?

Леба . Как? Хотел бы и не можешь? Так скажи об этом по крайней мере, заяви, что ты этого хочешь.

Робеспьер . Неужели я не спас бы Демулена, если бы мог? И тем более его подругу! Ах, Леба, ведь я их поженил, я держал на руках их ребенка. Я не из тех, кто забывает прошлое. Поразив друга, я ранил себя. Но разве ты не видишь того, что отлично видят они, не видишь, что именно этой казни они и добивались.

Леба . Кто они?

Робеспьер . Мои коллеги по Комитетам. Они выслеживали меня. Они отлично поняли, где мое уязвимое место. Чтобы вырвать у них смертный приговор Эберу и Ронсену, я принужден был выдать им нашего неосторожного болтуна, опьяненного своим красноречием пустозвона, который играл на руку всей замаскированной реакции. Сделать исключение — значило бы поколебать столь необходимое Республике доверие народа, который встревожен непрерывными предательствами. И так уж завистники стараются подорвать доверие ко мне,

распуская слухи о моей нерешительности.

Леба . Когда карают таких, как Демулен, — я это понимаю. Эти бессовестные болтуны, сами того не сознавая, приносят вред в порыве оскорбленного самолюбия. Мы, мужчины, обязаны нести ответственность за свои ошибки, даже за опрометчивые поступки. Но — женщины? Неужели нельзя держать их в стороне от наших кровавых столкновений?

Робеспьер . Они сами завоевали право в них участвовать после удара кинжалом Шарлотты Корде.

Леба . Что общего у Люсилы с этой помешанной?

Робеспьер . «Нина от любви безумна...» Ты же знаешь, она замешана в тюремном заговоре.

Леба . Бедная заговорщица! Она старалась хоть чем-нибудь заглушить свое отчаяние.

Робеспьер . Она убила бы всех нас, если бы могла. Я понимаю ее и жалею, но ничем не могу ей помочь. Она подкупила наемных убийц.

Леба . Это пахнет предательством, ей поставили западню.

Робеспьер . Может быть, но она попала в нее. И теперь уже невысказанно ее спасти. Чем больше сочувствия я к ней проявляю, тем яростнее они стараются ее погубить. А потом будут порицать меня же за бесчеловечный приговор — такова их двойная игра! Стоило мне отозваться с уважением о юном Гоше (ты его знаешь), стоило ему выказать мне свою преданность, как он стал мишенью для ожесточенных нападков Комитета. И даже Сен-Жюст на их стороне.

Леба . Гош и в самом деле самонадеян, заносчив, ни с кем не желает считаться.

Робеспьер . Пусть так, он молод, горяч. Республика не настолько богата талантливыми генералами, чтобы не дорожить такими, как Гош... И все-таки придется принести его в жертву, не то меня обвинят, будто я окружаю себя преторианской гвардией. Остерегайся дружить со мной, а то и тебя заподозрят.

Леба . Отчего же ты не порвешь с негодьями, которые завидуют тебе и порочат твое имя?

Робеспьер . Еще не время. Мы должны быть едины, таково веление Революции. Сам же ты сейчас призывал нас к единению. Видишь теперь, как нелегко быть в союзе даже с теми, кто слывет и кого я сам считаю, несмотря на личную неприязнь, самыми истыми, самыми стойкими республиканцами. За любое совместное решение несут бремя ответственности все сообща, хотя бы совесть того или иного возмущалась и скорбела. Я беру на себя ответственность за все постановления Комитета, и долг повелевает мне все их отстаивать, не отрекаясь ни от единого слова. О счастливое время, когда я выступал один против всех, одинокий перед лицом враждебного собрания! Теперь, когда в моих руках власть, я не менее одинок, но гораздо менее свободен...

Уже несколько минут из-за стены налево доносятся юные женские голоса и веселый смех. Леба становится рассеянным, прислушивается. Робеспьер улыбается.

Робеспьер . Да ты меня не слушаешь. То, что говорят за стеной, интересует тебя гораздо больше.

Леба (*смутившись*) . Прости меня, Максимилиан.

Робеспьер (*сердечно*) . За что же? Там твоя молодая жена с сестрами, они смеются и болтают. Она нарочно смеется громко, чтобы ты услышал ее. Ей не терпится увидеть тебя поскорее. Мы имели жестокость разлучить вас, оторвать друг от друга; может быть, в следующем месяце нам придется снова отослать тебя в армию. В глубине души, за каждую минуту, что мы у вас похитили, вы проклинаете меня, как за тяжкое преступление. Не отрицай! Я сам сознаю свою вину... Ну что же, пойдем к нашим милым подругам!

Уходят.

Занавес.

Тут же занавес подымается снова.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната дочерей Дюпле, в глубине двора, во втором этаже. Окно выходит в сад женского монастыря «Непорочное зачатие». На сцене Элеонора, Элизабета и Анриетта — сестра Леба.

Элеонора (*Элизабете*) . Садись сюда! (*Усаживает ее в кресло у окна.*) Ты устала, должно быть. В твоём положении от Люксембургского сада до улицы Сент-Оноре конец немалый. Бедные твои ножки!

Элизабета . Да, мне становится тяжело таскать этого постреленка. Я едва доплелась; хорошо, что милая Анриетта поддерживала меня. Я несла одного, а ей-то приходилось тащить на себе двоих.

Анриетта . Вот лгунишка, это она торопила меня. Я не могла угнаться за ней.

Элеонора . Ты бежала бегом? Зачем было так спешить?

Анриетта . Чтобы догнать своего сокола.

Элеонора . Мужа? Его здесь нет.

Элизабета (*полусердито, полусмеясь*) . Неправда. Он сказал, что придет сюда... Неужели он обманывает меня?

Элеонора . Он приходил и ушел.

Элизабета (*огорчена*) . Не может быть... Он обещал меня дождаться.

Элеонора . Он вернется. Он не думал, что ты придешь так рано. Тебя ждали только к ужину.

Анриетта . Не успел Филипп уйти, как она потащила меня вслед за ним.

Элеонора . И не стыдно тебе так гоняться за мужчиной?

Элизабета . Нет, не стыдно. Он мой.

Анриетта . Можно подумать, что у тебя его отбивают.

Элизабета . Еще бы! Конечно, отбивают.

Анриетта . Кто же?

Элизабета . Все! И Конвент, и Комитеты, и армия, а главное — Максимилиан... Все, все! Отнимают на недели, на месяцы и даже когда он здесь, в моих объятиях, когда я держу его крепко, они не могут оставить его со мной даже на день, на целый день. Я, наконец, похищу его и спрячу, да так, что никто и не найдет.

Анриетта . Я краснею за тебя. Как тебе не стыдно?

Элизабета . А ты, моя скромница, моя душенька, лучше не задевай меня. Не то я скажу, кто из нас больше спешил и кого ты надеялась здесь встретить.

Анриетта . Элизабета, молчи, не смей!..

Элизабета (*Элеоноре*) . А что, красавец Сен-Жюст не заходил к Робеспьеру?

Элеонора . Его уже давно не видно. Не знаю, что с ним такое.

Анриетта . Какая ты злая, Элизабета! Я же просила не говорить о нем со мной.

Элизабета . Да я не с тобой и говорю. (*Элеоноре.*) Подумай, эти чудачки вот уже две недели как в ссоре.

Анриетта . Неправда! Ты не имеешь права читать мои мысли... И потом, теперь все кончено... Да и вообще между ним и мной никогда ничего не было.

Элизабета . Ты сама себе противоречишь: если никогда ничего не было, почему же теперь все кончено?.. К тому же ничего не кончено. И он тебя любит, и ты его любишь. Да, да, да, да!

Анриетта . Нет, нет! Он никогда меня не любил. А я разлюбила его... Все кончено.

(Плачет.)

Элеонора . Она плачет... *(Обнимает ее)* . Ну, перестань, милочка... Все обойдется.

Анриетта . Нет, не обойдется... Да я и не хочу... Я и не думаю плакать... Зачем она меня мучает? *(Указывает на Элизабету.)*

Элизабета . Душенька моя! Я не хотела тебя огорчать... Я не думала, что ты примешь это так близко к сердцу... Я просто пошутила...

Анриетта . Ты вот счастливая. Пожалела бы тех, кто несчастен.

Элизабета . Но ты будешь, будешь счастлива, я хочу этого. О да, я знаю, что я счастливая. И как это прекрасно! Судьба всегда меня баловала. Но я не эгоистка. Я хочу поделиться с вами, хочу, чтобы и вам было хорошо. И будет хорошо. Будет чудесно. Три друга — Леба, Сен-Жюст, Максимилиан — три брата. И три сестры... Я, хоть и моложе, буду старшей среди вас, я вас обогнала. Чего вы ждете? Следуйте моему примеру, да поскорее!

Элеонора . Ты балованный ребенок, тебе всегда все доставалось первой. Ну, а мы, мы должны заслужить свое счастье, если только на нашу долю выпадет счастье.

Элизабета . Так что же, значит, по-вашему, я не заслуживаю счастья? *(Сразу меняет тон.)* О да, конечно, я недостойна его. Вы заслужили его больше, чем я.

Элеонора . Никто не заслуживает счастья. Это дар судьбы. Благословен тот, кто его получает. И за дар этот ничем нельзя отплатить. Можно только принять его с благодарностью.

Элизабета . Я каждый день благодарю судьбу.

Анриетта *(с улыбкой)* . И каждую ночь.

Элизабета . Нет, ночью мне не до этого.

Элеонора . Она потеряла всякую скромность. А такая была застенчивая, смущалась от любого слова, любого взгляда. Прямо не узнаю ее. Мне подменили сестру.

Элизабета . А что я сказала? Ничего дурного. *(Анриетте)* . Это твой негодный брат подменил меня.

Анриетта . Мы все расскажем Робеспьеру.

Элизабета . Ах нет! Пожалуйста, не надо! Он будет презирать меня.

Элеонора . Он знает, что у тебя ветер в голове.

Элизабета . Он такой мудрый. Он не может понять наших безумств.

Элеонора . Ты ошибаешься, Максимилиан понимает все. А твоим безумствам он сочувствует и любит их, как и я их люблю. Мы хорошо знаем, что для чистых сердцем все чисто...

Элизабета . Вы так добры. Он всегда был так добр ко мне!.. И все же... Я очень люблю его, но как-то теряюсь в его присутствии. Я преклоняюсь перед тобой, что ты его невеста... И перед нею тоже... *(Указывая на Анриетту.)* Восхищаюсь ее выбором.

Анриетта *(умоляюще)* . Элизабета, не надо!

Элизабета . Как я рада, что мне достался мой Леба! Может быть, он не такой герой, как ваши избранники, но так я даже счастливее. Он больше мне подходит. Я не робею перед ним, мне с ним легко. Нет, нет, я бы не променяла своего милого на ваших...

Элеонора . Да никто их тебе и не предлагает, дерзкая девчонка! Мы их не уступим, правда, Анриетта?

Анриетта . Увы, мне некого уступать.

Элеонора . Ну, скажи, чем ты расстроена? Небольшая размолвка? Полно, просто облачко набежало, от этого не тускнеет небо влюбленных.

Элизабета . Он ревнив? Или ты его ревнуешь?

Анриетта . Нет, дело гораздо серьезнее.

Элизабета . Что же может быть серьезнее на свете?

Элеонора . Ну, скажи, дорогая. Доверься своим сестрам!

Анриетта . Я оскорбила Сен-Жюста. Я знаю, какой он вспыльчивый, и не упрекаю его; я еще больше люблю его за это: мне нравится гордость и горячность его нрава. Но я имела дерзость спорить с ним о политике и осуждать его.

Элеонора . О, как ты осмелилась? Нам не следует вмешиваться в государственные дела, бремя которых несут наши избранники. Можно высказать свое мнение только тогда, когда они сами тебя об этом спросят. Даже мой отец с Робеспьером, уважая независимость друг друга, избегают взаимных расспросов, — один о делах трибунала, другой о делах Комитета. Я никогда не позволю себе первая заговорить с Максимилианом о его политической деятельности.

Элизабета . А мы с Филиппом не занимаемся политикой, у нас есть занятия поинтереснее.

Анриетта . Нет, я принимаю все это слишком близко к сердцу. И не мыслю, как можно отстраняться от самого главного в жизни любимого человека. Дело идет не о государственных тайнах... да если и так, его тайны стали бы моими, я имею на то право. Но как могу я закрывать глаза на все несчастья и жестокости, которые происходят каждый день по вине моего друга, да и ваших возлюбленных?

Элизабета . Какие жестокости?

Анриетта . Разве ты не знаешь о безжалостных приговорах, которые выносятся последние месяцы, день за днем, день за днем?..

Элизабета (упрямо) . Нет, не знаю...

Анриетта . Нам сулили, что после казни короля, предателей жирондистов, после Эбера, Дантона и Демулена меч правосудия будет вложен в ножны, воздух Франции станет чистым и мирным. И что же? С каждым днем льется все больше крови, все тяжелее становится бремя, все больше жертв, даже женщин и детей... Они проходят у вас под окнами, они тянутся нескончаемой чередой.

Элизабета . Под нашими окнами?

Анриетта . Ты же видишь, как мимо вас по улице проезжают телеги с осужденными.

Элизабета . Нет, нет, ничего не вижу, ничего не видела.

Элеонора . Наш добрый отец, благодарение богу, никогда не разрешал нам смотреть на этих несчастных. Когда их везут мимо, ставни всегда затворены наглухо.

Анриетта . Но ведь сердце ваше не глухо. Вы не можете не знать, куда везут телеги свой страшный груз, вам должно быть известно, что руки наших близких причастны к этому.

Элизабета (упрямо) . Ничего не знаю, ничего не хочу знать.

Анриетта (Элеоноре) . Твой Робеспьер и мой Сен-Жюст издают законы, направленные против этих несчастных. Твой Леба и Комитет безопасности заключают их в тюрьму. Ваш отец в Революционном трибунале приговаривает их к смерти.

Элизабета (затыкает уши) . Это неправда!

Элеонора . Все они исполняют свой тяжкий долг с болью в сердце, Анриетта, ты же знаешь. Я часто вижу, как жестоко страдает Максимилиан, хотя он и молчит, чтобы не огорчать меня. Никогда я не позволю себе, как ты, неосторожная, усугубить его муки, омрачить своими тревогами чело возлюбленного.

Анриетта . Неужели призыв к милосердию может огорчить его?

Элеонора . Требуется немало сил, чтобы нести бремя вершителей правосудия. Это необходимо для спасения Республики. Неужто нам ослаблять их волю?

Анриетта . Да разве я хочу видеть их слабыми? Но я не хочу, чтобы мой Сен-Жюст был менее справедливым. Пусть будет более справедливым, более достойным своего славного имени, более человечным.

Элеонора . Неужели ты думаешь, что этих людей надо учить любви к человечеству, к обездоленному человечеству? Ведь они трудятся ради его освобождения, ради его славного будущего! Ему они посвятили ныне свое счастье, а может, и самую жизнь!.. Полно, наш долг утешить их своей нежной заботой, успокоить, укрепить их веру, — вот чего они втайне молят у нас. Я читаю в их сердцах печаль, порою даже сомнения... хотя эти гордые люди стараются казаться непреклонными и скрыть от нас свою бесконечную усталость...

Анриетта . Ты думаешь? Правда? Даже мой Сен-Жюст? Он так суров!

Элеонора . Он только кажется суровым, как многие молодые люди. Это броня. Разве

ты не видишь, какая скорбь в его глазах?

Анриетта (*с волнением*) . Да, вижу. Как могла я не задуматься над этим? Я была сурова с ним, я не понимала его, как должно...

Элизабета . А мой Филипп ничего от меня не скрывает. Он говорит мне все, я говорю ему все и знаю, как он добр и благороден. Зачем я стану мучить его?

Анриетта (*горестно*) . А я мучаю, я часто мучила моего друга. Зато теперь я жестоко наказана. Он ушел от меня.

Элеонора . Он вернется!

Анриетта . Нет, он не из тех, кто прощает. Я-то знаю его. Ведь я не поверила в него, не пошла за ним слепо и покорно, а он не допускает колебаний в той, кого избрал своей подругой. И как бы я ни любила, как бы ни страдала от его отчуждения, я даже и теперь неспособна стать такой, как он требует.

Элеонора . Оба вы упрямы и своенравны, как дети. Но я уверена, вы полюбите друг друга еще горячее. Ссорьтесь, упрямитесь, безрассудные. Настанет день, когда вы будете целовать ушибы, нанесенные друг другу.

Входят Робеспьер и Леба. Элизабета радостно вскрикивает от неожиданности и бросается в объятия мужа.

Робеспьер (*с улыбкой обращаясь к Элизабете*) . Вот я вам привел его, маленькая сирена. Лишь только он слышит ваше пение, он уже ни на что не годен. Возвращаю его вам... Нет, уступаю на время.

Элизабета (*вырываясь из объятий Леба, с возмущением*) . На время?.. Уступить на время мою собственность? Ах, грабители!

Элеонора (*строго*) . Какое неуважение!

Элизабета . Пускай уважают мои права!

Робеспьер (*улыбаясь*) . «Моя собака, моя!» — кричат наши бедные дети...

Элизабета . Ну, разумеется! Это моя собака — никому не отдам!

Анриетта . Балованный ребенок!

Робеспьер . Такая уж она от природы. Такой мы ее и любим.

Анриетта . Это верно. Она счастливица, и она права. Виноваты только неудачники.

Робеспьер (*сердечно*) . Дружок мой, не сомневайтесь — и вам улыбнется счастье.

Анриетта . Разве вы знаете?

Робеспьер . Я знаю, что у него, как и у вас, благородная душа. И верю в вас обоих.

Анриетта (*с горячностью*) . Спасибо! (*Порывисто наклоняется и целует руки Робеспьера, прежде чем тот успеет их отдернуть*) .

Робеспьер (*повернувшись к Элеоноре, обменивается с ней понимающей, ласковой улыбкой и берет ее за руки*) . Побудем вместе хоть несколько минут, насладимся этим чудесным весенним вечером. О блаженный уголок! Каждый раз, когда я вхожу сюда, я словно попадаю в мирную тишину леса. Огромный монастырский сад, старые деревья, щебетанье птиц... Все остальное кажется дурным сном: город, жестокие схватки, бои на площади... Небо даровало вам счастье провести здесь детство, Элеонора и Элизабета.

Элеонора . Да, мы с детских лет любовались этой мирной картиной. Мы жили словно за сто верст от Парижа.

Элизабета . А я даже забывала, что Париж существует. Сколько мы тут мечтали!

Леба . И болтали!

Элеонора . О, ей не нужно было собеседника... Элизабета болтала сама с собой. Мне оставалось только слушать... а я не слушала. Она одна щебетала, как птичка в клетке. Ворковала целые дни.

Леба . Мне это знакомо!

Элизабета (*обиженно*) . И ты недоволен?

Элеонора (*поддразнивая сестру*) . Вы скоро привыкнете... Перестанете слушать, как

я... Это очень легко...

Элизабета . Гадкие, противные!.. Я больше ни слова не скажу — вот вам!

Робеспьер . О нет, пожалуйста, мой дружок! Я так люблю ваш голос, он так подходит к этой картине. Лучше спойте нам вместе с воробушками и дроздами, которые воспевают угасающий день. Спойте романс Руссо!

Элизабета (*обращаясь к Леба*) . А ты садись мне аккомпанировать...

Леба садится за клавесин. Элизабета поет романс на простую мелодию Жан-Жака Руссо⁴. Анриетта, опершись на клавесин, смотрит на брата. Робеспьер сидит у окна. Элеонора подходит сзади и, слегка склонившись, кладет ему руки на плечи. Во время второго куплета дверь открывается. Входит Симон Дюпле.

Симон Дюпле . Извини, Максимилиан. Важные известия!

Элизабета . Неужели нельзя было подождать, пока я спою романс до конца?

Симон . Один из агентов принес важное сообщение. Можно ввести его сюда?

Робеспьер . Нет, я не допущу, чтобы политика врывается в ваш священный приют. Сейчас иду, Симон. Простите, друзья! Продолжайте. (*Уходит вслед за Симоном.*)

Элизабета . Мне уже больше не хочется петь.

Анриетта . Как было хорошо, когда он сидел вместе с нами!

Элеонора . И как редко это случается! Никогда не дадут ему отдохнуть хоть немного, а он так нуждается в покое! Меня очень тревожит его здоровье.

Леба . Да, когда я вернулся из департамента Самбр-э-Мез, я нашел в нем большую перемену.

Элеонора . В начале февраля он слег в постель. Мы все так беспокоились!

Леба . Только сила воли помогла ему встать на ноги.

Элеонора . Ему необходимо было три месяца полного отдыха. А мы едва убедили его отдохнуть хотя бы месяц, и то с большим трудом...

Леба . Без него невозможно обойтись.

Элеонора . А что будут делать, если он умрет от усталости?

Леба . Он не умрет, пока он необходим Республике.

Анриетта . Ну так он никогда не умрет — ведь он всегда будет ей необходим.

Элеонора (*растрогана*) . Милая Анриетта! Ах, если бы избавить его хоть немного, хоть на малую долю от непосильного бремени, которое лежит на нем!

Анриетта . Наша беда в том, что мы, женщины, так мало можем сделать для любимого.

Леба . Вы можете очень много, вы можете все. Вы и не подозреваете, как благотворна ваша любовь и ласка для сердца мужчины, поглощенного неустанным трудом. Когда тебя гнетут заботы и усталость, когда ты пал духом, какое вы для нас утешение и поддержка!

Элизабета . Ну да, понимаю. Ты должен нести на плечах тяжелую ношу. А я — нести тебя.

Леба . Озорница!

Элизабета (*озадаченная, смущенно смеется*) . Ах нет, я не то хотела сказать...

Леба . Ты отрекаешься от своих слов?

Элизабета . Нет, и не думаю. Ну, а ты, бессовестный, скажи-ка, что бы с тобой случилось, не будь меня?

Леба . Ах, никогда не знать тебя — это еще не самое худшее.

Элизабета (*изумлена и обижена*) . Боже мой, вот так комплимент!

Леба . Самое худшее — узнав тебя, думать, что жизнь могла бы пройти без тебя и что может наступить день разлуки с тобой.

Элизабета . Не смей и думать об этом! Запрещаю тебе это раз навсегда! Теперь ты со мной не разлучишься, даже если бы захотел. Я срослась с тобой навеки.

⁴ Романс по словам Белло: «Апрель — краса лесов и месяцев краса». — *Р. Р.*

Дверь открывается, входит Робеспьер.

Робеспьер . Сидите спокойно, друзья, продолжайте беседовать. Леба, на два слова!

Леба подходит к Робеспьеру. Они стоят у порога и разговаривают вполголоса.

Я должен уйти. Мне только что сообщили, что Фуше успел вызвать к себе Барраса, Тальена, Карье, Матьё Реньо и вечером они соберутся в Клубе якобинцев. Мне надо быть там, чтобы отразить нападение врагов.

Леба . Я пойду вместо тебя. Не ходи туда. Это утомительно для тебя, да и опасно.

Элеонора, подойдя к ним, безмолвно, с мольбой сложив руки, смотрит на Робеспьера.

Робеспьер . Нет! Я разгадал их подлые замыслы. Я должен пресечь их.

Леба . Ты должен побережь себя.

Робеспьер (*твердо*) . Я пойду.

Леба склоняет голову.

Элеонора . Максимилиан! Позволь приготовить тебе ужин.

Робеспьер . Свари одно яйцо.

Элеонора уходит.

Оставайся здесь, Леба. Видишь, как грозно смотрит на меня твоя маленькая повелительница. Успокойтесь, красотка. Никто его у вас не отнимет.

Леба . Я не могу отпустить тебя одного.

Робеспьер . Тебе нечего бояться. Меня надежно охраняют. Анриетта! Прежде чем уйти, мне хотелось бы поговорить о том, что вас заботит. Пока милая Элеонора готовит мне ужин (я огорчил бы ее, если бы от него отказался), пойдём поговорим о нашем отсутствующем друге.

Анриетта с благодарной улыбкой подходит к Робеспьеру, он ласково кладет ей руку на плечо; они уходят вместе, улыбнувшись на прощание Элизабете и Леба. Леба и Элизабета остаются вдвоем.

Леба . Все равно я пойду вместе с ним. Я не буду спокоен, зная, что он там один среди врагов.

Элизабета . Но ведь он же сказал, что ты ему не нужен. А мне ты нужен.

Леба . Я вернусь к тебе через несколько часов.

Элизабета . Несколько часов! Разве это мало? Если я их лишусь, кто мне их возместит?

Леба . Мы наверстаем их вдвойне. Полно, я не найду покоя в твоих объятиях, если отпущу его одного.

Элизабета . Я ревную тебя к нему... но понимаю, что так надо. Ступай же, охраняй нашего славного друга, ради него я согласна уступить тебя.

Леба . Подожди меня здесь. И поспи до моего возвращения. Когда я приду, тебе не удастся заснуть.

Обнимаются. Леба прислушивается.

Вот он уходит. Даже не успел поужинать.

Слышно, как хлопает входная дверь.

Элизабета . Он, когда торопится, всегда закусывает на ходу.

Леба . Я выйду немного погодя... Он рассердится, если увидит, что я слеую за ним по пятам. Ах, не люблю я, когда его втягивают в эти схватки! Если бы можно было их избежать!

Элизабета . Наш дорогой друг не боится борьбы. Ему достаточно появиться, чтобы одержать победу.

Леба . Нет, нет, на сей раз это опасный бой. Противник пускает в ход отравленное оружие.

Элизабета . Как? Фуше, этот жалкий человек, такой смиренный, такой невзрачный, с постной физиономией? Я видела, как он крался по лестнице вдоль стены; он покашливал и все кланялся, словно извинялся перед каждой ступенькой.

Леба . Не доверяйся пауку! Он протянул паутину по всем углам.

Элизабета . Я не боюсь паука, я не мушка, а пчела.

Леба . Бедная моя пчелка! Где же твое жало?

Элизабета . Да, правда, мне ни разу не приходилось пускать его в ход — меня избаловали. Я с детства привыкла к тому, что все меня защищают: отец, братья, потом возлюбленный. Вся моя сила в вас.

Леба . И все же ты должна привыкать обходиться без меня.

Элизабета . Ни за что! Обходиться без тебя? А тебе без меня? Жестокий! Разве ты опять меня покинешь?

Леба . Нам придется снова разлучиться.

Элизабета . Ах, нет, нет, я не хочу! Что они еще выдумали на мое несчастье? Неужели ты позволишь, чтобы тебя опять послали в армию? Не прошло ведь и двух месяцев, как ты оттуда вернулся. А как я тосковала без тебя зимой, как мерзла одна в холодной постели! Сердце леденело, ноги стыли... Нет, больше ни за что тебя не отпускаю.

Леба . Теперь твоим ножкам будет тепло. Наступила весна.

Элизабета . Сердцу холодно в любое время года, если оно одиноко.

Леба . Покуда я жив, оно не будет одиноким, где бы я ни находился.

Элизабета . Ну да, ты будешь любить меня издали, в письмах... Благодарю покорно! Мне нужны твои губы, мне нужно прижаться к твоей груди. А поцелуи на бумаге только бесят меня, я даже плакать не могу с досады.

Леба . Не отнимай у меня последних сил, мой нежный друг, у меня и так их немного. Нам обоим нужно запастись благоразумием. Каждому в отдельности благоразумия не хватает.

Элизабета . Значит, это правда? Ты опять уедешь?

Леба . Говорят, да... Но не сейчас.

Элизабета . Когда же?

Леба . Должно быть, недели через три, в начале будущего месяца.

Элизабета (*с облегчением*) . Ах, недели через три... в будущем месяце? Ну, значит, у нас еще есть время. Может быть, кончится война... или наступит конец света... А вдруг ты и не уедешь... Нет, нет, даже и думать не хочу!

Леба . Ах, если бы я только мог!

Элизабета . А кто же может, кроме тебя, кроме нас с тобой? Позволь мне попросить Робеспьера! Он так любит и тебя и меня, он так добр... Ты же сам видел сейчас... Он оставит тебя, он не разлучит нас.

Леба . Нет, Лизетта, не позволю. Мне будет стыдно.

Элизабета . Стыдно за меня?

Леба . Стыдно перед тобой. Ведь ты — это я. Ты не можешь требовать, чтобы твой Филипп нарушил свой долг.

Элизабета . А разве нет у тебя долга по отношению ко мне? Разве ты не обязан оберегать свою подругу и малыша, который спит вот здесь? *(Кладет руку на живот и подходит к Леба.)*

Леба, сидя, прижимается щекой к ее телу.

Леба . Он будет умником, он поспит еще добрых два месяца, а к тому времени я вернусь и разбужу его.

Элизабета . Подумай только: а вдруг он родится без тебя? А вдруг я умру?

Леба . Перестань, не смей и думать об этом! Вот сумасшедшая! Ты такая здоровая, цветущая, красивая, как вешний день. В мое отсутствие ты поживешь у своих, тебя будут лелеять, баловать, как котенка... Чего ты боишься? Я же буду недалеко. При малейшей опасности я вернусь.

Элизабета . Ты обещаешь?

Леба . Если только...

Элизабета . Ты уже обещал!

Леба . Если только позволят обстоятельства на фронте и Сен-Жюст сможет обойтись без меня.

Элизабета . Ну, на это нечего рассчитывать — Сен-Жюст человек бессердечный. Ты же старший, неужели ты не можешь решать без него?

Леба . Ни он без меня, ни я без него. Мы все делим поровну: и власть, и обязанности, и возложенные на нас поручения.

Элизабета . Хотелось бы мне знать, почему это самые трудные поручения всегда доверяют именно вам?

Леба . Вероятно, потому, что мы недурно справляемся с ними. А кроме того, дорогая моя, если бы не тяжесть разлуки с тобой, то, по правде сказать, в армии, под неприятельскими пулями, чувствуешь себя гораздо лучше, чем здесь, в Париже.

Элизабета . Что ты? Разве тебе не спокойнее в Комитете?

Леба . Слишком много интриг, зависти, коварства. Все завидуют, все боятся друг друга. Каждый готов предать. Чтобы защитить себя, самому тоже приходится хитрить. Не знаешь, кому довериться. Порой теряешь всякую веру в человечество... Если не иметь, как я, любимой подруги да нескольких друзей — двух, трех, в которых уверен, — можно впасть в отчаянье. Ах, если бы ты знала, какое я питаю отвращение к политике!

Элизабета . Так брось политику. Уедем отсюда.

Леба . Нет, невозможно. Именно потому, что честные люди отстраняются от дел, политика попала в руки негодяев. Наш долг остаться и вырвать ее из недостойных рук. От нас, от нашей политики зависит судьба наших потомков, их слава или позор. Разве не обязан я завоевать нашему ребенку счастливую, свободную жизнь? Я тружусь для него. И не для него одного, для всех малышей — они вправе требовать от нас отчета. Разве они не стоят того, чтобы потрудиться и помучиться ради них? Для них я пожертвую всем, ради них не страшны ни усталость, ни отвращение.

Элизабета . О да, пусть он будет счастлив, наш маленький. Все для него!.. И для меня тоже. Я бы хотела и все отдать и все получить от жизни.

Леба . Все радости? Какая ты жадная, моя крошка!

Элизабета . Я создана, чтобы быть счастливой. Я это чувствую. Не укоряй меня. Разве это дурно?

Леба . Нет, моя прелесть. Я радуюсь твоему счастью. Я люблю счастье, так люблю, что хотел бы оделить им всех на свете. Но сколько работы еще предстоит! Боюсь, понадобятся столетия, чтобы людей принудить к счастью.

Элизабета . Счастье по принуждению? Что же, это каторга, что ли? Не хочу! Хочу своего собственного счастья, такого, как наше с тобой.

Леба . Мы насладимся им, когда утихнут бури. Лишь только Республика окрепнет и

отчизна перестанет нуждаться в нас. Милый мой друг, как хорошо будет уехать в деревню, ко мне на родину, в Артуа! Маленький домик, клочок земли... Долгие дни, целые годы без тревог и волнений. Какое блаженство! Я заранее наслаждаюсь им вместе с тобой.

Элизабета . Зачем же откладывать на завтра?

Леба . Нет. Сначала надо заслужить наше счастье.

Элизабета . Милый мой проповедник!

Нежно обнимаются.

Занавес.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Пале-Рояль. Терраса кофейной «Корацца». Вечер 3 прериаля (22 мая). За столиком пестрая, живописная толпа. Направо, немного пониже — сад, куда спускаются по ступенькам. Стеклянная перегородка отделяет часть террасы в глубине направо. Другая половина террасы на переднем плане выходит прямо в сад, где непрерывно движется людской поток.

На переднем плане слева — столы дельцов, перекупщиков, ростовщиков. В центре расположились проконсулы и члены правительства — Колло, Билло, Баррер, Баррас, Матьё Реньо, Межан и прочие. Позднее Гош, потом Тальен. В глубине налево, на возвышении, столики партии Болота и переодетых роялистов, среди которых можно узнать Коллено, шпиона роялистов в Комитете. Фуше, появившись из сада, направляется к проконсулам, нигде не задерживаясь, бесшумно лавируя между столиками, бросая направо и налево отрывистые фразы; наконец он пристраивается за столиком в глубине сцены, направо, откуда наблюдает за всем происходящим, сам оставаясь незамеченным.

Перекупщики и торгаши (*переговариваются между собой вполголоса, иногда раздаются громкие возгласы*) . Ну как дела?

— Крутим.

— Обкрутим кого надо.

— Чем не золотой век?..

— Не золотой, а бумажный. Ассигнации падают с каждым часом.

— Да здравствует понижение! Барыши сами плывут в руки... Одна нога в Париже, другая в Лондоне. Спрос и предложение, дел по горло. И есть же люди, которые жалуются на тяжелые времена!

— Я-то приспособился... Да здравствует Революция! Жирный кусочек!

— Купля-продажа национального имущества... Никогда еще не торговали так бойко... Блестящие сделки... На прошлой неделе мои подручные выхватили в Лимузине из-под носа у конкурентов прекрасные земли, фермы, замки — совсем по дешевке. А стоит пустить их в продажу — с руками оторвут. Сиди сложа руки, перекупщики сами набьют цену.

— А в графстве Венсен поместья идут задаром. Хватай, не зевай. Черные банды поработали на славу, Журдан нагнал страху на бывших владельцев. Они расползаются, как муравьи. «Бывшие» сами навязывают свое добро в обмен на заграничный пропуск.

— Осторожнее, берегитесь! Наши загребалы перестарались. В воздухе запахло жареным. Слыхали? Журдана уже засадили под замок. Как только его сцапали, труссы распустили языки. Дело скверное. Как бы не сломать шею! Комитет решил ввести контроль.

— Пускай попробует! Товар теперь не залеживается. Был да сплыл. Поди-ка поищи. Ничего не видел, ничего не знаю... Я тут ни при чем.

— Насчет суда не беспокойтесь. Кое-кто, конечно, попадет им в лапы. Ничего не подделаешь! Без потерь не обойдешься. Впрочем, особого улова не будет, уж вы поверьте.

Если дать делу огласку, пришлось бы притянуть всю Францию. Тут замешана уйма чиновников, управителей в департаментах, судей, прокуроров; все и завязнут. Можете спать спокойно.

— Я протестую. Не допущу никакого контроля. Они покушаются на свободу торговли. Не согласен! Я старый либерал, имею право покупать и продавать, как мне вздумается, по любой цене.

— А кто воду мутит? Эта тупица Робеспьер, мартышка сухозада. Так бы и дал ему пинка! Коли не осадить его, всякой торговле конец. Он еще имеет нахальство требовать от нас отчета в наших барышах!

— Пусть только сунется, пусть попробует. Нас голыми руками не возьмешь, не то что этих болтунов из Конвента.

— А я вот считаю, что неплохо было бы с ним столкнуться. Как-никак, с ним лучше иметь дело, чем с головорезами из Комитета, — например, с этим угрюмым попом Билло или с экстремистами, которых Робеспьер отозвал из провинции. Вон, гляди, видишь? Входит Карье. Этот уж ничего не разбирает. Руби головы, грабь имения — все под один ранжир.

— Не скажите, всегда можно приноровиться. И среди них найдутся покладистые ребята, вроде Барраса или Тальена. Эти любят сладкую жизнь, до всего падки: женщины, вино, жратва, наряды и деньги, деньги, деньги... За глотку или за брюхо, а уж мы их ухватим.

— Так-то оно так, да разве можно на них положиться? Люди пустые, неустойчивые, шатаются из стороны в сторону, ни последовательности, ни порядка. А нам необходим порядок в управлении государством; особенно теперь, когда мы нажились, нам нужна прочная власть. Робеспьер — человек твердый. Он единственный из всех способен восстановить порядок и хочет порядка. Он был бы полезен в нашем деле, если бы удалось его умаслить. Ну, а если заупрямится и станет нам поперек дороги, — пусть проваливает.

— Я больше скажу: сбросить его к чертям! Нечего тут церемониться. На что он годен, этот скряга? Не понимает священных прав богатства. Если бы еще Камбон не держал его в узде, он конфисковал бы все наши капиталы и роздал своим оборванцам.

— Ха! Попробуй отними! Не так-то легко! Пока дело идет о том, чтобы рубить головы, Конвент на все согласен, они сами протягивают шеи, точно цыплята. Но едва коснется кармана, Конвент бросится на защиту, как лев.

— Не стоит портить себе кровь! Для умных людей еще наступят хорошие денечки.

Пьют. Входят Матьё Реньо и Баррас.

Матьё Реньо (*подозрительно оглядываясь кругом, презрливо поводит носом*). Куда ты завел меня, Баррас? Что это за притон франтов и щеголей? С самого порога здесь пахнет предательством и взятками. Ну и рожи — плюнуть хочется! (*Отвернувшись от торгашей, плюет.*)

Баррас (*со смехом*). Тише, тише! Потерпи, Реньо! Нечего разыгрывать Тимона Афинского. Ты так смотришь на людей, словно вилами в навоз тычешь.

Реньо. Они хуже навоза. Я носом чую.

Баррас. А если и так? Добрый навоз стоит золота.

Реньо. Золото и дерьмо! Недаром такая вонь... а вокруг вьются тучи мух...

Баррас. Без них мы еще не научились обходиться. Даже сам Неподкупный принужден идти на уступки...

Реньо. Если бы он послушал моего совета, я научил бы его, как с ними разделаться...

Баррас. Ты не злопамятен! Робеспьер снял тебя с поста, а ты как будто готов мириться?

Реньо. Мириться? Нет, я обид не забываю. Такой несправедливости я никогда не прощу. Ведь я честно служил Республике, я подавил бунт у себя в провинции. Может быть, я действовал круто, не спорю. Ломал кресты и статуи в церквах, целыми сундуками отправлял Конвенту церковную утварь, очищал храмы и монастырские постройки под школы и

жилища для бедняков, конфисковал поместья у аристократов, отбирал ценности, брал на учет капиталы богачей... пускай теперь дерут глотку, дело сделано. Могли бы хоть поблагодарить меня. Вот и отблагодарили: разжаловали. Говорят, будто я слишком размахнулся, «перешел границы»... А по-моему, служба Революции, нельзя «перейти границы», до тех пор пока не осуществится полное, священное, всеобщее равенство! Что это здесь происходит?.. Каким еще ветром подуло? (*Подходит к столу, где сидят Билло и Колло.*) Скажи-ка, Билло, ведь ты меня знаешь. С ума вы, что ли, сошли в Комитете? Почему вы меня отозвали?

Билло . Я тебя защищал. Но Робеспьер с Кутоном яростно требовали искоренить эбертизм в провинции, как искоренили его в Париже. А ты еще, на свою беду, спутался с Шометтом.

Реньо . Я не так подл, чтобы от него отрекаться. Шометт — честный, истинный патриот, Революция может гордиться им. Вся его вина в том, что он испугался и спасовал перед Робеспьером, когда надо было громко и решительно отстаивать свои убеждения. Я их разделяю и всецело поддерживаю.

Билло . Ты что, хочешь последовать за ним на эшафот? Помолчи, не создавай для нас лишних трудностей, нам и так едва удалось тебя спасти.

Реньо . Можешь не стараться! Пускай меня лучше казнят, не хочу унижения.

Билло . Вот чертов дурень! Лучше уж добровольно пойти на унижение. Кичишься своими принципами, а не видишь, куда они тебя завели. Ведь ты едва не стал слепым и покорным орудием самого гнусного военного переворота, который бы поставил над трупом Республики диктатора в солдатских сапогах, Ронсена...

Реньо . Как?.. Ронсена?

Билло . Ты ничего не разглядел, болван. Ничего не понял. Ты заслужил, чтобы тебя сто раз казнили. Но я понимал, что у вас в провинции тебе трудно было разобраться в их темных интригах. Я знал все, что ты сделал и чего ты стоишь. Я спас тебя от Робеспьера. Веди себя смиренно по крайней мере! И не ополчайся на людей, которые служат тебе защитой. Ты еще можешь нам пригодиться, а мы тебе, чтобы поддержать и упрочить Республику. Ей угрожают ханжество и пустословие тех самых людей, кто призван охранять ее.

Реньо . О ком ты говоришь?

Билло . О Робеспьере. Он замышляет создать нам нового бога из обломков той религии, что мы с таким трудом разрушили.

Реньо . Бога?

Билло . Ну да, бога... как тебе это нравится? И верховным жрецом этого бога, разумеется, будет он сам, Робеспьер. А ведь от алтаря до трона один только шаг, не так ли?

Реньо . Быть не может! Что за бред!..

Билло . А вот увидишь! Как раз через две недели состоится торжественное официальное празднество, посвященное так называемому верховному существу — это и есть бог, только переряженный.

Реньо . Если ты против, зачем же было поддерживать Робеспьера?

Билло . Да, правда, две недели назад я голосовал по указке Робеспьера и признал существование бога и бессмертие души. Нам пришлось даже узаконить этого самого бога специальным декретом. Умора, да и только, за себя стыдно... Ты не подозреваешь, Реньо, какую власть Робеспьер забрал над Конвентом. Непостижимо! Голос глухой, рожа постная, очки на носу, а как только начнет говорить — всех захватывает, слушаешь, не отрываясь. У него паучья логика, он опутывает тебя со всех сторон и заворачивает... Напиток пресный, но с каким-то дурманом.

Реньо . Знаю, сам пил.

Колло . Следует запретить ему выступать.

Билло . Мы издали его речь в двухстах тысячах экземпляров, разослали по всей Франции, обязали прочесть во всех коммунах. И все эти дни непрерывно, из всех коммун, из всех городов Франции его заваливают восторженными письмами. Даже за границей, во всей

Европе, речь произвела поразительное впечатление. И ведь нельзя не признать необычайной важности подобного политического шага, равно как и его своевременности. Всей стране, даже врагам, он внушил убеждение, что Революция уже миновала опасные рифы, что новый порядок установлен.

Реньо . Раз это послужило на благо Республике, что же ты ставишь ему в вину?

Билло . Я ставлю ему в вину, что он совершил это ради своих целей, чтобы установить теократию, самый гнусный государственный строй, который позорит и унижает человечество.

Реньо . Может быть, твои подозрения напрасны?

Билло . Я не доверяю человеку, который вопит о душе и добродетели, корчит из себя всеми гонимого праведника, а сам втихомолку прибирает к рукам всю власть. И что бы он ни делал, он старается убедить нас, будто этого хочет народ, будто народ — это он...

Реньо . Быть может, он сам в это верит.

Билло . Тогда это еще опаснее. Придется его прикончить.

Реньо . Ты никогда его не любил, Билло.

Билло . Не любил, будь он проклят! С первого дня, как я учуял этого зверя, я весь ошетинился. Даже когда склонен был восхищаться им, я и то его ненавидел.

Реньо . А мне труднее порвать с ним. Признаюсь, я любил его.

Билло . Так что ж, пожертвуй ради него своей головой.

Реньо . Моя голова еще понадобится Республике. Горе тому, кто посягнет на меня. Я не сдамся без боя. Я защищаю не одного себя, у меня семья, дети...

Фуше, бродящий между столиками, в эту минуту оказывается рядом с Реньо.

Фуше . И у меня есть ребенок.

Реньо (*узнав его, жмет ему руку*) . А, вот и ты, Фуше. Да, правда, ведь у тебя дочка.

Фуше . Малютка Ньевра... все, что мне осталось от моего проконсульства в доходных провинциях, где я будто бы обогащался... Самое драгоценное мое сокровище...

Баррас (*услышав их разговор, со смехом напевает на ухо Колло*) .

Мои крошки так прелестны...

Реньо . Я не боюсь врага, но предпочитаю встречаться с ним лицом к лицу. Если Робеспьер настроен против меня, значит, его ввели в заблуждение. Я хочу объясниться с ним начистоту.

Фуше . Берегись, не делай этого. Тебе не выйти живым из его логова.

Реньо (*упрямо*) . Его обманули. Я открою ему глаза. Несмотря на всю его несправедливость, я по-прежнему преклоняюсь перед его личностью и талантами.

Фуше . Пусть так, его талантов я не отрицаю. Однако не очень-то ему доверяй. Наш гений подготавливает втихомолку тайное соглашение с роялистами.

Реньо . Это ложь!

Билло . Ты слишком далеко заходишь, Фуше!

Фуше . Не дальше, чем нужно.

Билло . У тебя нет доказательств!

Фуше . Бедняга Билло! Они у тебя под носом. Подумать только, сколько месяцев вы все, одиннадцать членов Комитета, то есть без него вас десять, — ломаете себе голову, каким путем секретные документы попадают в Верону!..

Билло . Уж не намекаешь ли ты...

Реньо . Куда? В Верону?

Фуше . Ну да, к королю веронскому, братцу Капета и его клике титулованных шпионов.

Билло . Неужели он?.. Немыслимо!.. Если бы только знать наверное! (*Еле переводит*

дух от бешенства.)

Фуше (*невозмутимо*) . Я знаю наверное.

Билло . Докажи! Докажи!

Фуше . А вот спроси у него. (*Кивает на Межана, который сидит за соседним столиком.*)

Реньо . Кто это?

Фуше . Межан, секретарь Карно и его правая рука. У него есть доказательства.

Билло . Если они есть у него, значит, он изменник; почему он не сообщил ничего Комитету?

Межан . Мы с Карно хотели проверить все как следует.

Реньо . Стало быть, у вас еще нет доказательств.

Фуше . Нет, есть.

Реньо . Я поверю только в том случае, если увижу собственными глазами.

Межан . И увидишь, если придешь ко мне на дом. Ты же сам понимаешь, гражданин, подобных документов в кармане не таскают.

Реньо (*поворачивается к нему спиной*) . Фальшивая твоя харя! Не верю я тебе. Ты лжешь, Фуше.

Фуше . Ну, а если я ткну тебя носом в доказательства и ты убедишься в измене твоего любимца Робеспьера, что тогда?

Реньо (*яростно*) . Я убью его своими руками.

Входит Гош в генеральском мундире. Ему двадцать пять лет, черные пронзительные глаза, умное, открытое лицо со шрамом, звучный голос, живые, энергичные движения. Направляется к столику, где сидят Реньо, Билло и Колло.

Гош . Здорово, Реньо!

Реньо . Гош! Что ты тут делаешь? Там сражаются без тебя?

Гош . Там идет сражение, а я здесь бешусь. Здравствуй, Билло!

Билло что-то ворчит в ответ. Колло сердито поворачивается к нему спиной.

Меня только что отозвали из Мозеля, где я командовал армией, и неизвестно зачем переводят на итальянский фронт.

Билло . Тогда почему ты торчишь здесь? Париж тебе не по дороге.

Гош . Все дороги ведут через Париж. Я следую к месту назначения. Но я хочу знать, зачем меня отозвали из Эльзаса накануне военных операций, которые я подготовлял, хочу знать, пользуюсь ли я по-прежнему полным доверием.

Билло . Тебе нечего знать, кроме полученного приказа. Выполняй приказ!

Гош . Я нуждаюсь в доверии и поддержке Комитета. Ничего хорошего не получится, если мы не уверены друг в друге.

Билло . А ты уверен в своем соседе?

Колло (*круто повернувшись, бросает на Гоша угрожающий взгляд*) . Комитет доверяет только тем генералам, которые ему повинуются.

Гош . А я разве не повинуюсь?

Колло . Ты много раз не выполнял указаний, которые тебе были посланы.

Гош . Обстановка вынуждала меня изменять их. Республика от этого только выиграла!

Реньо . Эльзас отвоеван, Ландау освобожден от блокады, войска герцога Брауншвейгского улепетывают. В самом деле, гражданин Гош недурно поработал!

Билло . Тебе незачем его расхваливать. Тут он в помощи не нуждается!

Гош . Это правда, я люблю славу. Этим, что ли, вы недовольны? Я ведь приношу ее в дар отечеству.

Колло . Надоело нам твое самодовольство, похвальба, зависть, вечные раздоры с другими командирами, неповиновение приказам — довольно с нас!

Гош . Что же, я действительно отказался от губительного похода в разгар зимы; мои солдаты были измучены, плохо вооружены, разуты, голодны. И я оказался прав.

Колло . Ты даже не сумел одеть и накормить их за счет военной добычи, как тебе было предписано.

Гош . Да, не сумел и горжусь этим. Я не пожелал притеснять нищее население и разорять завоеванные деревни. Ни на вражеской, ни на своей земле я не стану отбирать у матери последнюю горстку муки и морить голодом ее детей. Я не потерплю, чтобы мои солдаты грабили крестьян. Ты ставишь мне в вину мою чрезмерную гордость? Но это гордость за нашу Республику. И пока я командую, я никому не позволю ее бесчестить.

Билло (*раздражен*) . Охранять честь Республики поручено Комитету. Ему решать, чего требует честь Республики. Если солдат имеет дерзость оспаривать приказы командования, он бунтовщик.

Гош (*вспылив*) . Посмей только назвать бунтовщиком победителя при Гейсберге и Фрешвиллере!

Билло . Прошлые победы не избавляют генералов от ответственности за последующие преступления.

Гош . Если я совершил преступление, пусть меня арестуют.

Колло . И арестуют. Приказ уже подписан.

Гош (*в бешенстве*) . Разбойники! Что же, вы в заговоре с Брауншвейгом? Я обращаюсь с жалобой к Робеспьеру, он ценит мое усердие.

Колло . Он тоже подписал приказ вместе со мной и Карно.

Гош (*ошеломленный, падает на стул*) . Нет! Не может быть!..

Реньо (*обращаясь к Билло и Колло*) . Граждане! Это же безумие. Республике нужны все ее защитники, а Гош один из самых верных, ручаюсь вам.

Колло (*бросает на Реньо угрожающий взгляд*) . Не вмешивайся в дела Комитета. Нечего заступаться за других. Отвечай лучше за себя. (*Отходит в сторону вместе с Билло.*)

Гош (*с трудом овладев собой, после внутренней борьбы обращается к Реньо*) . Не тревожься за меня, друг. Я уже сидел в тюрьме и вышел оттуда с гордо поднятой головой, как Марат.

Реньо . А уверен ли ты, что Марат сегодня отделался бы так легко? Началось какое-то повальное безумие. Не разбирают, где друзья, где враги. Слишком долгая привычка к власти отравляет разум. Я-то знаю это по себе. Не раздражай их. Ты слишком неосторожен на язык.

Гош . Согласен, я уже поплатился за это. Я не умею обуздывать свои порывы.

Фуше (*следивший со стороны за их спором, подходит и вмешивается в разговор*) . Лучше поменьше болтать да побольше делать.

Гош . Я говорю, что думаю, и делаю, что говорю.

Фуше . Ну, положим, неприятелю ты не все говоришь.

Гош . Здесь мы не на войне.

Межан (*вполголоса*) . Ошибаешься, товарищ. Мы со всех сторон окружены врагами.

Гош (*подозрительно отшатываясь от него*) . Кто же здесь враг? Ты, что ли?.. Я видел тебя в канцелярии Карно. Уж не ты ли доставлял ему ложные доносы на меня?

Межан . Ошибаешься. Я тебе друг.

Гош . Друг по нынешним временам — все равно что публичная девка, которая путается с первым встречным.

Фуше . Не отталкивай тех, кто предлагает тебе дружбу в час опасности.

Гош . У меня один только друг, и иных мне не надо. Это народ Парижа, мой славный, гордый народ. Он меня знает, и я его знаю. Мой народ всегда со мной...

Фуше . Ты думаешь? Ты знал народ времен четырнадцатого июля и десятого августа. Того народа больше нет. Не надейся, что он придет тебе на помощь!

Гош . Я надеюсь на себя, на мои права и на справедливость Робеспьера.

Фуше . Ты же слышал сейчас — Робеспьер против тебя.

Гош . Его обманули. Он признает свою ошибку.

Фуше . Если ты поверишь ему, ты погиб. Защищайся!

Межан . Мы тебя поддержим. Давай вместе защищать Республику.

Гош (*окинув Межана недоверчивым взглядом*) . А против кого? Против тех, кто вместе со мной создавал Республику? Я предпочитаю пожертвовать собой! Я не пойду по стопам Лафайета и Дюмурье.

Фуше . Да кто же говорит об этих изменниках? Теперь изменников надо искать не там.

Гош . Где же?

Фуше . Ослеп ты, что ли? Да оглядись вокруг, скорее разорви паутину!

Гош . Какую паутину?

Фуше . Поздно. Ты уже попался! (*Отходит.*)

Агент (*подсев к Гошу, обращается к нему вполголоса*) . Генерал! Я очень сожалею, но я обязан выполнить приказ.

Гош . Тебе приказано арестовать меня?

Агент . К сожалению, да. Не подымай шума. Допей вино. Я не тороплю тебя.

Гош . Так выпей и ты за мое здоровье! (*Подзывает слугу.*)

Реньо (*шепотом*) . Как? Ты не окажешь сопротивления?

Гош . Неужели ты хочешь, чтобы все эти проходимцы и распутники стали свидетелями наших раздоров?

Реньо . Ты прав. Незачем развешивать перед ними грязное белье Республики.

Гош . И потом, знаешь ли, Реньо, хотя мне всего двадцать пять лет, но за эти двадцать пять лет я испытал столько тяжелого, видел такую бездну человеческого горя, нужды, невежества, глупости, столько боролся, не зная ни сна, ни отдыха, чтобы выбраться из ямы и вывести за собой слепых, неразумных людей, которых продавали, тащили на бойню, как скот, что, право, мне кажется иногда, будто на моих плечах бремя двадцати пяти веков. Я не сгибаюсь под ношей, я иду, шагаю вперед, я отважно тащу свой тяжелый груз. Но у меня такое чувство, словно всех нас гонит рок. И я покоряюсь без страха и упрека, куда бы судьба ни вела меня — к славе или к могиле.

Фуше (*снова приблизившись, говорит ему на ухо*) . Тем хуже для тебя, товарищ. Кому суждена долгая жизнь, тот всегда умеет управлять судьбой. Нити судьбы можно сплести и расплести, как веревку,

Гош (*с презрением*) . Некоторым людям ничего не остается, как тянуть за веревку. Иначе веревка затянется на их шее.

Фуше отходит.

Реньо . Напрасно ты его оскорбил... Он честный республиканец, как и ты, и его тоже преследуют.

Гош . Ох, это хуже всего. Пусть меня преследуют, но от таких спутников увольте. (*Агенту.*) Пойдем, товарищ, я готов. (*Встает.*)

Входит Баррер со своей хорошенькой секретаршей Клариссой.

Баррер . Здравствуй, Фуше!

Фуше . А ты не боишься водиться с отлученным от церкви?

Баррер . Здесь же не церковь. Здесь сборище веселых чертей.

Фуше . И хорошеньких чертовок! (*Смотрит на Клариссу с любезной двусмысленной усмешкой.*)

Баррас . Ты ее ни на шаг от себя не отпускаешь.

Баррер . Верно, друг мой. Это лучшее доказательство, что я умею работать всюду.

Баррас (*насмешливо*) . Побереги себя. Не переутомись.

Кларисса . Вы же знаете Баррера. Он больше говорит, чем делает.

Взрыв хохота.

Баррер *(смеясь)* . Если бы мои дела соответствовали моим словам, ты бы запросила пощады, душенька. *(Сталкивается с Гошем, тот идет к выходу.)* Гош!

Гош . Баррер!..

Баррер . Ты с ума сошел! Зачем ты сам лезешь в пасть к волку?

Гош . Меня еще пока не растерзали.

Баррер . Мы попытаемся вытащить тебя оттуда.

Гош . Но вы не попытались меня охранить.

Баррер . А что мы могли сделать, упрямая башка? Вольно же тебе все портить! По поводу других в Комитете еще были разногласия. Но ты, ты действовал так, что восстановил против себя всех поголовно.

Гош . Когда все заодно, значит, все не правы. Истина познается в спорах.

Баррер . Вон идет Карно... Не попадайся ему на глаза. Он больше всех на тебя зол.

Карно большими шагами проходит к выходу.

Билло *(окликает Карно)* . Эй, Карно, стой, стой!

Карно *(на ходу)* . Будто ты не знаешь, что сейчас каждая минута дорога! Мы начали крупное наступление. Пишегрю пошел в атаку на Куртрэ!

Гош *(удрученный, снова опускается на стул)* . А меня там не будет!

Карно . Это решающее сражение. Я не могу выпустить нити из рук. Мне нужно быть на своем посту в Комитете. *(Уходит.)*

Билло . Да, нас призывает долг. Погоди, Карно, я иду с тобой. А ты, Межан? *(Поспешно уходит.)*

Межан *(шепчется с Клариссой)* . Сию минуту. *(Продолжает разговор и остается, затерявшись в толпе в глубине сцены.)*

Баррер . А мне не к спеху... Их дело добиться победы. А потом я буду ее воспевать.

Колло *(ворчливо, обращаясь к Баррасу)* . Я бы справился с этим не хуже его.

Баррас . Даже гораздо лучше. С твоим басом великолепно можно изобразить грохот битвы. Но успех у публики имеют только тенора, они ее с ума сводят. *(Клариссе.)* Не правда ли, красотка?

Кларисса . Музыка оставляет меня равнодушной.

Баррас . Значит, ты равнодушна к инструментам?

Агент *(наклоняясь к сидящему Гошу)* . Ну что ж, товарищ, пойдем. Не унывай, с тобой или без тебя, все равно Республика победит.

Гош *(встает с прояснившимся лицом)* . Ты сказал правду. Я подготовил все для победы. Пускай Пишегрю одержит ее вместо меня!.. Трудно было снести такую обиду, но теперь все прошло. Как бы ты ни любил отечество, нелегко все-таки поступиться самим собой. Самолюбие застрекает в глотке, точно рыба кость. Ничего, я справлюсь. Пойдем, товарищ! Что бы со мной ни случилось, я с честью послужил Республике. Оценит она мои заслуги или нет, все равно я принес ей пользу. С меня этого довольно. *(Выходит вместе с агентом.)*

Фуше перешептывается с подружкой Баррера, пока тот беседует с друзьями и не обращает на нее внимания. Во время следующей сцены Кларисса шепчется с Межаном и переглядывается со шпионом Коллено, сидящим в глубине зала, слева. Кокетливо переходя от стола к столу, она как бы ненароком приближается к Коллено и быстро, на ходу, говорит ему несколько слов; потом, строя глазки и покачивая бедрами, возвращается на авансцену, небрежно опирается на плечо Баррера и вслед за тем проскальзывает в правый угол зала, где Фуше, заняв укромное место, внимательно наблюдает за Коллено, пристроившимся в левом углу; время от времени они обмениваются понимающим взглядом. Межан тоже прохаживается взад и вперед между столиками. В кофейную врывается Тальен в

растерзанной одежде, потрясая кулаками и расталкивая всех на своем пути.

Тальен . Мерзавцы!

Баррер . Что с тобой, Тальен?

Тальен (*вопит*) . На помощь, граждане!.. Они вырывают из наших объятий жен и любовниц!

Баррас (*посмеиваясь*) . наших подруг! Ты что, поешь «Марсельезу»?

Тальен . Ах, друзья, мало того, что приходится сносить их оскорбления, их угрозы — это еще полбеды... Пускай вскрыют мне вены! Я не боюсь. Пускай пьют мою кровь! (*Тяжело падает на стул около Барраса и Реньо.*)

Слуга из кофейной . А ты что пьешь, гражданин?

Тальен (*подняв голову, деловито*) . Грео-ляроз, восемьдесят шесть. (*Прежним трагическим тоном.*) Эти палачи вырвали у меня сердце.

Баррас (*спокойно*) . Что у тебя вырвали?

Тальен (*вопит, неистово колотя себя в грудь*) . Сердце!

Баррас (*невозмутимо*) . Где, черт их дери, они откопали у тебя сердце?

Тальен (*не слушая его, голосит*) . Моя Тереза!

Баррас . Тереза Кабарюс?

Тальен (*так же*) . Ее похитили у меня!

Баррас . Ах, чтоб их!.. Верно, для оргий Робеспьера.

Раздаются смешки. Подходят любопытные, никто не выражает сочувствия, и все-таки вокруг Тальена собирается толпа.

Тальен . Как ты можешь шутить?.. Если это так, я убью его. Убью.

Баррас (*толкая его локтем*) . Не ори так громко!

Тальен (*сразу остыв*) . Да я ничего не говорил. Я же не сказал, кого убью...

Баррас . Расскажи-ка лучше спокойно, по порядку, что произошло.

Тальен (*наливает себе вина*) . Спокойно, по порядку! Да разве это возможно? О, моя Тереза!.. Я даже имени ее не могу спокойно произнести — вся кровь во мне так и кипит. Ты, Баррас, видел эту дивную женщину. Какая грудь, бедра, стан богини, вся она прекрасна и соблазнительна с головы до пят. Как же я могу говорить о ней без трепета? Я стараюсь и не могу вообразить ее всю целиком, меня приковывает каждый изгиб... Мне хочется описать все ее прелести одну за другой.

Баррас (*подзадоривая его*) . Описывай, Тальен, не стесняйся, ваяй!

Тальен (*снова приходит в ярость и стучит по столу стаканом, из которого только что прихлебывал вино*) . Негодяи! Они посмели арестовать ее! Они хватили своими гнусными лапами ее нежное тело, созданное для любви... Дивная женщина плачет и призывает меня из своей темницы.

Баррас . Тебе остается только составить ей компанию. Твой долг совершенно ясен.

Карье (*до этого безмолвно сидевший в стороне, высокий, тощий, сгорбленный, с длинными руками и ногами, с узкой, осиной талией, вдруг встает и стучит кулаком по столу, опрокидывая стаканы*) . Перестань шутить, Баррас! Удар, нанесенный Тальену, угрожает нам всем. У каждого из нас есть дорогие сердцу существа. А кто поручится, что нынче ночью не арестуют кого-нибудь из наших близких? Никто не застрахован от мести тирана.

Реньо . За что же мстить неповинным?

Карье (*мрачно*) . Сын врага всегда виновен. Ах, как жаль, что у Робеспьера нет ребенка!..

Реньо (*с возмущением*) . Карье, ты сам не лучше тирана!

Карье (*упрямо*) . Око за око, зуб за зуб.

Баррас . Берите пример с меня. Я не завожу детей. Во время Революции это лишняя обуза.

Еще несколько человек присоединяются к кружку проконсулов: Тюрью, Лекуантр и другие. Не стоит их перечислять, они как бы изображают хор. Их участие в действии выяснится позднее. На переднем плане справа, у лестницы, ведущей в сад, стоят Межан и Кларисса, настороженно чего-то выжидая.

Тюрью . Мне все-таки не верится, что Робеспьер такой безумец. Ему и с нами-то довольно хлопот.

Лекуантр (*мрачно и запальчиво, как Карье*) . Именно потому, что ему не так-то легко справиться с нами, он хочет захватить наших близких, одних как заложников, других из мести!

Баррер (*сидящий за соседним столиком, оборачивается к Реньо и незаметно для других беседует с ним вполголоса*) . Они мелют вздор. Эта девка Кабарюс пострадала вовсе не за то, что она любовница Тальена. Мы же знаем, что ради своих нарядов и кутежей она заставляла его грабить и разорять жителей Бордо. Царица красоты держала там лавочку — торговала своими милостями и паспортами. А Тальен разыгрывал из себя сатрапа. Прямо Антоний и Клеопатра!

Реньо . А теперь пришел Октавиан... И станет Августом.

Баррер . Ну, этого можно не опасаться. В сенате достаточно кинжалов наготове... Что до этого бесноватого (*указывает на Тальена*) , то, будь моя воля, он отделался бы просто выговором. Нам известно, что он добрый патриот. Он попался в сети коварной Калипсо. Плоть слаба. Мы-то, южане, хорошо это знаем. Но Неподкупный не признает шуток ни с прекрасным полом, ни с государственной казной. И он прав по-своему. Надо быть чистым по мере сил... А если не можешь, будь милостив к грешнику... Всякий из нас был грешен, есть или будет. Absolvo te⁵... особенно, если согрешил один из своих, да и славный малый к тому же. Мы постараемся его вызволить. Можешь передать ему это от моего имени.

Реньо . Он ничего не желает слушать! У него буйное помешательство.

Баррер, хватившись своей секретарши, ищет ее глазами и идет за ней в глубь сцены. Теперь на переднем плане остался кружок проконсулов и недовольных. Во время предшествующего диалога Тальен продолжал громко стонать и всхлипывать, потягивая вино.

Карье (*Тальену*) . Чем хныкать и реветь, как бык, ты бы лучше не терял времени, а действовал заодно с нами... И ты, Баррас, перестань паясничать, корчить из себя Фигаро и упиваться собственными остротами — ведь бритва не у тебя в руках! Чувствуешь, как щекочет тебе шею нож гильотины?

Баррас (*другим тоном*) . Обо мне не беспокойся, Карье. Я вовремя схвачу руку, которая держит нож. А если острие приблизится, я знаю, против кого его повернуть.

Карье . Так чего же ты медлишь? Ведь он нас всех уничтожит, одного за другим. Надо выступить первыми.

Баррас . Торопиться некуда.

Карье (*подозрительно, с угрозой*) . Что ты замышляешь? Недаром говорят, что ты хочешь сговориться с тираном за нашей спиной!

Баррас . Чего ты на меня глаза вытарацил?.. Ты и сам бы охотно с ним сговорился, да только тебе это не удастся...

Реньо . И тебе не удастся, Баррас. Неужели ты вообразил, что можно подольститься к Робеспьеру? Это не человек, это ходячий принцип.

Баррас . Пустяки! Принципы существуют для того, чтобы служить личным интересам. У Неподкупного больше желаний и страстей, чем у всех нас, вместе взятых. Что нам,

⁵ Отпускаю грехи твои (*лат.*).

простым смертным, нужно? Тальену — обниматься со своей красоткой. Мне — вести жизнь деятельную, полную приключений. Каждому из нас хочется удовлетворить свое честолюбие и жажду наслаждений и всем — получить долю в барышах. Но этому черту с холодной кровью подавай все. Одно хорошо: он понимает, что может добиться желаемого лишь с нашей помощью. Без нас он слаб и немощен, смотреть не на что: скрипучий голос да очки на носу. Один он ни черта не стоит.

Карье . И ты согласен ему служить?

Баррас . Согласен служить самому себе.

Реньо . Мало надежды с ним сговориться.

Баррас . Мало надежды?.. Ну так ему придется горько раскаяться.

Реньо . Ваш эгоизм погубит вас. Если тиран дерзнет взойти на трон, лучшей ступенью ему послужит ваше гнусное правило: «Каждый за себя!» Мы можем противостоять ему, только объединив все наши силы и возможности.

Баррас . Когда вы начнете действовать, я буду с вами. Но вы годны только на то, чтобы трепать языком или выть, как этот болван! (*Указывает на Тальена.*)

Тюрью . Если дать ему бой в Конvente — наше поражение неминуемо. Там за него большинство; эти полутрупы ползают на брюхе и ловят его приказания. В Комитете он всех извел своими требованиями, но никто и пикнуть не смеет. Он держит в руках беснующуюся свору якобинцев. Что тут можно поделаться?

Карье (*яростным свистящим шепотом, едва сдерживаясь*) . Надо убить его, как собаку!

Реньо и Баррас шикают на него, стараясь, чтобы никто их не услышал. Но Тальен, окончательно опьяневший, уловив эти слова, подхватывает их.

Тальен . Надо убить его! Верно!.. А кто это сделает? Я сделаю!

Карье . Нет, я.

Лекуантр . Нет, я.

В эту минуту из сада доносится шум. Межан и Кларисса переглядываются с довольным видом. Слышны суматоха, беготня, крики.

Голос с улицы . Они убили Робеспьера! Неподкупный заколот кинжалом!

Межан подходит к Фуше, Кларисса бежит к Барреру. Коллено вскакивает с места. В сад врывается разъяренная толпа. Вся улица бурлит и клокочет.

Карье (*оглядываясь на других с мрачным торжеством*) . Дело сделано!

Тальен (*восторженно*) . Есть еще бог на небе!

Фуше (*выйдя из своего угла, поспешно устремляется к столу проконсулов и повелительно говорит приглушенным голосом*) . Молчите!

Баррас и Реньо, сознавая опасность, пытаются унять разбушевавшегося Тальена.

Тальен . Что такое? Почему я не имею права дать волю своим чувствам?

Фуше (*громогласно*) . Всенародная скорбь...

Баррас (*Тальену*) . Заткни глотку, болван, и слушай.

Снаружи гул поднимается, словно морской прилив. Толпа ревет, запрудив лестницу террасы. Колеблется море голов. Угрожающие лица. Булыжник, брошенный с улицы, разбивает стекло.

Голоса из толпы . Вот где притон убийц! Франты, богачи проклятые, кровопийцы! Поджигайте их логово, спалим его дотла!

Часть посетителей рассеивается, убегает в глубь кофейной. Остальные пытаются преградить дорогу грозной стихии.

Баррер (*выступает вперед*) . Спокойствие, граждане! Я — Баррер, друг Робеспьера.

Фуше . Мы все здесь верные друзья Робеспьера.

Голос из толпы . Баррер... верно, это свой, это добрый патриот.

Баррер (*указывает на Карье*) . А вот Карье, гроза вандейских разбойников.

Голос из толпы (*с удовлетворением в голосе*) . Пускай примется за парижских разбойников.

Карье (*засучив рукава*) . А ну пошли!

Баррер . Да где же они, подлые убийцы?⁶

Реньо . Кто они такие? Кто их видел?

Фуше . Кто может рассказать толком, что же случилось?

Юноша (*кричит с улицы*) . Я, я свидетель, я там был! (*Прокладывает себе путь.*)

Голоса из толпы . Пусть говорит!

Юношу выталкивают вперед, почти вносят на руках с улицы на террасу кофейной; он взбирается на стул и возбужденно рассказывает.

Юноша . Какой-то негодяй, исчадь ада, притаился у дверей Комитета общественного спасения. Целый день он подстерегал Робеспьера. Благодаренье богам, Робеспьер не явился. Тогда убийца в отместку разрядил пистолеты в Колло. Как раненый лев, Колло бросился на него...

Лекуантр (*тихо*) . Сорвалось!

Карье (*вполголоса*) . Придется начинать сначала!

Фуше (*подойдя к ним, повелительным тоном*) . Придержите язык! Нас слушают... (*Громко.*) Радуйтесь! Наш возлюбленный Максимилиан невредим!

Тюрьо . Республика спасена!

Баррас . Верховное существо оберегает его жизнь, столь драгоценную для отчизны... (*Вполголоса.*) Тальен, твой черед!

Тальен . Предлагаю направить депутацию к Максимилиану. Принесем ему горячие поздравления и выразим наши глубокие патриотические чувства.

Фуше (*которому Межан что-то нашептывает*) . Граждане! Сейчас схватили девушку, которая пыталась проникнуть к Максимилиану, при ней нашли два кинжала.

Крики усиливаются.

Мы требуем, чтобы подлых злодеев карали, как отцеубийц... черный мешок, отрубить руку...

Баррас (*вполголоса*) . Это уж чересчур! Ты перехватил...

Фуше (*вполголоса*) . Если твой враг уцелел, восхваляй его выше меры, пока он не станет ненавистен всем... (*Обернувшись к Карье.*) А теперь, Карье, веди их за собой!

Карье (*тихо спрашивает у Фуше*) . Куда? На кого их натравить?

Фуше (*та же игра*) . На лавки богатых торговцев в Западной и Центральной секциях.

Карье (*та же игра*) . Но они все разгромят!

Фуше (*та же игра*) . Пускай громят! Пускай грабят!

⁶ В суматохе следующей сцены Баррер незаметно скрывается вместе с Клариссой, пока Фуше и Карье разжигают толпу. — Р. Р.

Карье *(та же игра)* . Ты с ума сошел!

Фуше *(та же игра)* . Дай им волю!.. Кто был причиной народных беспорядков? Робеспьер. Кому придется жестоко расправиться с погромщиками? Робеспьеру. Стало быть, нечего церемониться, Карье! Спусти их с цепи! *(Обернувшись к Коллено, кивает на группу мяскаденов, которые его окружают.)* А эти господа, разумеется, охотно нам помогут.

Фуше, Межан и Коллено переглядываются. Они сразу поняли друг друга, и шайка мяскаденов поняла их без слов.

Карье *(собирая вокруг себя толпу)* . Именем Неподкупного! Отомстим за него!.. Бей негодяев, бей торгашей, долой кровопийц, долой грабителей, бей буржуа!

Толпа с ревом устремляется на улицу.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Утро 20 прериаля (8 июня). Троицын день и праздник в честь Верховного существа.

Помещение судьи Вилата, на третьем этаже во дворце Тюильри. В глубине сцены, прямо против публики, — широкое, настежь распахнутое окно; на фоне сияющего неба — вершины деревьев, флажки, развевающиеся на ветру знамена и в перспективе — аллеи Тюильрийского парка. При поднятии занавеса в воздухе кружатся стаи белоснежных голубей с длинными трехцветными лентами на лапках. Повсюду розы: гирляндами свисают с окон, обвивают древки знамен, рассыпаны на столе среди стаканов; у входящих женщин в руках букеты роз.

Снаружи доносится шум невидимой толпы, наводнившей площадь и трибуны у стен дворца, восторженный, ликующий гул и говор. В момент поднятия занавеса на пороге двери справа появляется Робеспьер, которого вводит Вилат.

Вилат . Входи, Максимилиан, полюбуйся на творение рук своих. На великий народ, который собрался, чтобы прославить Верховное существо.

Робеспьер входит и сразу останавливается, ошеломленный ярким светом и гулом огромной толпы, ее шумным, радостным гуденьем. Он невольно отшатывается, как будто порыв ветра ударил ему в лицо. Характерным жестом, увековеченным на портрете Давида, он прижимает обе руки к груди, словно стараясь умерить биение сердца.

Что с тобой? Может быть, мы слишком быстро поднялись по лестнице? Садись, садись! *(Пододвигает ему стул.)* Ты мой гость. Пока празднество еще не началось, может, ты не откажешься разделить со мной и друзьями нашу скромную трапезу? *(Указывает на скромно накрытый стол.)*

Стол засыпают розами женщины, входящие с букетами в руках. Появляются приглашенные — мужчины и женщины, друзья и враги, они ходят по сцене, смотрят в окно, с любопытством разглядывают Робеспьера.

Робеспьер (*отстраняет рукой стул, предложенный Вилатом, и отказывается от угощения*) . Нет, благодарю, Вилат. Мне ничего не надо.

Вилат . Тогда подойди к окну, отсюда лучше видно.

Робеспьер (*опершись рукой на стол*) . Нет... Погоди немного... Потом... (*Как бы извиняясь.*) Я слишком взволнован. Это зрелище так неожиданно!

Вилат . Ты же знал... Разве ты не видел по дороге сюда, какое ликование на улицах? Весь Париж поет.

Молодые женщины (*громко переговариваются между собой в надежде, что Робеспьер услышит их и заметит*) . Во всех окнах флажки... У каждого порога деревья в цвету... А какой аромат... Повсюду розы... Сам Париж — словно большая роза.

Молодая женщина с улыбкой подносит Робеспьеру букет из роз и колосьев; тот машинально берет его. Не слыша ничего, что происходит вокруг, взволнованный, устремив взгляд вперед, Робеспьер приближается к окну, словно притягиваемый магнитом; все расступаются, чтобы дать ему дорогу. Лишь только он появляется у окна, толпа узнает его. Раздаются приветственные возгласы, один, два, затем оглушительные, восторженные крики.

Толпа . Максимилиан! (*Громкие приветственные крики нарастают и переходят в пение: толпа запекает хором «Гимн Верховному существу» Шенье и Госсекса.*)

Источник истины, что клевета грязнит!
Всего живущего ты пламенный властитель,
Свободы бог, природы покровитель,
О ты, кто создает и кто хранит, —
Твое сияние сердцам необходимо,
Как добродетельных законов ясный свет,
Враг подлых деспотов, прибежище гонимых,
Всей Франции сыны несут тебе привет!

Робеспьер, потрясенный, сияющий от радости, словно в экстазе, смотрит в окно, не слыша ничего, что говорится вокруг.

Робеспьер . Народ... о мой народ!.. Я твой, я принадлежу тебе, все мои помыслы с тобою... Возьми меня, вкуси, испей, тебе я приношу в жертву всего себя. Народ, великий народ! Блажен, кто родился в твоих недрах, еще блаженнее тот, кто умирает за твое счастье!

Среди приглашенных в зале Вилата находится несколько членов Конвента, настроенных враждебно к Робеспьеру. Имена их могут остаться публике неизвестными. Это Вадье, Бурдон, Мерлен де Тионвиль.

Вадье (*насмешливо*) . Да сбудется твое желание, Максимилиан! Подобного блаженства достичь не так уж трудно.

Бурдон . Вы только послушайте, он будто с любовницей разговаривает. Мы здесь лишние. Он готов положить народ к себе в постель.

Молодая женщина . О, как он прекрасен! Как он трогателен!.. Максимилиан, полюби и нас! Мы тоже из народа.

Робеспьер (*ничего не замечая*) . О родина! Благословенная страна, так щедро обласканная Природой! Ты — алтарь славы и Свободы. Гордый народ с чувствительным сердцем, ты, который опередил человечество на два тысячелетия. При одной мысли о нашем празднестве бледнеют и трепещут тираны. Мы сами творцы Победы. Я слышу шелест ее крыльев в лучезарном небе. Пламя Революции охватило полмира. Другая половина еще

дремлет во мраке. Но мы пробудим ее от дремоты. Мы сообща установим священное согласие всех народов. Мы защищаем их честь, мы отстаиваем их права. Мы зовем их принять участие в нашем празднестве. Когда же они смогут ответить на наш призыв? Когда отпразднуем мы вместе с ними великое торжество рода человеческого?

Вадье . Не слишком ли ты далеко загадываешь? Сейчас род человеческий ведет войну против нас.

Робеспьер . А мы ведем войну только против его угнетателей. Мы ничего не хотим для себя, мы добиваемся счастья, богатства, Свободы, чтобы разделить эти блага по-братски между всеми людьми.

Бурдон . Нам и самим-то этих благ не хватает!

Робеспьер . Бедность становится богатством, горе радостью, когда такой ценой мы оплачиваем счастье будущих поколений.

Вадье (*язвительно*) . Лучше синица в руки... Живешь ведь только раз.

Робеспьер (*бросая на него гневный взгляд*) . Позор низким душам, которым сладостно зловоние их ничтожества! Пускай они захлебнутся в грязи. Пусть не смеют эти червивые плоды отравлять здоровые соки наших цветущих садов, заражать своими язвами наши нивы!.. Нет, пока я жив, они не будут своими зловредными учениями потакать пороку и смущать добродетель!

Бурдон (*заискивающим тоном*) . Твои неусыпные благородные заботы делают тебе честь, Максимилиан. Но не кажется ли тебе, что наш свободный народ достаточно вырос и не нуждается в руководстве? Разве ты призван стеречь его?

Робеспьер . Я не отвечу тебе словами Каина. Да, я сторож брату моему!

Женщины . Ты наш добрый пастырь. Счастлив народ, который ты ведешь!

Робеспьер . Немного бы я стоил, если бы не искал вдохновения в народе! Без него я слаб, всю мою энергию и познания я черпаю в нашем великом народе, чей порыв возносит нас и придает нам силы. Любите же народ, любите в нем самих себя! Друзья, и ты, Вадье, забудьте мои резкие слова (хотя я не могу от них отречься). Забудем наши раздоры в этот светлый день, пусть станет он для всех гордостью и ликованием! Ведь это наше общее торжество! (*Стоя у окна, простирает руки и, обращаясь к толпе, пылко восклицает.*) Братья!

Толпа, встрепенувшись, могучим эхом повторяет: «Братья!»

Братья Франции и всей вселенной! Великий народ собрался здесь, чтобы завязать узы всеобщего братства. Мы чествуем человека, самое высокое создание Природы. Истинное служение Верховному существу — это свято исполнять человеческий долг. Прославим же человека! Внушим ему самое священное из чувств — святое уважение человека к человеку.

Вадье, Бурдон, Мерлен и другие (*собравшись в кружок в левом углу залы, говорят между собой*) . Недурно бы для начала подкрепить проповедь личным примером.

— Проповедь проповедью, а там, напротив, в глубине сада красуется гильотина...

— Ради такого случая ее завесили полотнищем.

— Напрасно. Это же алтарь. Каждый вечер там служат мессу.

— Робеспьер ни разу не взглянул на нее.

Звучат трубы; пение становится громче, толпа неистовствует. Робеспьер замирает с воздетыми руками, устремив глаза к небу.

— Полюбуйтесь на дервиша. Слышите? Он молится своему богу.

— Вот негодяй! Мало ему быть королем, ему еще надо корчить из себя папу!

Крики толпы на площади становятся все более громкими и властными.

Толпа . Максимилиан!.. Приди!.. Приди!..

Грубый голос (*отчетливо и громко*) . А ну, скорей спускайся сюда! Тарквиний! Долго еще тебя ждать?

Вилат (*подобострастно*) . Дорогой Робеспьер! Они теряют терпение. Час, назначенный для церемонии, уже истек.

Робеспьер (*сразу опомнившись*) . Что же ты не сказал мне раньше? Меня так заворожило это зрелище, что я потерял счет времени. (*Поспешно идет к двери.*)

Навстречу ему входят, запыхавшись, Леба и Давид.

Леба . Мы с Давидом пришли за тобой. Билло вне себя от гнева. Комитет возмущен твоим опозданием.

Давид . Что ты скажешь о моем творении? (*Показывает на перспективу в окне.*) Я воздвиг для тебя Капитолий.

Мерлен де Тионвиль . А ты не собираешься, Давид, воздвигнуть ему скалу?

Давид . Какую скалу?

Мерлен де Тионвиль . Ту, что ему подобает: Тарпейскую.

Давид (*с возмущением обращаясь к Робеспьеру*) . Зависть всегда сопутствовала триумфам Цезаря.

Робеспьер (*с упреком*) . И ты, Давид. Сравнение с Цезарем для меня худшее оскорбление!

Давид . Прости меня, Неподкупный! Я желал бы для тебя только его славы.

Робеспьер . Во всей его славной судьбе я завидую лишь тридцати кинжалам заговорщиков. Вон они, посмотри! (*Указывает на группу недовольных: Бурдона, Вадье, Мерлена и прочих.*) Они торопятся обессмертить меня. (*Уходит быстрым шагом в сопровождении Леба и Давида.*)

Вилат бежит вдогонку с букетом цветов и колосьев, который Робеспьер бросил на столе.

Вилат . А букет, ты забыл букет! (*Не догнав Робеспьера, возвращается с букетом в руках.*)

Молодые женщины накидываются на Вилата и с жадностью расхватывают цветы.

Женщины . О, дай его мне, гражданин!

— Нет, мне!

— Разделим по-братски, как он нас учил, эти священные реликвии!

— О сладчайший Максимилиан, покойся на моей груди!

Это восклицает юная прелестная девушка, пряча розы и колосья под легкой косынкой, прикрывающей грудь.

За окном раздается «Походная песня», сочиненная и впервые исполненная в эти дни. Бурдон, Вадье, Мерлен и другие подходят вслед за Вилатом к окну и смотрят на площадь.

Мерлен де Тионвиль . Это поют новобранцы во главе с Сен-Жюстом. Нынче вечером они выступают в поход на Флерюс. Туда им и дорога! У Робеспьера в Париже останется меньше защитников.

Все подхватывают песню, раздающуюся за окном. «Победа с песнопениями нам открывает путь...»

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Комитет общественного спасения, 27 прериаля (15 июня) вечером⁷. Билло, Карно, Колло — все очень взволнованны. Зашли навестить соседей члены другого Комитета (*общественной безопасности*) — Вадье, Амар и прочие; они горячо спорят. Все стоят, присаживаясь только на минуту, когда секретари Комитета приносят им бумаги на подпись. Билло и Карно шагают из угла в угол, размахивая руками.

Билло . Он стал невыносим!

Карно . Он мнит себя неограниченным монархом.

Колло . Он решает все сам, рубит сплеча и ни с кем не советуется...

Вадье . Как вы могли одобрить подобный закон? Ведь это значит дать ему в руки меч!

Билло . Мы и не давали. Он взял сам. Нас даже не предупредили!

Колло . Он теперь не считает нужным совещаться с нами. Он сочинил этот декрет у себя дома, а Кутон, не представив нам на рассмотрение, внес его прямо в Конвент.

Вадье . А вы-то кто? На что вы годны? Распустите Комитет. Вы уже не существуете.

Амар . Теперь он может по своему усмотрению арестовать и приговорить к смерти кого угодно без всякого следствия, без защитников. Свобода всех граждан в его руках.

Билло . Нам нужно, нам необходимо сговориться, какими средствами остановить тирана, замышляющего стать диктатором.

Вадье . Но ведь ты сам, Билло, примкнул к Робеспьеру, когда Тальен в Конвенте пытался выступить против; да и ты, Баррер, ты тоже поддерживал Робеспьера.

Билло . Я выступаю против Робеспьера, но это еще не значит, что я протяну руку Тальену. Я не желаю действовать заодно с мошенником.

Вадье . Не время привередничать. Если на меня нападут разбойники, я буду отбиваться всем, что попадется под руку, подыму с земли любую палку — наплевать, что она вся в дерьме.

Карно . Он прав! Против тирана все годится, все средства хороши.

Колло . Уж я возьмусь за этого негодяя! Я сокрушу Робеспьера!

Баррер . Да не шумите так! (*Затворяет окна, выходящие в сад.*) Могут услышать с улицы. К чему бесноваться? Надо смотреть на вещи трезво. Вы отдаете себе отчет, какими силами он располагает? (*Обращаясь к своей секретарше, которая со смиренным видом стоит у порога.*) Посторожи у двери, Кларисса, дай нам знать, когда он появится!.. За него стоят народные массы, народ предан Робеспьеру, люди воодушевлены зрелищем пресловутого праздника; за него — гарнизон Парижа под началом Анрио; молодые воины из Марсовой школы, подчиненные Леба; якобинцы, податливые, как воск в его руках; новая Коммуна во главе с Пэйаном и Флерио, которые лижут ему пятки; Революционный трибунал, где он посадил своего тестя Дюпле; и, наконец, на Самбре верные ему генералы Журдан, Пишегрю, безропотно повинующиеся Сен-Жюсту, и армия, готовая хоть сейчас поднять на щит Робеспьера...

Карно . Ну, погоди! Он у меня попляшет на этом самом щите!.. Первым делом надо спровадить на фронт войска, которые грудью за него стоят здесь, в Париже.

Вадье . Что касается народа, то бывает и дым без огня. Пускай горланят зеваки, их восторги не заглушат ропота секций.

Амар . В особенности, если умело за них приняться.

⁷ Вскоре после того, как Кутон внес на рассмотрение Конвента Декрет от 22 прериаля. — *Р. Р.*

Карно . В этом деле можно всецело довериться Фуше. У него правильная тактика: взвалить на плечи тирана все, что вызывает недовольство в народе.

Билло . Что ж, справедливо. Раз он желает над нами господствовать, пускай несет ответственность за весь этот развал в государстве. Уж мы сумеем потребовать с него отчета.

Баррер . Остерегайтесь разрыва с ним. Он еще слишком силен.

Билло . Неужели мы должны склонить перед ним шею, а он будет нас ногами топтать?

Баррер . Гнев — плохой советчик, Билло... Если нам суждено непременно сразиться с ним, пусть схватка начнется, когда мы будем уверены, что возьмем верх. Сейчас еще не время. Сначала мы должны усыпить бдительность врага и ослабить его. С Сен-Жюстом он уже разлучен. Удалим Кутона.

Карно . Старый черт не доверяет нам. Я уже предлагал ему выехать с поручением в провинции. Он и ухом не повел.

Вадье . Проклятая старая лиса!.. Мы избавимся от него другим способом... Но первым делом следует очистить Конвент. Удалим оттуда приспешников тирана. Разошлем их по самым отдаленным провинциям, на границы, на берег океана. Что может возразить Робеспьер? Ему должно быть лестно, что его друзей назначают на опасные посты.

Баррер . Мы уже позаботились об этом. К концу месяца полсотни человек из его старой гвардии будет рассеяно по всей Франции.

Карно . Но подорвать его власть надо именно здесь, в самом Париже.

Вадье . А ведь я ловко подложил ему свинью сегодня в Конвенте, правда?

Билло . Bravo, Вадье! За этот год ты добился большего, чем кто-либо из нас. Ты сумел поднять его на смех в Собрании. Поделом мерзкому святоше! Он задумал стать богом, а ты откопал ему богородицу, Катрину Тео, помешанную старуху, которая на него молится. Погоди! Мы еще устроим в трибунале целое карнавальное шествие, сгоним туда дурацких ханжей и идиотов, всю эту свиту Робеспьера. То-то будет потеха! Весь Париж животы надорвет.

Баррер . Только допустит ли Робеспьер?

Вадье . А ты бы взглянул на него во время моей речи! Ощерился, как щука.

Баррер . У щуки острые зубы.

Билло . Эх ты, храбрый вояка! Баррер воспевает победы, а сам дрожит от страха за свою шкуру.

Баррер (*пожав плечами*) . Вы просто сумасшедшие. Если вы хотите сокрушить врага, зачем вам раздражать его?

Вадье . Чтобы посмеяться ему в лицо!

Баррер . Теперь не до развлечений!

Билло . Ну, ты уж слишком хитер. Глядя, как ты лебезишь перед своим заклятым врагом, невольно думаешь: кого же обманывает Баррер — нас или Робеспьера?

Баррер . Ради блага Республики я предпочел бы сохранять согласие между ним и нами. Если нашему союзу суждено быть нарушенным, пусть уж лучше зачинщиком будет он. Я слишком ясно вижу, что от нашего разрыва больше всего выиграют враги Республики.

Билло . Я тоже этого боюсь. Но победа деспота представляет для Республики не меньшую опасность. Надо помешать этому во что бы то ни стало. А там подумаем и о другой опасности.

Баррер . Постараемся по мере сил избежать ее, будем разрешать наши споры без лишнего шума, при закрытых дверях. Главное, не выносить их на площадь, не посвящать посторонних в наши решения и ни в коем случае не давать Робеспьеру повода воззвать к народу. Вместо того, чтобы сокрушить тирана, я предлагаю окружить его, удержать при себе, лишив свободы действий.

Карно . Неужели ты думаешь, он пойдет на это и не попытается грубо навязать нам свою волю?

Баррер . Нас большинство, мы будем сопротивляться.

Вадье . Э-э, шумите вы много, а потом сдаетесь.

Билло . На этот раз я не сдамся. Я растопчу его, испепелю!

Баррер . Не горячись, Билло! (*К Вадье, с упреком.*) Очень нужно его подзадоривать!.. Пойми, Билло, мы должны постараться его обойти. Держи себя в руках. Не бросайся вперед очертя голову, точно бешеный бык.

Билло . Что поделаешь! Я не умею притворяться, как ты, не говорить ни «да», ни «нет», называть черное белым, все смягчать, от всего уклоняться. Когда я пускаюсь на хитрости, ложь так и прет из меня; мне это нестерпимо, я сам себе противен, меня тошнит...

Баррер . А ты держись потише. Думай про себя, что хочешь! Но зачем же трубить во всеуслышанье?

Билло . Ладно, постараюсь.

Кларисса с порога, где она стоит на страже, делает знаки Барреру.

Баррер (*остальным*) . Робеспьер...

Сразу водворяется тишина. Билло и Карно, склонившись над столом, делают вид, что поглощены работой. Амар и Вадье собираются уходить. Баррер, стоя у стола, спиной к окну, перелистывает бумаги. Колло расхаживает вразвалку по комнате, посмеиваясь про себя. Быстрым шагом, с опущенной головой входит Робеспьер. Вслед за ним вкатывают кресло Кутона. Едва не столкнувшись с Вадье, Робеспьер круто останавливается и пронзительно смотрит на него.

Робеспьер . Что ты тут делаешь?

Вадье . А разве я должен спрашивать у тебя разрешения? Комитет общественной безопасности имеет право входить куда угодно.

Робеспьер . Комитет общественной безопасности занимается чем угодно, кроме своих обязанностей. Вместо того чтобы преследовать врагов народа, он всячески старается опорочить его верных слуг. Вы позорите себя, распуская грязные сплетни. Над вами смеются.

Вадье . Смеются, да только не над нами.

Колло хихикает. Билло и Карно посмеиваются, не подымая глаз от бумаг.

Робеспьер . Ты пришел сюда, чтобы тебя похвалили за вероломство?

Вадье . Какое вероломство? Ты должен радоваться, что я вытащил из норы жалких, вонючих гадов, которые прикрывались именем Робеспьера.

Робеспьер . Ты воображаешь, что одурачил меня, что я не разгадал твоих коварных плутней? Ты отлично знаешь, что эти смешные, безобидные бедняги не приносят никакого вреда Республике. И ты громишь их лишь для того, чтобы из всяких глупых бредней создать отравленное оружие против меня.

Вадье . Ого! Тебе, должно быть, пришлось по вкусу прорицания твоей пифии?

Колло . Всякому лестно слышать, что его приход предсказан самим пророком Иезекиилем! Примите наши поздравления, дорогой коллега! Для нас величайшая честь, что в наших рядах обретается сын божий!

Все прыскают со смеху.

Робеспьер . Дурацкие шутки!

Вадье . Вот тебе раз! Ведь это сказала твоя любезная Тео, мать божия, стало быть твоя родная бабушка.

Смех усиливается.

Билло (*не подымая глаз от бумаг*) . Она сказала правду. Ведь именно Робеспьеру мы обязаны восстановлением религии.

Робеспьер . Конвент восстановил не религию, а высокие принципы добродетели, на которых зиждется всякая Республика, достойная этого имени. Ни один честный человек не усомнится в том.

Вадье . Так вот почему в деревнях, прослушав твои нудные славословия Верховному существу, крестьяне служат мессу и распевают «*Veni Creator*»⁸.

Карно . У нас в Бургундии, открывая собрания в клубах, уже осеняют себя крестным знаменем и бормочут молитвы.

Баррер . Ау нас в Беарне отменили счет по декадам. По-прежнему празднуют воскресенье.

Билло . Уж ты постарался угодить попам, нечего сказать! Почему бы тебе не принять титул почетного пономаря?

Кутон (*лукаво*) . Ты ведь был монахом, Билло. У вас идет спор монаха с мирянином.

Робеспьер . Перестань, Кутон! Я не могу помешать подлым врагам кривляться и паясничать в бессильной злобе. Но друзьям моим не подобает отвечать на их глупые шутки.

Билло (*в гневе стучит кулаком по столу*) . Я не шучу! Посмей-ка отрицать, что ровно неделю назад ты официально восстановил во Франции культ бывшего бога и сам отслужил обедню в Париже в качестве первосвященника.

Робеспьер . То, что я сделал, я сделал с полного одобрения Конвента, после единогласно принятого решения.

Билло . Ты насильно вырвал у них согласие, запугал их, захватил врасплох. Знаем мы твои штучки! Едва ты кончишь распевать соловьем, как выскакивают один за другим твои прихвостни и с воплями превозносят тебя до небес. Попробуй-ка возрази! Никто не успевает опомниться.

Робеспьер . Если верно то, что ты говоришь, это бесчестит твоих товарищей и тебя самого. Ты клеветешь на Конвент.

Билло . Ты оглушаешь нас длинейшими риторическими периодами, ты зубришь свои речи дома перед зеркалом. Конца им нет! Тебе никогда не надоедает собственная декламация. Все засыпают, никто не слушает. Когда речь кончается, тебе аплодируют с облегчением, в восторге, что фонтан заткнулся. Внушив публике, что она восхищена твоими нудными проповедями, ты спешишь поскорее их отпечатать. А на другой день их тошно читать, до того несет от них ладаном, до того претит реакционный дух, который скрывается за пышными фразами.

Робеспьер . Ты называешь реакционным стремление утвердить Республику на устоях добродетели? Ведь Революция, проложившая путь Республике, была только переходом от царства преступления к царству справедливости.

Билло . Мы и сами отлично справимся с этой задачей! Зачем припутывать сюда бога?

Робеспьер . Никто из нас не совершенен. Верховное существо — это всеобщее братство, высочайшая цель, всегда стоящая перед нашим взором, далекий предел, к которому должен стремиться человеческий род.

Билло . Называй вещи их именами! Твое Верховное существо — просто поповская западня. Скажи человеку правду: «Тебе не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого. Страдай и борись! Никакого бога нет! Не тешь себя иллюзиями. Жизнь жестока. Жизнь мрачна. Научись видеть ее такой, как она есть».

Вадье . Не преувеличивай, Билло. Жизнь хороша. Она кажется мрачной только попам и монахам. В тебе старая закваска бродит.

Баррер (*кивая на Билло и Робеспьера*) . Бедняги! Их ни разу не пригрело наше южное солнце.

⁸ «Приди, создатель» (*лат.*).

Карно (*упрямо*) . Бога нет. Не надо нам бога! Столько веков мы боролись против обмана и заблуждений, которые притупляли человеческий разум и помогали тирании поработать его! И вот едва мы успели разорвать вековые цепи, как из нашей среды появляется отступник и снова кует их, снова приводит к нам лицемерного Тартюфа, боженьку, которого мы изгнали с таким трудом. Я называю твои деяния изменой разуму.

Робеспьер . А вы совершаете еще худшую измену! Вы предаете слабых, обездоленных, оставляете без поддержки и опоры народные массы, которыми призваны руководить. Я сообразовался с благом отчизны и интересами человечества. Любые законы, любые учения, способные утешить и возвысить душу, я считаю благотворными и целительными и принимаю их. Идея Верховного существа служит порукой справедливости. В нужде и тяжких испытаниях народ возлагает на нее свои надежды. Вы не вправе лишать его этой надежды. Что вы можете предложить взамен?

Карно . Свободный разум!

Робеспьер . Скажи лучше, хаос, дух отрицания.

Карно . Хаос? Нет, реальность, только в ней истина.

Робеспьер . А откуда ты знаешь, в чем истина? Кто разрешил тебе мерить на свою мерку лжеученого, ограниченного и нетерпимого, беспредельность мировых сил? По какому праву ты смеешь оскорблять и разрушать веру тысяч простых людей в бессмертие души и в провидение, подавлять священный инстинкт, быть может более прозорливый, чем твои сухие, холодные умствования?

Карно . Только дай тебе волю, ты бы на много веков повернул вспять человеческий разум.

Робеспьер . Ты говоришь словами жирондистов Гадэ, Верньо и Жансонне, которые упрекали меня в том, что я произносил слово «провидение».

Карно . Уж не за это ли ты отправил их на гильотину?

Билло . Не смей путать их преступления против родины с их справедливыми нападками на твоё нелепое фиглярство; они бичевали тебя во имя здравого смысла. Пускай мы отрубили им головы, это не мешает нам воспользоваться их бичом.

Робеспьер . Горе попам, лжепроповедникам безбожия и отрицания! Прячась под маской разума, низменного и тупого, они пытаются подрезать крылья святому порыву нашего народа, пытаются задушить своей растленной ученостью пламень духа, основу всех великих подвигов!

Билло . Горе тебе, подлый лицемер! Вечно ты треплешь языком о божестве, добродетели, нравственности и все для того, чтобы упрочить свою власть на трупах противников.

Колло . Торквемада! Ты бы не прочь восстановить у нас святу инквизицию.

Робеспьер . Из всех видов фанатизма самый опасный — это фанатизм безбожия.

Баррер . Всякий фанатизм одинаково ненавистен.

Билло . Фанатизм разума — священнейший долг Революции. Я буду бороться за него всеми силами, буду бороться именем закона против изменников вроде тебя, которые лукавят и вступают в сделки с церковью, исподтишка расчищая путь теократии; это самая гнусная власть, не считая военной диктатуры, даже еще более зловещая и позорная, ибо она проникает ползком в глубь сознания, отравляя и поработывая его... Не отрицай! Ты воображаешь, что обманул нас? Я вижу твои плутни насквозь. Уже давно я за тобой слежу! Проныра! Шут! Тиран!.. Ты хочешь захватить разом и трон и алтарь!.. Проваливай в Рим, в Верону — лизать пятки королям и поповской своре! Твое место там, среди нас тебе нечего делать...

Дав волю гневу, Билло постепенно возвышает голос до крика. Его слышно с улицы, так как Кларисса, секретарша Баррера, потихоньку растворила окна, выходящие на площадь.

Колло (*громовым голосом*) . Вместо сестры Капета, к которой ты сватался, там тебе подсунут в невесты какую-нибудь старую деву из королевского дома да подыщут место

королевского лакея, если только твоя Корнели Копо, девица Дюпле, отпустит тебя...

Карно и Вадье (*дуэтом*) . «Ах, мое сердечко!..»

Робеспьер (*тицетно пытаясь перекричать их, бледный от ярости, чуть не плача*) .
Негодяи! Я запрещаю вам...

Карно . Ты пока еще не папа, чтобы нам запрещать...

Все говорят одновременно. Среди общего шума слышны пронзительные крики Робеспьера.

Робеспьер . Люди без стыда и совести! Разбойники!

Билло . Наемник Питта! Королевский лакей!

Робеспьер . Я призову народ! Народ нас рассудит!

Билло . Ты готов послать на гильотину весь Конвент!

Робеспьер старается вырваться от Билло и Колло, схвативших его за шиворот. С улицы доносится невнятный шум. Слышны крики:

— Это в Комитете!

— Они там убивают друг друга!

Баррер (*обернувшись, замечает раскрытые окна*) . Кто отворил окно? (*Поспешно затворяет окна.*)

Кларисса, вернувшаяся было на свой пост у порога, спешит к нему на помощь. Остальные, опомнившись, затихают. Наступает тишина. Противники, устыдясь своей ярости, застывают неподвижно, бросая друг на друга злобные взгляды. Запыхавшийся Робеспьер шумно дышит, поправляя дрожащей рукой сбившийся галстук и помятое жабо.

Кутон (*до сих пор сидевший неподвижно в своем кресле, не принимая участия в перебранке и наблюдая за всеми зорким насмешливым взглядом, язвительно произносит среди общего молчания.*) Вот так побоище! Хороши вы, нечего сказать, храбрые паладины разума! Ваши яростные возгласы никого не обманут. Отнюдь не Верховное существо приводит вас в негодование — вы скрываете истинную причину. Вы взбесились, вы не можете переварить декрет о Революционном трибунале, за который вы же сами голосовали. А прямо нападать вы не смеете из страха, что декрет обернется против вас.

Колло и Карно хрипят от злобы. Однако в конце сцены никто уже не повышает голоса до крика, как прежде; ярость звучит приглушенно.

Колло и Карно . От страха?

Карно . От страха перед тобой, ублюдок?

Колло . Кто вас боится, жалкие пигмеи?

Билло . Да, правда, я обвиняю тебя, обвиняю вас обоих, коварные лицемеры! Вы задумали захватить правосудие в свои руки, чтобы истребить оба Комитета.

Кутон . А я обвиняю вас в том, что вы целых два месяца всеми средствами пытались помешать применению народного правосудия. Вопреки всем вашим стараниям рука закона покарает разбойников, за которых вы ратуете. Все честные граждане требуют этого. Закон — прибежище всех слабых, бедных, неповинных. Он страшен лишь врагам народа.

Билло . Кого только ты не разумеешь под этим именем? Ты готов включить в свои проклятые списки всякого, кто тебе противоречит.

Кутон . На воре шапка горит. Нечистая совесть сама себя выдает.

Билло . Как? Ты смеешь угрожать мне? Мне? Тебе не выйти отсюда живым! (*Замахивается на него.*)

Кутон пожимает плечами. Баррер и Карно отгаскивают Билло, он старается овладеть собой. Робеспьер, хранивший молчание во время этой схватки, говорит спокойным, ледяным тоном.

Робеспьер . Идем, Кутон, этот человек прав. Нам здесь не место.

Колло . Ступай вон, иди к своим сообщникам!

Робеспьер . Я иду к народу. Он мой единственный друг, мой властелин. Завтра он станет твоим судьей.

Билло . Мы изгоняем тебя из Комитета!

Робеспьер . А я, я изгоняю вас из Республики... Вы хотите войны?

Билло, Колло, Карно . Да!

Робеспьер . Ну что ж, война так война! *(Уходит вместе с Кутоном.)*⁹

Занавес.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Там же. Комитет общественного спасения, 4 термидора (22 июля). Баррер, Карно, Колло, Билло, хмурые и подавленные. Межан за столом разбирает бумаги.

Баррер . Хороши мы, нечего сказать! Вот уже месяц как мы выгнали Робеспьера из Комитета, а он неустанно восстанавливает против нас народные массы. Он стал сильнее во сто крат.

Колло . Как он этого добился? Кто бы мог подумать! Казалось, он уже ни на что не годен. Совсем выбился из сил.

Карно . Ненависть придает ему силы. Он покоя не найдет, пока не отомстит нам.

Баррер . Если ты это предвидел, зачем было дразнить его?

Карно . Не мог совладать со своими чувствами.

Колло . А теперь он как с цепи сорвался! Выступает в Якобинском клубе каждые три дня. Сеет подозрения, разжигает ненависть. В народе растет брожение. Если не положить этому конец, мы погибли.

Билло *(неподвижный, сосредоточенный, вновь распаляясь ненавистью)* . Тиран! Пизистрат!

Карно . Попробуй теперь заткни ему рот!

Билло . Кинжал Гармония...

Баррер . Это обожествит его. Напротив, мы должны оберегать его от кинжалов. Ведь всякое покушение приписали бы нам. Робеспьер открыто обвиняет нас в том, что мы знали о заговорах против него и ничего не предприняли. Я лично не придаю значения угрозам Лекуантра и его хвастливой шайки: слишком уж они шумят. Один взгляд Робеспьера обратит их в бегство. Но нам нужно зорко следить за их происками. При малейшей попытке какого-нибудь безумца напасть на Неподкупного, на нас накинется вся свора якобинцев.

Колло . А кто поручится, что Робеспьер сам не подстраивает покушений, о которых он кричит на всех перекрестках? Все эти незадачливые заговорщики появляются так кстати, что иной раз думаешь: уж не сам ли он подбивает их через своих людей?

Карно . Повсюду рыщут его агенты, сеют подозрения против нас. Они мутят народ и в провинции. Мне только что сообщили *(кивает на Межана)* , что один из его посланцев в Булонь-сюр-Мэр распускает обо мне грязные слухи. Негодяй смеет обвинять меня — это

⁹ Напоминаем еще раз: конец сцены идет в тоне приглушенной ярости, но внешне спокойно. — P. P.

меня-то! — в том, что я будто бы хотел сорвать победу!

Баррер . Он натравливает на нас полицию. Он громит нас в речах... Нет, своими силами нам не удастся устранить Робеспьера. Заключим с ним мир!

Колло . Теперь поздно. Он не хочет мириться.

Карно . И я не хочу! Огонь или вода... Либо он, либо мы!..

Колло . Даже если заключить мир на сегодня, он все равно будет нарушен завтра. И опять все пойдет по-старому.

Баррер . Выиграем хотя бы один день. Мы еще не готовы к бою. Прежде всего надо разоружить народ, очистить Париж от якобинских отрядов, в особенности от канониров. А главное, объединить всех недовольных, всех противников Робеспьера.

Колло . Над этим неумоимо трудится Фуше. Он уверяет, что все будет готово к концу недели.

Баррер . Напрасно он об этом пишет. Агенты Робеспьера только что перехватили в Нанте письмо Фуше, из которого явствует, что столкновение неминуемо.

Билло . Плохо дело. Тиран испугается и опередит нас.

Колло . Это состязание на скорость. Давайте начнем первые!

Баррер . Благоразумнее отсрочить выступление. Надо успокоить Робеспьера. Любой ценой заставить его вернуться в Комитет.

Колло . По-твоему, это так просто? Каким же образом?

Баррер . Любыми средствами. Хотя бы обещаниями уступок.

Билло . Ни за что!

Карно (*после некоторого раздумья делает усилие над собой*) . Ну, Билло, уж если я соглашаюсь, при всей моей ненависти к Робеспьеру, то ты и подавно можешь на это пойти.

Билло . Я не умею кривить душой. А если бы умел, презирал бы себя.

Карно . Военная наука велит нам иной раз отступить, чтобы завлечь противника.

Билло . И ты надеешься заманить его? Он даже и слушать нас не пожелает.

Баррер . Он послушает Сен-Жюста. Предоставь это мне.

Входит Сен-Жюст.

(Идет ему навстречу, ласково берет за руки.) Друг! Ты давно не видел Максимилиана?

Сен-Жюст . Я прямо от него. Но с ним теперь трудно разговаривать. Он все пишет, сидит взаперти, а если выходит из своего уединения, то только в Клуб якобинцев. Народ — его единственный друг и поверенный.

Баррер . Неужели, по-твоему, достойно доброго гражданина совершенно не считаться с нашими Комитетами? Я уверен, что Робеспьеру ненавистна роль диктатора. Так зачем же он постоянно обращается прямо и непосредственно к народу и тем дает повод обвинять его в стремлении к диктатуре?

Сен-Жюст . Мне известна несправедливость подобных обвинений. Однако — не боюсь заявить об этом прямо — мне не по душе, когда Робеспьер уединяется, как весь прошлый месяц. Это вредит ему. Тот, кто предается горьким думам, мукам уязвленного сердца, перестает видеть действительность, понимать людей и события. Но кто виноват? Вы сами. Вы оттолкнули его своим недостойным поведением.

Баррер . Мы признаем, что были несдержанны и несправедливы. Но разве справедливы его резкие нападки на Комитет? Согласись, что при нашей утомительной, лихорадочной работе, без единой минуты отдыха, невозможно взвешивать каждое слово! Пусть он признает свою вину. Мы, со своей стороны, готовы признать нашу.

Сен-Жюст . Тут дело не только в словах. Вы мешаете проводить в жизнь законы, принятые по его предложению. Вы постоянно чините ему препятствия во всех его действиях.

Баррер . А зачем он действует, не считаясь с Комитетом? Впрочем, не стоит вспоминать наши взаимные заблуждения! Они одинаково губельны для Республики. Чтобы

восстановить согласие, обе стороны должны пойти на уступки. Мы не хотим упорствовать. Поищем сообща почву для примирения. Пусть каждый внесет свой вклад. Чего требует Робеспьер, чтобы убедиться в нашей доброй воле? Мы говорим искренне, призываю в свидетели любого из моих коллег.

Колло . Возможно, я был слишком резок. Признаюсь откровенно. Я протягиваю руку Робеспьеру. Мою честную руку.

Карно . У меня на родине виноградари иной раз дерутся, как черти. Но после потасовки дружба только крепнет.

Билло *(с явным усилием)* . Робеспьер несправедлив ко мне. Отрава недоверия гнездится в его больном воображении. Я люблю Робеспьера. *(Отвернувшись, сплевывает.)*

Сен-Жюст *(бесстрастно и высокомерно)* . Я не спрашиваю о ваших чувствах к Робеспьеру. Мне они известны. Я спрашиваю, что вы готовы сделать ради примирения с ним и какую цену запросите?

Баррер . Ну вот, желая доказать, что мы не чиним ему препятствий, мы предлагаем особым постановлением со временем ввести в действие Вантозские декреты. Для начала можно образовать, скажем, четыре народные комиссии, которые отбирали бы подозрительных лиц и направляли в Революционный трибунал... Все согласны?

Остальные кивают головой.

Билло . Можно даже создать выездные сессии Революционного трибунала, чтобы вершить суд и выносить приговоры на месте.

Баррер . Чтобы засвидетельствовать перед всеми наше доверие к тебе и Робеспьеру, мы поручаем тебе, Сен-Жюст, от имени Комитета представить Конвенту доклад о политическом положении в стране. Ты доложишь им с полной откровенностью о наших дружеских разногласиях и о решениях, принятых сообща. Однако, по справедливости, вы тоже должны отбросить вашу обидную подозрительность.

Карно . Вы уже столько времени задерживаете приказ об отправке в Северную армию отряда парижских канониров, которые необходимы для продолжения кампании! Молва приписывает Робеспьеру намерение образовать из них свою преторианскую гвардию. Положите конец этим оскорбительным слухам ради нас и ради вас самих. Подпишите приказ! Это самое малое, чего мы можем потребовать.

Колло . Мы требуем доверия и прямоты и сами доверяем вам. В наших сердцах нет дурных помыслов.

Сен-Жюст . Сердце здесь ни при чем. В интересах Нации необходимо, чтобы мы отложили наши внутренние распри, которые мешают нам действовать сплоченно против внешнего врага. Мы возобновим спор, когда французская земля будет очищена от неприятеля. Я согласен стать посредником между вами и Робеспьером. Что касается меня, я принимаю ваши предложения. Я составлю доклад со всем беспристрастием, к какому обязывает меня долг перед высоким собранием.

Карно . А приказ об отправке на фронт канониров?

Сен-Жюст . Я подпишу его.

Билло . Итак, все улажено. Приведи к нам Максимилиана. Он убедится, что ему нигде не найти более верных друзей, чем мы.

Все кивают в знак одобрения.

Баррер . Пора в Конвент. Заседание уже началось. Ты идешь, друг?

Сен-Жюст . Нет, мне надо поработать.

Баррер . Мы еще застанем тебя здесь. *(Все пожимают ему руку.)*

Карно . Нам с тобой подчас было трудно ужиться. Но я тебя уважаю. Ты славный малый.

Колло . А я люблю тебя... *(Протягивает руки.)* Обними меня!

Сен-Жюст *(уклоняясь)* . Нет, нет! Мы не на сцене... Или ты играешь Нерона?

Колло *(со смехом)* . «Соперника я обнимаю...» Ты не видел меня в этой роли? Она мне удалась!

Сен-Жюст . Отчего бы тебе не вернуться к старому ремеслу?

Колло . С новым ремеслом я тоже недурно справляюсь!

Все уходят.

Сен-Жюст *(один, смотрит им вслед)* . Все они лгут!.. От них за двадцать шагов несет ложью. Неужели эти глупцы воображают, что я ничего не вижу?.. Колло паясничает... Карно корчит из себя добродушного дядюшку-виноградаря... Неуклюжий Билло прямо давится от ненависти, его так и распирает... Ну, а Баррер уж и сам не может разобрать, когда он лжет, когда говорит правду... Грязь и навоз... На что, на кого положиться? И это опора Республики! Жизнь отдал бы за настоящего человека!

Входит Леба, он пришел из Комитета общественной безопасности.

Леба *(с радостным изумлением)* . Сен-Жюст! Ты один?

Сен-Жюст *(погружен в свои мысли)* . Вот, быть может, настоящий человек!..

Леба . Ты занят?.. Не хочу тебе мешать. *(Собирается уходить.)*

Сен-Жюст *(удерживая его)* . Останься! Ты мне нужен.

Леба . Говори! Я весь к твоим услугам. Чего ты хочешь?

Сен-Жюст . Просто побыть с тобой. *(Положив руки на плечи Леба, смотрит на него с юношески светлой улыбкой.)*

Леба *(радостно)* . Антуан! Значит, ты еще не лишил меня своей дружбы?

Сен-Жюст . То, что я дарю достойному, я никогда не отнимаю.

Леба . Так почему же ты так долго чуждался нас?

Сен-Жюст . Тебя — никогда.

Леба *(тихо)* . Ты сердился на меня из-за Анриетты?

Сен-Жюст . Твоя прелестная сестра ни в чем не виновата. Если я сержусь, то не на нее и не на тебя.

Леба . На кого же?

До этой минуты Сен-Жюст продолжал стоять в той же позе, положив руки на плечи друга. При этих словах он отстраняется от Леба.

Сен-Жюст . На самого себя... Видишь ли, Филипп, самую трудную борьбу не всегда ведешь с врагами. Подчас труднее бороться с самим собой. Когда я вступаю в этот поединок, я бегу от людей, пока не решится исход битвы.

Леба . Бой состоялся?

Сен-Жюст . Состоялся.

Леба *(робко)* . Со счастливым исходом?

Сен-Жюст . Для меня исход несчастный. Но Анриетте лучше забыть обо мне. Она бы очень страдала, если бы стала моей женой.

Леба . Она будет страдать гораздо больше, если не станет твоей женой.

Сен-Жюст . Нет, друг, если любимые существа готовы по неразумию погубить себя, наш долг быть разумными вдвойне ради них. Было бы безумием для молодой женщины связать свою судьбу с таким, как я, с обреченным.

Леба . Обреченным? На что?

Сен-Жюст . Приносить гибель и ждать смерти.

Леба . Друг! Нам всем угрожает смерть. Но, я надеюсь, ей еще долго придется ждать.

Сен-Жюст . Она близко, она уже стучится в дверь.

Леба . Ты видишь все в слишком мрачном свете.

Сен-Жюст . Я вижу слишком ясно. И нас и тех, других.

Леба . Я знаю не хуже тебя, какие грозные тучи нависли над Робеспьером, я слышал о заговорах против него. Но он расстраивал самые коварные козни. Конвент покорен ему, и народ Парижа за него горой.

Сен-Жюст . Конвент только и думает, как бы его предать. Нам надо неотступно следить за нашими врагами. Иначе они ринутся и разорвут Робеспьера, как дикие звери. А за кого стоит народ, на чьей стороне он будет нынче вечером или завтра, я не знаю, да и сам он не знает. Это уже не прежний народ десятого августа. Он утомлен и растерян. Его сбила с толку, развратила подлая демагогия эбертистов, суливших высокие заработки и праздность. Чтобы подтянуть ослабевшие поводья, нужна поистине железная рука. А Робеспьер уже не владеет такой мощью. Он уже не прежний Робеспьер, не тот, что в Первом году Республики вел Революцию в бой против внешних и внутренних врагов. Революция изматывает своих бойцов. Он и сейчас безупречно честен и неподкупен. Но он болен, озлоблен, подозрителен, чересчур занят самим собой. Он замыкается в себе и теряет связь с событиями как раз в те дни, когда их течение принимает роковой оборот. Чтобы остановить их неотвратимый ход, надо решиться ввести диктатуру, как бы ненавистна она ни была для вольных и гордых людей, для всех истых республиканцев... Поверь, никого так не страшит, как меня, эта чудовищная угроза, нависшая над Республикой, вынужденной вести войну; угроза эта назревает на полях сражения, и я с содроганием вижу, как надвигается военная диктатура... Но именно потому единственный способ преградить ей путь — это взять ее в свои руки, захватить мортиру, направленную в сердце Республики, и повернуть ее против врага. Я твердо убежден, Леба, что диктатура Комитета общественного спасения — ныне единственный путь к спасению Республики. И власть эта должна быть сосредоточена в руках одного вождя, а не тех десяти правителей, что пожирают друг друга в нашем Комитете. Нужна твердая власть, сила, стоящая над всеми другими силами, которые соперничают меж собой и сводят взаимные усилия на нет. Нужно, чтобы она разила неотвратимо, как молния, и, как молния, ударив, мгновенно исчезала. Только твердая власть может расчистить путь Республике и избавить ее от врагов. Но я знаю, что никто из нас не возьмет на себя это бремя, никто не отважится... Только один, пожалуй... Но он не хочет... Робеспьер, которого обвиняют в стремлении к диктатуре, страшится ее, отрекается от нее. Он убежденный законник и способен действовать только в рамках закона; если приходится преступить законы, он предпочитает создавать новые, а пока эти законы вводят в жизнь, время действия уже упущено. Он отдал всю свою энергию на то, чтобы заставить Конвент утвердить Прериальские декреты, а на то, чтобы ввести их в действие, у него уже не хватает сил. Так он возбуждает всеобщее недовольство, не пожиная плодов своих усилий. Робеспьер уступает поле действия врагам, а сам сгорает в бесплодных препирательствах и религиозных мечтаниях... Не думай, что я осуждаю его. Мне так понятна его горечь! Его ожесточили гнусные нападки врагов, он поддался чувству усталости, отвращения, он более не в силах общаться с низкими душами — мне самому знакомо это чувство. Я люблю его и жалею. Но мы не вправе отступать и предаваться грезам; надо подавить отвращение, побороть его. Робеспьер обязан возвратиться в Комитет, я дал слово привести его туда. Чего бы это ему ни стоило (а мне это еще труднее), мы должны восстановить на время единство фронта, чтобы сообща разгромить заговорщиков. Если он откажется, если ему претит лицемерное примирение, которое никого не обманет, но необходимо для пользы государства, я пойму Робеспьера. Но он погубит себя, погубит всех нас... Это еще полбеды: он погубит Республику.

Леба . Если так, возьми бразды правления ты. Твоя рука моложе и тверже.

Сен-Жюст . Нет! Я наткнулся бы на сопротивление единственного человека, чья опора мне нужна, — на Робеспьера. Его уносит потоком. Он силится ввести поток в русло, ища союза с умеренными против крайних. Он хотел бы восстановить в Республике законность и порядок. Слишком рано: Революция не должна останавливаться до тех пор, пока не

выполнит свою социальную миссию до конца. Если остановить ее, она погибла, ибо новый порядок не может воцариться, пока не будет разрушен старый. Нельзя вступать в сделки с прошлым. Половинчатость губительна. Нам предстоит перекопать землю, выкорчевать сорную траву, иначе она разрастется и заглушит молодые всходы. Мы бросаем в почву семена Республики. Но почва заражена, ее может очистить только плуг диктатуры. А Робеспьер не соглашается. Он боится диктатуры, как чумы, и его же обвиняют в стремлении к диктатуре... Какая ирония судьбы!.. Он наш вождь... Пусть будет так! Я склоняюсь перед его волей, мы ведь только его помощники. Он превосходит нас обширным опытом, блеском дарований. Он — оплот Республики. Куда бы он ни повел нас, я последую за ним. Я разделю его судьбу. Но тебе лучше на несколько месяцев уехать из Парижа.

Леба . Разве я могу вас покинуть, если вам грозит хоть малейшая опасность?

Сен-Жюст . Зачем подвергать тебя опасности, если нам это не поможет?

Леба . Ты так мало меня ценишь?

Сен-Жюст . Я ценю тебя слишком высоко, чтобы дать тебе погибнуть без пользы для нашего дела. Ты лучше послужишь Республике, защищая ее интересы в провинции или в армии.

Леба . Только вместе с тобой. Как Кастор и Поллукс. Ведь уже не раз мы делили с тобой и славу и опасности.

Сен-Жюст . Как бы я был рад! Знаешь, Леба, только в армии я чувствую себя легко. Там ясно, в чем твой долг, там встречаешь врага лицом к лицу. А здесь враг жмет тебе руку, и ты принужден молча выносить это унижительное пожатие... Но с меня довольно! Карно не доверяет мне. Мои приказы отменяются. Я не хочу возвращаться в армию... К тому же развязка трагедии близка. Я должен оставаться здесь.

Леба . Тогда и я остаюсь!

Сен-Жюст . Вспомни о жене, о ребенке, которого ты ждешь! Увези семью из Парижа. Ты можешь, ты должен. Тебе лично никто не угрожает, не то что мне. У тебя нет врагов.

Леба . Пускай ваши враги станут и моими. Не обижай меня! Я достоин разделить с вами опасности.

Сен-Жюст . Прости меня, друг! Я страшусь за тебя, хоть и знаю, что ты бесстрашен. Но если я без сожаления принесу в жертву свою брENNую плоть и с презрением брошу ее в пасть смерти, то твою жизнь я хотел бы вырвать у нее. Тебя, твой светлый ум, твое тело, жену, которую ты любишь, сына, которого ты зачал. И мне будет утешением мысль, что частица меня самого — самая лучшая, самая чистая — переживет меня и будет жить в вас.

Леба . Но лучшее во мне, мой светлый разум, — это твои идеи, это ты, Сен-Жюст. Я не могу обойтись без тебя.

Сен-Жюст . У тебя есть любимая жена.

Леба . Ею полно мое сердце. Но душе этого мало. Ей нужна твоя дружба.

Сен-Жюст . Моя дружба всегда с тобой. При жизни и после смерти наши имена соединены навеки.

Леба . Имена меня мало заботят. Мне нужен ты, Сен-Жюст, и я. Живые и сильные. Я не верю в славу. Я верю только в эту брENNую землю, где мы живем всего лишь краткий миг. А ведь сколь прекрасной могла бы быть эта земля, которую мы обгаряем кровью, родимая земля, залитая палящим солнцем термидора!..

Сен-Жюст . Ты юный грек. Ты не выносишь мрака.

Леба . Я настоящий француз. Я люблю свет, лишь бы он не слепил глаза, люблю простые сердца, хороших людей.

Сен-Жюст . Вот потому-то я и люблю тебя. А ты за что меня любишь?

Леба . Ах, разве я знаю, за что? Я не выбирал тебя. Это я был избран. Покорен нашей дружбой.

Сен-Жюст . Да, дружба — чувство не менее властное, чем любовь.

Леба . Даже более. Любовь щедра, она дарит и берет полной мерой. Дружба скромна и довольствуется малым. Но это малое драгоценнее всего. Ради этого умирают.

Сен-Жюст . Еще недавно мне было все равно — жить или умереть. Ты пришел — и я возвратился к жизни, чтобы защищать тебя... Пойдем со мной, попытаемся спасти то, ради чего мы живем, — Республику.

Занавес.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

На холмах Монморанси, 7 термидора (25 июля). Палящее послеполуденное солнце клонится к западу.

Справа из глубины подымается дорога, пересекает сцену под острым углом и полого спускается направо к авансцене. С вершины холма, возвышающегося над равниной, открывается широкий горизонт и вдалеке, в знойной, солнечной дымке, вырисовывается громада Парижа; там и сям кровли домов сверкают в косых лучах заходящего солнца. Налево, у края дороги небольшая дубовая роща — опушка леса, туда ведет узенькая тропинка.

Справа по дороге быстрым шагом подымается Робеспьер, держа шляпу под мышкой. На вершине холма он останавливается, запыхавшись, оглядывается направо и налево, на окрестные поля и далекий Париж, на дорогу. В изнеможении, словно ослепленный, закрывает глаза.

Робеспьер . Как палит солнце! Стоит зажмуриться — и перед глазами мелькают красные пятна. Голова кружится. *(Садится на откос слева, под тенью деревьев.)*

Вдалеке слышен голос Симона Дюпле — он кличет Робеспьера, не называя по имени.

Симон Дюпле . Эй!.. Ого-го!

Робеспьер . Нелегко скрыться от такого стража. Бедный Симон тревожится, должно быть. Ведь он считает своим долгом не отпускать меня ни на шаг... Ничего, пускай поищет. Иногда нужно побыть в одиночестве, среди природы, наедине с богом. Вырваться хоть ненадолго из отравленного воздуха большого города. *(Кивком указывает на Париж)* . Даже такой славный малый, как Симон, напоминает своим присутствием о роде человеческом, о людях, с которыми связала нас судьба, о гнусном скопище грязи, безумия и жестокости... Хоть час забвения! А дозволено ли это во время битвы? Голова кружится... Я слишком быстро шел в гору под солнцем... *(Закрывает глаза.)* Как дороги мне эти места, сколько воспоминаний! Десятки раз я мысленно возвращался сюда, ища душевного мира и доверия, которых не мог обрести... А тот лучезарный день, чей отблеск стоит у меня перед глазами даже теперь, через пятнадцать лет... *(Немного помолчав, начинает мечтать вслух.)* Мне не было тогда и двадцати лет... На этих холмах я встретил старика Жан-Жака. С тех пор ничто не изменилось. Только выросли деревья — тогда здесь была молодая рощица. Как и сегодня, в небе звенел жаворонок. *(Не открывая глаз.)* Я сидел здесь, на этом самом месте. И прямо на меня, вот по этой дороге, подымался в гору философ. Он шел один, слегка согнувшись, с непокрытой головой, с букетом в руках; изредка он нагибался, срывая цветок, и тихонько говорил сам с собой...

При этих словах на дороге показывается незнакомец, осанкой и чертами лица напоминающий Жан-Жака Руссо, и повторяет все жесты, описываемые Робеспьером. Но тот, сидя с закрытыми глазами, не видит его и продолжает вполголоса грезить вслух.

Он не заметил меня, он был погружен в свои одинокие думы. А я — я узнал его с

первого взгляда, я был ошеломлен, не мог прийти в себя. На вершине холма он остановился, чтобы оглядеться вокруг... Потом двинулся дальше, опираясь на палку, по тропинке, которая сворачивает в лес... Проходя мимо меня, он поднял глаза — большие, как у филина, темные и без блеска, пронзающие насквозь, и заглянул мне прямо в душу...

Тут Робеспьер подымает глаза и видит перед собой незнакомца, — тот пристально смотрит на него, молча и неподвижно, затем проходит мимо; он сворачивает по тропинке, ведущей в лес, и исчезает, словно призрак... Робеспьер поражен; несколько секунд он сидит, не шевелясь, пробует крикнуть, подносит руки к горлу, порывается встать; наконец, овладев собой, зовет.

Робеспьер (*кричит*) . Симон!

Голос Симона отвечает издалека, затем все ближе; справа на дороге появляется Симон Дюпле; он бежит, прихрамывая.

Симон Дюпле . Насилу я нашел тебя, Максимилиан! Зачем ты скрылся от меня? Если бы ты знал, до чего я перепугался! (*Замечает необычайное волнение Робеспьера.*) Что с тобой?.. Ты весь дрожишь. Глаза блуждают... Куда ты смотришь? Что случилось?

Робеспьер (*с усилием берет себя в руки*) . Ты не видал... человека... вон там, на дороге?

Симон . Что? Я никого не видел... Ах да, верно, передо мной шел какой-то прохожий..

Робеспьер . Каков он с виду?

Симон . Не разглядел... Я думал только о тебе и не заметил ничего. Да и видел-то я его со спины... Теперь припоминаю. Как будто пожилой. Одет по-старомодному... Да, вспомнил: мне говорили в деревне, будто здесь скрывается старик-изгнанник, какой-то философ из шайки Каритá и госпожи Ролан. Это он, что ли, попался тебе навстречу? Так я догоню его... Куда он удрал?

Робеспьер (*останавливает его жестом*) . Оставь его... Дай на тебя опереться. У меня голова кружится.

Симон . Присядь здесь. (*Ведет его в тень, к стволу срубленного дерева.*) Отдохни немного. Ты столько месяцев сидел взаперти, а нынче такое солнце! Все поля выжгло.

Робеспьер (*закрыв глаза*) . Солнце! Ты выпиваешь недуги земли. О, если б ты выпило и мою жизнь! Этот дурной сон...

Симон . О чем ты говоришь?

Робеспьер . Жизнь... Что я сделал со своей жизнью? Нелепый вопрос! Следовало бы спросить: что сделала со мной жизнь? Не того я хотел, не о том мечтал.

Симон . Кто лучше тебя умел идти прямо к цели?

Робеспьер . Знай, Симон, «в Революции заходят далеко тогда, когда не знают, куда идут»¹⁰.

Симон . Ты не из тех людей, которые не знают, куда идут.

Робеспьер . Да, ты прав. Я не из тех счастливых, что живут изо дня в день, не страдая постоянно ни от предвидения будущего, ни от воспоминаний о прошлом. И, однако, Симон... «сила вещей приведет нас, быть может, к цели, о которой мы и не помышляем».

Симон . О чем ты задумался?

Робеспьер . Я думаю о кумире моей юности, о Жан-Жаке, моем учителе и спутнике. Я как будто слышу его голос. Он говорил: «Ничто на земле не стоит цены крови человеческой», и еще: «Кровь одного человека драгоценнее, чем свобода всего человеческого рода...»

Симон . И ты так думаешь?

Робеспьер . Я думал так прежде. Эти благородные слова когда-то врезались мне в

¹⁰ Подлинные слова Робеспьера. — Р. Р.

душу. Я поклялся возвести их в закон и заставить людей признать его. Не сам ли я утверждал три года назад, что «если именем закона будет литься кровь человеческая и откроются взорам народа жестокие зрелища и истерзанные трупы, значит законы искажают в сердцах граждан идеи справедливости, зарождают в сознании общества дикие предрассудки, которые породят еще худшие»?

Симон . Кто же прав? Ты теперь судишь иначе?

Робеспьер . Нет. Сила вещей решила за меня — против меня. Так было надо. Я поступал, как повелевала жизнь. Но тяжело быть ее орудием!

Симон . Если так было надо для блага Республики — значит, остается только повиноваться. Значит, все хорошо.

Робеспьер . Ты рассуждаешь, как солдат, Симон. Счастливцев! Ты перелагаешь всю ответственность на плечи командира. А вот командиру не с кем ее разделить. Он сам должен доискиваться, обдумывать и находить решение. И это решение нигде не начертано, его не подсказывает сердце. Решение предписывается нам извне. Нам приходится изо дня в день распутывать змеиный клубок событий, изо дня в день менять решения, приспособляясь к тому, чего требует сегодняшний день, — так соединяются в одну цепь звенья неумолимого рока. Вырваться невозможно. А когда видишь, к чему нас привел рок, что он заставил нас совершить, то ужасаешься и спрашиваешь себя: чего же он потребует от нас завтра?

Симон . Ты утомлен, ты сомневаешься в себе, Максимилиан. Зато мы в тебе не сомневаемся. Мы тебя поддержим.

Робеспьер . Верные мои друзья! Ты прав, то была минута слабости. Да еще эта недавняя встреча...

Симон . Какая встреча?

Робеспьер . Ничего... Все прошло. Пусть и для тебя это пройдет бесследно, Симон. Позабудь все, что я здесь говорил. Давай наслаждаться покоем этих мирных полей, золотым пурпуром заката, лучами солнца, прежде чем ни наступит ночь и ни придется выйти на мрачную арену, которая меня ждет.

Симон . Ты все-таки решил выступить завтра в Конвенте?

Робеспьер . Я должен.

Симон . Будь осторожен.

Робеспьер . Истине и добродетели незачем соблюдать осторожность.

Симон . Берегись, не нарушай перемирия, которое Сен-Жюст заключил от твоего имени.

Робеспьер . Никто не вправе давать обещания за меня. Я не заключаю перемирия с предателями!

Симон . Ты уверен, что Конвент пойдет за тобой?

Робеспьер . Он выслушает меня. А прочее пусть решают боги.

Симон . Я не больно-то полагаюсь на богов. Куда надежнее иметь хорошо вооруженную охрану; позволь нам защитить тебя.

Робеспьер . Решительно запрещаю! Это дало бы новый повод обвинять меня в диктаторстве. Единственная диктатура, которую я согласен принять, — это могущество истины. Единственное мое оружие — это сила слова.

Симон . Разве ты не знаешь, какие силы, какое оружие они втайне готовят против тебя?

Робеспьер . Мне все известно, известны малейшие подробности заговора. Но одно из двух: либо я сокрушу его перед лицом всей Франции, либо не стоит жить там, где правосудие — один обман. Завтра я кликну клич, я обращусь с последним призывом к честным гражданам всех партий и вне партий. Пусть решают они.

Симон . Лучше бы ты обратился за поддержкой к народу.

Робеспьер . Я никогда не переставал черпать в нем вдохновение. Народ — моя сила.

Симон . А ты твердо уверен, что он по-прежнему с тобой?

Робеспьер . Я с ним и за него. Отступившись от меня, он отречется от себя самого. А если он отречется, тогда для меня все кончено. Значит, мы прожили жизнь напрасно. Но я

буду бороться до конца.

Симон . Пора в обратный путь. Скоро проедет дорожная карета на Париж. Пойдем на почтовую станцию.

Робеспьер . Это тот беленький домик, что там внизу?

Симон . Тот самый. А вон вьется дорога, по которой проедет почтовая карета.

Робеспьер . Ну, это недалеко отсюда, всего несколько шагов. Ступай вперед, займи нам места. А я еще побуду здесь немного. Чудесный вечер, не хочется терять ни минуты. Кликни меня, когда придет время.

Симон . Вон идет какая-то женщина, оставляю тебя на ее попечение. *(Указав на старуху с корзинкой за плечами, которая подымается на холм, Симон уходит направо по дороге, спускающейся к авансцене.)*

Старуха садится на ствол срубленного дерева рядом с Робеспьером.

Старуха . А ну-ка, гражданин, не в обиду тебе будь сказано, подвинь свой зад и дай мне место.

Робеспьер . Садитесь, матушка, снимите корзину, она тяжелая.

Старуха . Ну уж нет. Коли скотина устала, не распрягай ее, пока не пригонишь на конюшню. Мне в упряжке удобнее. Ох, поясницу ломит!

Робеспьер . Тяжело подыматься в гору с такой ношей!

Старуха . Небось я старый муравей, привыкла тяжести таскать. Без ноши вроде бы не хватает чего-то.

Робеспьер . Откуда вы идете?

Старуха . С поля, из-под горы. Там у меня огород, хожу овощи поливать. Никак не напоишь их досыта в такую жару, — эдакие пьянчуги! Черпашь, черпашь воду, а колодец-то все больше высыхает. Вот и топчешься с утра до ночи.

Робеспьер . Разве вам некому помочь? У вас нет внуков?

Старуха . Было у меня девять сыновей. Семеро уж на покое.

Робеспьер . Где?

Старуха . В сырой земле. А двоих старших у меня забрали. Говорят, будто послали их защищать землю от врагов. А от каких врагов — почем я знаю? Не то с запада, не то с востока. Уж больно их много. Вот у меня врагов нет, что с меня взять-то, кроме горя да беды?

Робеспьер . Вы говорите о горе, а сами улыбаетесь.

Старуха . Мы с горем-то век скоротали, уж свыклись друг с другом, не грех и посмеяться.

Робеспьер . Святая мудрость хижин! Я завидую вашей доле.

Старуха . Хоть задаром ее бери, сынок. Я бы не прочь променять свою лачугу на домик побольше да побогаче.

Робеспьер . С богатством у вас будет больше тревог, больше забот, чем здесь, среди природы.

Старуха . Что за природа такая? Это земля-то? Да, как же, пока гуляешь по ней, она стелется бархатом, так и ластится, хитрая кошка. Ты ее не знаешь! За лето весь наш урожай пожгло. Вся работа пошла прахом.

Робеспьер . Бедная женщина! Тяжела ваша доля, но и моя немногим легче. Нас вознаграждает сознание, что труды наши не пропадут даром. Верховное существо бодрствует и охраняет нас.

Старуха . Ну, стало быть, нынче летом господь бог всхрапнул маленько. Ничего не подделаешь: стар становится. Что ж, он поработал на своем веку. Всякому свой черед.

Робеспьер . Как, матушка, значит, вы не верите в бога?

Старуха . Да я и сама не знаю. Я не против. Отчего же не верить? Это не повредит. Только есть ли хозяин или нет, а ты на него не надейся, лучше сам не плошай. Дело вернее

будет. По крайней мере всю работу сделаешь.

Робеспьер . Но разве мысль о лучшей жизни, о бессмертии души не приносит нам утешения в нужде и несчастье?

Старуха . Что ж, не так плохо и совсем уснуть. Нет охоты начинать все сызнова. Поработала я вволю, жаловаться грех. Коли все перечесть, жизнь недаром прожила. Да уж пора и на покой, пускай молодые побряхтят, теперь их черед. Я передам им свою поклажу. А ты свою никому не уступишь?

Робеспьер . Я не люблю уступать свою ношу, пока не довел дела до конца.

Старуха . Видно, тебе некуда спешить. Придется ждать до скончания века. Ну, а я не хочу все тяжести одна таскать. Оставлю чего-нибудь на долю тех, кто придет после меня, — и радостей и горя. Им еще надолго хватит того и другого.

Робеспьер . Мы старались сделать так, чтобы будущее было лучше настоящего.

Старуха . Кабы вы постарались, чтобы настоящее стало чуть получше, и на том спасибо.

Робеспьер . Для этого мы и совершили Революцию.

Старуха . Ах, так это вы пустили все кувырком?

Робеспьер . Но ведь вы, гражданка, совершили Революцию вместе с нами. Вместе со всем народом. Революция — наше общее дело.

Старуха . Ну нет, у меня своих дел по горло. Ваших дел я знать не хочу.

Робеспьер . Ах, гражданка, так не годится! Нельзя быть безразличной к общественному благу. Ведь мы не одни живем, соседи должны помогать друг другу. А на земле все, кто трудится, кто страдает, — наши ближние и соседи. Может ли быть, чтобы у вас в деревне были равнодушны ко всему, что Революция делает для вас, к ее великим трудам, к ее борьбе?

Старуха . Да нет, у нас в церкви бывали собрания, наши горлодеры болтали там всякую всячину. А иной раз приезжал из Парижа красавчик, весь разряженный, и показывал нам волшебные картинки. Говорил, будто весь свет скоро перевернется. Мы смотрели, вылупив глаза, ждали, ждали, да так ничего и не увидели. Народ устал. Дворян и попов мы прогнали, а что толку? Ни денег, ни скота нам не досталось. Теперь пошли новые богачи. А бедняки так и остались бедняками. И, правду сказать, никто не доволен. У нас в деревне работники отказываются убирать урожай.

Робеспьер (*раздраженно*) . Да, они готовы скорее сгноить на корню и хлеб и траву, чем согласиться на твердые ставки, назначенные Комитетом. Они дурные патриоты, они пользуются затруднениями государства. Но если они будут упорствовать, мы слошим их, они ответят перед Революционным трибуналом.

Старуха . Без них все равно не обойтись.

Робеспьер (*с возрастающим раздражением*) . Мы призовем на помощь солдат. А если понадобится, пошлем на уборку урожая даже военнопленных. Надо, чтобы сила была на стороне закона.

Старуха . Так-то оно так! А почему закон-то не на нашей стороне?

Робеспьер . Все равны перед законом. Все обязаны его соблюдать.

Старуха . А по-нашему, пускай бы лучше кто победнее, тому бы и прав давали побольше.

Робеспьер (*поражен; сразу смягчившись*) . Вы верно сказали, я тоже так думаю... (*В волнении.*) Ах, гражданка, как бы мы хотели строить Республику с помощью одних бедняков и для них одних! Нам отлично известно, что для богатых Революция была лишь поводом к незаконной наживе, хищениям, ростовщичеству, мошенничеству и воровству. Нам отлично известно, что истинные друзья Революции, преданные ей бескорыстно, — это бедный люд, крестьяне, рабочие, те, кого угнетают богачи. Мы не жалеем сил для защиты бедняков. Но разве они не видят, что, пока Республика со всех сторон окружена врагами, мы вынуждены требовать жертв от бедняков, наших верных друзей, и идти на уступки богачам, ибо нуждаемся в них для защиты от натиска королевских армий? Ничего не поделаешь,

добровольно или силой мы должны создать общий фронт богатых и бедных — ведь дело идет сейчас о жизни и смерти тех и других, о жизни и смерти всей Франции и того немногo, что мы успели сделать для Республики... Позднее, когда отчизна будет спасена, Революция снова пойдет вперед: она уже выиграла немало битв и одержит еще новую победу, великую победу народа. Но до этого надо дожить, а чтобы жить, надо победить. Потерпите немного!

Старуха . Мне не к спеху, я ничего не жду, я терпеливая. Но у других-то терпения не хватает, уж им столько всего наобещали. Как говорится, «лучше грош, да в кармане...» Мы не больно-то верим посулам этих молодчиков из Парижа. Чего они только не наплели! Думаешь иной раз: на что они там время тратят? А они только и делают, что грызутся промеж себя. Кто из них выиграет, кто проиграет — нам-то какое дело? Кто бы ни ударил — побои-то ведь нам достаются.

Робеспьер . Вы несправедливы, матушка. Нельзя же сваливать всех в одну кучу.

Старуха . Да разве в них разберешься? Все их путают... Был у нас когда-то добрый господин Марат. Был у нас тоже наш Робеспьер... Но он уже давненько ничего для нас не делает.

Робеспьер . Говорят, однако, что несколько месяцев назад он обещал разделить между бедняками имущество подозрительных лиц.

Старуха . Это так... Обещать-то нетрудно... А на деле ничего не видать!

Робеспьер . Вероятно, он не в состоянии сделать все, что хотел бы...

Старуха . Может, и так... Вот у нас и говорят: пусть лучше каждый работает на своем поле, а те, в Париже, пускай выпутываются, как знают... Верно я говорю? Чего ты голову повесил?

Робеспьер (*с грустью*) . Да, матушка, я думал... Но я ошибся... Я верил, что у нас будет великое братство, союз всех честных людей...

Старуха . Когда-нибудь и будет, только не скоро, не скоро, сынок. Не унывай! Мы порем, когда это будет. Но раз будет, то не велика важность, живы мы или померли. Знать, что это случится, даже без тебя — и то хорошо, верно я говорю?

Робеспьер (*поражен*) . Как вы догадались, матушка? Разве вы знаете меня?

Старуха (*лукаво*) . А может, и ты его знаешь, этого самого Робеспьера?

Они обмениваются ласковой, понимающей улыбкой. Внизу слышен голос Симона.

Голос Симона (*зовет*) . Максимилиан!

Робеспьер встает и уходит.

Занавес.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ¹¹

Вечер с 8 на 9 термидора (26—27 июля). Последние лучи заката. Широкий двор; в глубине — низкое деревянное строение со стеклянной крышей, похожее на мастерскую. Справа и слева — глухие стены домов. Слева узкий проулок выводит на пустыри. Главный выход на улицу — через коридор в углу стены, справа. Действующие лица входят и выходят с двух сторон, через коридор и через

¹¹ Двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая, шестнадцатая и семнадцатая картины составляют одно действие, которое разворачивается на протяжении полусуток, с 9 часов вечера до 10 часов утра. — *Р. Р.*

проулок; у правого и левого входов сторожат дозорные и опрашивают вновь прибывающих. При поднятии занавеса двор полон народу; все волнуются, окликают, спрашивают друг друга; образуются и тут же распадаются небольшие группы¹², все движется вокруг главной оси, в центре которой — Фуше. Несмотря на общее возбуждение, все стараются говорить тише; стоит громкому возгласу выделиться из общего хора, тотчас же раздается шиканье, и снова возобновляется гул, точно сердитое жужжанье ос, накрытых колпаком.

В начале сцены среди смутного шума и гомона, гневных восклицаний, жалоб и горьких упреков выделяются негодующие возгласы: Лекуантр, Тальен, Баррас, Бурдон, Карье, Реньо в бешенстве насакаивают на Билло и Колло, смущенных и мрачных. Фуше, не принимая участия в перепалке, следит за всеми и в нужный момент вмешивается в спор.

Тальен . Все потеряно! Мы пропали!

Баррас . Зачем вы допустили, как вы могли допустить, чтобы он вернулся и выступил в Конвенте? Он давно уже там не появлялся, мы надеялись, что его позабыли...

Колло . Он внушил якобинцам, будто мы препятствуем его выступлениям в Конвенте. Мы опасались, что народ поддастся на его подстрекательства и восстанет против Конвента. Наша тактика состояла в том, чтобы вернуть Робеспьера, при условии, что он согласится на примирение.

Баррас . Никаких условий он не принял, ничего не обещал. Вас одурачили, как баранов.

Колло . Кто мог предполагать, что через три дня после соглашения он сорвется с цепи и не пощадит никого из нас?

Карье . Вы сами поощряете его, подлые трусы! Пока он говорил и поливал вас грязью, никто из вас и пикнуть не посмел.

Матьё Реньо . Да разве можно было его прервать? Все слушали, затаив дыхание. Мы не подумали о силе его проклятого красноречия.

Лекуантр . Почему никто не заткнул ему глотку? Чего ты смотрел, Билло? Ты же его знаешь и так люто ненавидишь. Тебе надо было разоблачить его, пока он не успел взойти на трибуну.

Билло . Уж кому-кому, а не тебе меня учить, Лекуантр! Бесстыдный хвостун! Похвалялся, что заколешь кинжалом Пизистрата, а не успел он замолчать, ты первый стал вопить, чтобы речь его отпечатали. А кто помешал этому? Я!

Лекуантр . Верно, я краснею за себя! Сам не знаю, что со мной случилось. Все кругом приветствовали его. Меня точно волной подхватило.

Фуше . Пока он говорит, ничего нельзя поделать. Главное — заткнуть ему рот. Но сначала мы должны обо всем столковаться. Мы больше не можем позволить себе роскошь доверяться случаю. Надо все обсудить заранее. Еще одно такое поражение, как сегодня, и все сроки будут упущены. Завтра все решится. Либо вы объединитесь, чтобы сокрушить тирана, либо погибнете все до одного. Вы слышали, как он угрожал всему Конвенту?

Матьё Реньо . Он не захотел назвать тех, кого имел в виду.

Фуше . Ему пришлось бы назвать нас всех. И он побоялся. Но скоро вас всех арестуют, вы не успеете ни защититься, ни убежать. Вы читали списки?

Лекуантр . Они у тебя?

¹² Основные группы:

1. Билло, Колло, Реньо, Карье и др.

2. Тальен, Баррас, Бурдон, Лекуантр, Фрерон и др.

3. Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа — представители Болота.

4. Роялисты.

5. Бабеф держится особняком, колеблется, Фуше направляет его действия.

6. Сыщики и шпионы, Межан, Коллено и др. — *P. P.*

Тальен . А меня там нет?

Беспорядочно толпясь вокруг Фуше, вырывают у него и друг у друга листки, с трудом разбирая имена в надвигающихся сумерках. При каждом новом имени раздаются возгласы тех, кто упомянут в списках.

Баррас . Нет, я не попал в списки!

Фуше . Не радуйся раньше времени. Вот еще листок...

Баррас хватается за список, находит там свое имя и злобно вскрикивает. Равнодушно читают чужие имена и яростно возмущаются, находя свое. Через несколько секунд все приходят в неистовство.

Тальен . Чудовище! Он нас всех перережет, если мы не убьем его.

Лекуантр . Я заколю его перед всем Конвентом!

Билло . Ты уже раз двадцать это обещал. Ничего ты не сделаешь.

Лекуантр . Нет, заколю. Вот мой нож!

Тальен . А вот и мой!

Матьё Реньо . И мой! Я всегда ношу его при себе. И не промахнусь, сразу злодея, а если меня схватят, то убью себя.

Фуше (*устало*) . В девяти случаях из десяти такие покушения не достигают цели и оборачиваются против самих же нападающих. Толпа разорвет вас на части. Да, мы поразим Робеспьера, но только другим, более надежным оружием.

Матьё Реньо . Каким же?

Фуше . Мы навалимся на него всей массой, всем Конвентом.

Матьё Реньо (*с презрением*) . Конвентом? Ты же видел, как они все запуганы.

Фуше . Их слабость — в раздорах. От вас зависит положить этому конец, вступив в союз против тирана. Если вам угодно знать, такой союз уже подготовлен. Я трудился над этим много месяцев. С минуты на минуту я жду сюда Сийеса, Буасси д'Англа, Дюран-Майяна — главарей Болота. Нам предстоит обсудить условия соглашения. Я твердо рассчитываю, что вы его подпишете.

Билло (*запальчиво*) . Как? Чтобы я... Чтобы я согласился на сговор с этими трусами, мошенниками, которые нас ненавидят? Да я презираю их, как последнюю мразь!

Фуше . Никто не просит тебя их уважать, тебе предлагают воспользоваться их помощью.

Билло . Ни за что!

Фуше . Я не требую у вас согласия на долговременный союз. Я бы первый отверг его. Я только предлагаю им и вам заключить соглашение на короткий срок, ради одной, строго определенной цели.

Билло . Ни за что на свете! Не желаю иметь никакого дела с этими жабами!

Фуше . Но мы можем добиться победы только при поддержке большинства.

Билло . Нет, нет и нет! Лучше быть побежденным, но только не быть с ними.

Фуше . Ты нас погубишь! Что ты уперся, как бык?

Карье . Соглашайся, Билло. Как только мы нанесем удар, я сумею столкнуть их в пропасть, даю тебе слово.

Матьё Реньо . А я одобряю тебя, Билло. Вся наша сила в непримиримости. Нас запятнает подобный союз.

Карье . Запятнает?! Велика важность! Если понадобится, я пойду на любую подлость ради победы Республики.

Матьё Реньо . Хороша победа, если она играет на руку реакции! Реакция только и ждет, как бы оседлать нас.

Фуше . Я знаю, с кем имею дело, и не спускаю с них глаз. Вы сами поможете мне наблюдать за ними. На другой же день после падения Робеспьера я выдам вам их головы. Но

сегодня мы не можем без них обойтись. Только крайность заставляет нас прибегнуть к их помощи. Уступи, Реньо! Согласись, Билло!

Колло . Для достижения цели все средства хороши. Билло, соглашайся!

Билло (*к Фуше*) . Единственное, что я обещаю, — это не мешать тебе возиться с этим дерьмом. Но лучше мне ничего не знать и не присутствовать при ваших переговорах, иначе я за себя не ручаюсь; я передошу изменников своими руками.

Фуше (*пожав плечами*) . Ну что же, тогда я сделаю все сам. Но прошу предоставить мне полную свободу действий... Можете быть спокойны! Лучшей гарантией моей верности служит их ненависть ко мне. В их глазах я навеки клеймен тем, что я сделал для Революции; и что бы я ни делал теперь, реакция никогда не простит мне моего прошлого. Из нас всех я им наиболее ненавистен. Как же я могу об этом забыть? Предоставьте мне действовать!

Билло, взбешенный, отходит в сторону вместе с Матьё Реньо. Группа, окружавшая Фуше, рассеивается.

Фуше (*один*) . Справиться с врагами было бы нетрудно, если бы друзья не доставляли столько хлопот... Бесполезно говорить с этими безумцами... А какой вой они бы подняли, если бы знали, с кем еще мне приходится вступать в сделку! Э-э, если покупаешь товар — плати или по крайней мере обещай заплатить... А обещать — это все равно что дать задаток.

Из коридора направо появляется Сийес с компанией. Дозорные у порога, после короткого совещания, пропускают их; один из них спешит предупредить Фуше, но тот уже заметил вновь прибывших.

(*С поклоном, обращаясь к Сийесу.*) Дорогой коллега! Как я признателен вам, что вы пришли! Вы сумели понять, что наступил исторический поворот в судьбах Революции. Вам досталась в удел бессмертная слава отворить в восемьдесят девятом году врата Революции, вы удостоитесь не меньшей чести и теперь, направив ее по верному пути.

Сийес (*настороженный, как Фуше, но еще более бесстрастный*) . Решающим историческим событиям предуготован свой определенный день, свой час и минута. Немногим раньше, немногим позже — и все потеряно. Иногда приходится ждать годами.

Фуше . Вы доказали, что владеете великим даром — уметь выждать.

Сийес . Я сумел уцелеть. Согласитесь, дорогой коллега, что это было не так-то просто.

Фуше . Никто лучше меня не может оценить подобную заслугу. Это нелегкая задача для людей нашего склада... Сейчас речь идет об одном весьма щекотливом предприятии, которое не может удасться без содействия столь прославленного и опытного политика, как вы.

Сийес . Весь вопрос в том, действительно ли это предприятие столь необходимо и неотложно, как вы изволите предполагать.

Фуше . Не сомневайтесь, уважаемый коллега. Вы же сами слышали на сегодняшнем заседании, какие угрозы выкрикивал этот помешанный.

Сийес . У меня, как и у моих товарищей, нет оснований принимать эти угрозы на свой счет. Напротив, оратор протягивал нам руку в залог дружбы.

Фуше . Разумеется, он щадит вас до поры до времени. Пока он соблюдает видимость законности, он нуждается в вас, в вашей группе, чтобы заручиться поддержкой большинства. Но я слишком убежден в вашем благородстве и высокой человечности, чтобы допустить мысль, что вы поддадитесь на эту кровавую игру — жестокую резню в рядах Конвента.

Сийес (*холодно*) . Признаюсь, это было бы весьма прискорбно, почтенный коллега, и нестерпимо для моего чувствительного сердца. Но оно уже так часто подвергалось испытаниям, что выдержало бы их и на сей раз. Ведь в политике, — вам это известно не хуже, а может быть, и лучше моего, — человечность является далекой целью, которой можно достичь лишь весьма извилистыми и порою жестокими путями. Вы и сами прибегали

к ним не раз!

Фуше . Надо стремиться, по крайней мере, чтобы эти пути привели к цели, — я уже не говорю о той далекой цели, которой мы не всегда надеемся достичь, а хотя бы к самой близкой и определенной цели — спасти себя и вас, а в вашем лице те высокие идеи, носителем коих вы являетесь.

Сийес . Эти высокие идеи, бесспорно, не находят в наше время благоприятной почвы для полного расцвета. Но все же они могут жить в надежде на лучшее будущее. Робеспьер выказывает им должное уважение.

Фуше . При вашей прозорливости вы должны понять, что он терпит эти идеи лишь до тех пор, пока, при вашей поддержке, не сломит окончательно сопротивление Конвента. Неужели вы допускаете хоть на миг, что вслед за тем он не повернет оружия против вас с целью установить свою диктатуру? Тогда в глазах всего света вы станете живым укором тирании и стяжаете славу предуказанной жертвы. Не надейтесь, что вам удастся получить гарантии. Тирани никогда не считает себя связанным своими обязательствами.

Сийес . Опасность есть, не спору. И немалая. Но разве в другом лагере меньше опасностей? В данное время положение наше крайне выгодно, ибо от нас зависит склонить чашу весов в ту или другую сторону.

Фуше . Но от вас не зависит продлить это время. И завтра чаша весов склонится независимо от вашего решения. Если, покинув нас, вы предоставите все судьбе, то завтра останетесь одни, без всякого противовеса, лицом к лицу с диктатором.

Сийес . А чего мы можем ожидать от другой стороны?

Фуше . В общем смятении ваша партия будет единственной не запятнавшей себя, прославленной партией, представляющей самые здоровые силы, самые священные традиции великой Революции, партией, овеянной славой нашего Учредительного собрания. Вот вам случай, которого вы так долго и терпеливо ждали, случай взять бразды правления в свои руки. Мы вам их вручаем.

Сийес . Вы вручаете нам то, чем не обладаете сами. Кто поручится, что, захватив власть, вы согласитесь уступить ее?

Фуше . Мы не рассчитываем на слепое доверие. Это не к лицу серьезным государственным деятелям. Порукой вам служит наша явная выгода. После падения тирана, как мы с вами прекрасно знаем (не понимать это могут только безрассудные, одержимые страстью глупцы), тотчас подымется безудержная волна реакции. Вы послужите плотиной против ее натиска. Мы многим рискуем, объединившись с вами. Гораздо больше рискуем, чем вы.

Сийес . Значит, вы сами признаете, что мы рискуем?

Фуше . Кто же это отрицает? Во всяком деле чем-нибудь да рискуешь. Но когда бездействуешь, рискуешь всем. Надо рисковать или погибнуть.

Сийес . Нет. Рисковать и жить.

Фуше (*порывисто*) . Значит, вы решились?

Сийес (*холодно*) . Увидим завтра, в Конвенте.

Фуше . Но мы не можем полагаться на волю случая. Все должно быть согласовано. Успех возможен, только если заранее разработан план действий.

Сийес . Ничто не мешает нам составить план.

Фуше . Это невозможно без взаимных обязательств.

Сийес . Составим план. Дать обязательства всегда успеем.

Фуше . И нарушить их — также?

Сийес . Разумеется. Осторожность не мешает.

Продолжая беседовать, они удаляются медленным шагом.

Межан (*наблюдая за ними издали, обращается к Коллено¹³*) . Две старые лисы... Кто кого перехитрит?

Коллено . Я ставлю на рыжего. Ему надо спасти свою шкуру любой ценой. Он на все пойдет. Тот, другой, умеет только вилить. В конце концов он окажется между двух стульев.

Межан . Тот ли победит, другой ли, — будем ставить на себя!

Фуше, заметив, что за ним наблюдают, оглядывается и, предоставив Сийесу совещаться со своими спутниками, подходит к Межану.

Фуше . Гражданин Межан! Могу я задержать вас на два слова?

Межан униженно кланяется и улыбается.

Как ни мало значения имеет мой отзыв, мне хотелось вам сказать, что никто больше моего не ценит ваших исключительных талантов. Комитет воздает им должное, но... (*подчеркивает конец фразы, пристально глядя на Межана*) Комитет, вероятно, не знает, насколько они разносторонни. Я обращаюсь сейчас именно к вашим талантам.

Межан (*на миг озадачен, но тут же отвечает с обычной самоуверенностью*) . Вы все видите, все знаете, гражданин Фуше. Стало быть, вам известно, что все мои скромные способности направлены на благо родины и, следовательно, все к вашим услугам. Разумеется, мои знания далеко уступают вашим, однако... (*подчеркивает последние слова, пристально глядя на Фуше*) однако я тоже располагаю кое-какими сведениями, которые не подлежат разглашению.

Фуше . Таким людям, как мы с вами, бесполезно препираться. Мы знаем то, что знаем. Итак, перейдем к делу. Необходимо предвидеть, к каким последствиям приведет завтрашнее заседание Конвента. Мы должны подумать о том, как на это откликнется народ Парижа. Насколько мне известно, в часы досуга вы с большим успехом выступаете как эбертист в кварталах, прилегающих к Ратуше, особенно в Гравилье. В случае столкновения очень важно, чтобы там не встали на защиту известного вам лица. Займитесь этим, не откладывая, еще сегодня ночью. Вам будет нетрудно их убедить; они не простили ему, что он уничтожил Папашу Дюшена. С вашим другом и коллегой... (*указывает на Коллено — тот, отступив на несколько шагов, явно подслушивает их разговор*) по-видимому, не стоит беседовать отдельно, ибо он и так все слышит. Он тоже мог бы принести нам пользу, взяв на себя буржуазные кварталы. Не давая им точных сведений (даже лучше оставить людей в тревожной неизвестности), было бы неплохо нарушить их сон и держать их в готовности к действию или, вернее, к поддержке наших действий. Пусть они будут вооружены. Впрочем, военная смекалка подскажет, что надо делать. Я убежден, что в этом у вас нет недостатка. Вы черпаете из верных источников как на севере, так и на юге.

Межан беспокойно настораживается.

Быть может, я слишком нескромен. Но не тревожьтесь. Ведь мы с вами союзники.

Межан . Такой человек, как вы, всего опаснее именно для своих союзников.

Фуше . Этим-то я и силен, так же как и вы. Я не прошу вас слепо следовать за мной. Вы все видите, и я все вижу. Тем лучше. Мы знаем, что завтра будем действовать заодно. Ну, а послезавтра — там видно будет.

Межан . Стало быть, поденная работа? Ну что ж, по рукам! Постараемся выполнить завтрашний урок как можно лучше. Пока что позвольте представить вам новообращенного, который, надеюсь, вам пригодится. Этот озлобленный писака только что вышел из тюрьмы.

¹³ Напоминаем: Межан и Коллено — чиновники Комитета общественного спасения и тайные агенты роялистов. — *P. P.*

Он спит и видит пойти по стопам братьев Гракхов и даже носит имя Гракх Бабеф. *(Представляет его.)*

Бабеф *(с наивной восторженностью обращаясь к Фуше)* . Гражданин! Правду ли говорят, что вы собираетесь свергнуть тиранов? Я с вами заодно. Но довольно слов! Пора за дело! Вот уже пять лет, как нас обманывают. Все пять лет Революции. Это издевательство!.. К чему привели наши чаяния, наши неисчислимые жертвы? Только к тому, что всякие темные дельцы да биржевые игроки набили себе карманы. Все пошло на пользу богачам. А народу — ничего! Ни один из его вероломных представителей в Конвенте никогда не обращался с народом, никогда не понимал его вопиющей нужды, его страданий. Пять лет, целых пять лет я выбивался из сил, отстаивая священные права обездоленных, требуя равенства для всех... Меня преследовали, травили, бросали в тюрьму приспешники власти, слуги богачей, меня гнали, предавали, терзали те самые люди, что должны были бы меня защищать... Довольно! Надо покончить с этим — или нет, пора начинать! Ведь до сего дня ничего еще не сделано. Чем была Революция? Ничем. Чем должна она стать? Всем... Что надо сделать, чтобы придать новый размах Революции? Прежде всего свергнуть подлое правительство, извратившее демократические принципы, свалить Робеспьера (а когда-то я верил в него!) и его прихвостней. Это они пустили в ход свои сатанинские идеи якобы во имя общественного спасения, провозгласили отечество в опасности и тем заставили народ передать в их руки свои верховные права, это они убедили народ из патриотизма отречься на время от своих прав, дабы тем вернее осуществить их впоследствии. По примеру попов-обманщиков лицемерные тираны украли у нас Свободу, уверяя глупцов, будто лучший способ обеспечить Свободу в будущем — это отказаться от нее в настоящем. Смерть тиранам! Долой обман! Дорогу великому народу!

Межан . Мы всецело разделяем твои чувства. Ты не мог сделать лучшего выбора, как излив их на груди этого добродетельного гражданина. *(Указывает на Фуше.)* Этот бесстрашный, неподкупный человек произвел в Невере и Мулене проверку имущества и разделил между всеми урожай, он отстаивал право Республики отбирать излишки у богачей в пользу неимущих, он провозгласил равные права всех граждан на достаток, словом, сделал все, чтобы осуществить полную Революцию.

Фуше *(скромно)* . Не стоит говорить о моих стараниях: все они были безуспешны. Именно за то, на что я дерзнул, меня преследовали, отозвали с поста, мне угрожают тюрьмой. Но я не жалею. Во все времена таков был удел человека, который честно исполняет свой долг.

Бабеф *(растроган)* . Я слышал о тебе. Но твой благородный облик и мудрая речь превзошли мои ожидания. Доблестный гражданин! Подобная стойкость и достоинства не могут не вызывать уважения. Ты мне сразу пришелся по душе. Никто еще не внушал мне такого доверия с первого взгляда... Я предан тебе всецело.

Межан *(наблюдая за ним издали, с усмешкой шепчет Коллено)* . Надо сознаться, у этого Гракха поразительный нюх в выборе привязанностей. Все те, кому он был предан, оказались отъявленными мошенниками, обманщиками и пройдохами. Наш любезный Фуше отнюдь не испортит коллекции.

Фуше *(Бабефу)* . Честные граждане понимают друг друга с полуслова. В их глазах горит огонь добродетели. Я испытываю к тебе такое же доверие, каким ты почтил меня. У меня для тебя весьма ответственная задача — поднять недовольных рабочих, которых на основании возмутительных декретов прериаля и мессидора общественные обвинители преследуют судом как контрреволюционеров. Необходимо, чтобы завтра, девятого термидора, на улицах и на площади перед Ратушей состоялась манифестация против максимума заработной платы. Я надеюсь на тебя.

Бабеф . От всего сердца отвечаю тебе: будет сделано! Спешу туда! *(Стремительно уходит.)*

Фуше провожает его взглядом и, потирая руки, направляется к Межану.

Межан (*к Фуше*) . Рыбка клюнула. Он сам просится на крючок.

Фуше . Он ненасытен. Это человек пылких страстей.

Межан . У каждого своя страсть.

Фуше . Да, но один управляет своими страстями, а другой становится их рабом. Таких большинство.

Межан . Искусство политики в том, чтобы направлять все страсти к единой цели.

Фуше . Безусловно, вы владеете этим искусством не хуже меня, господин Межан. Однако к делу! Итак, вы обещаете, господин Коллено, держать наготове буржуазные кварталы; вы, дорогой собрат (*обращаясь к Межану*) , будете поддавать жару в Гравилье, а наш приятель Гракх подольет масла в огонь среди недовольных рабочих... Вы позволите...

Один из единомышленников Сийеса, Дюран-Майян, отделившись от группы, подходит к Фуше; Фуше, заметив его, идет ему навстречу. Чуть поодаль, на авансцене, они ведут вполголоса переговоры.

Дюран-Майян . Я пришел сообщить вам наше решение. Надеемся, что оно вас удовлетворит. Вы достаточно рассудительны, чтобы не ждать от нас невозможного. Вы ведь не требуете от нас действий?

Фуше . Я могу быть умеренным. Я прошу вас только держаться в стороне, не мешать нам действовать, оставаться молчаливыми зрителями до тех пор, пока чаша весов не склонится в нашу сторону. Тогда вы безмолвно поддержите нас всем своим весом и ускорите развязку.

Дюран-Майян . Мы согласны. Нашей партии не подобает ронять свое достоинство в уличных схватках. Но мы поддержим победу.

Фуше . На большее мы и не рассчитываем. Примите нашу благодарность.

Простившись, Дюран-Майян присоединяется к свите Сийеса; Сийес, издали поклонившись Фуше, уходит со сцены через коридор.

(*Возвращается к группе Билло-Варенна, Колло и Матьё Реньо*) . Надо уметь довольствоваться малым. Самая красивая девушка на свете не может дать больше того, что ей дано природой. Мы заручились их бездействием. Теперь дело за нами!.. Что с тобой, Билло?

Билло . Я чувствую себя запятнанным, опозоренным — как можно сговариваться с такой сволочью?

Фуше . На что ты жалуешься? Ведь ты ни в чем не принимал участия.

Билло . Довольно того, что ты действовал от нашего имени.

Фуше . Твое имя не упоминалось. В будущем ты всегда можешь поклясться, что ничего не знал.

Билло . Разве я способен лгать, как ты? Ведь для тебя солгать — все равно что плюнуть. Не такой я человек, чтобы отрицать свою причастность к подлому делу. Мне остается только искать искупления в опасной схватке.

Фуше . Не беспокойся! Завтра опасностей будет хоть отбавляй, на всех хватит! Но если тебе не терпится, отправляйся сейчас вместе с Колло в Клуб якобинцев и сразись с Робеспьером. Там на тебя накинется вся его свора.

Билло . Я распорю брюхо этим псам! Идем, Колло. Не найду покоя, пока не отомщу.

Колло . За что?

Билло . За самого себя! За свою слабость, за малодушие там, в Конвенте. И за позор... (*Уходит вместе с Колло.*)

Фуше (*остальным*) . Предлагаю всем собраться завтра к десяти часам утра, чтобы обсудить план боя. Мы отдадим последние распоряжения и условимся, как преградить тирану путь к трибуне и начать атаку.

Тальен . Пускай мне поручат нанести первый удар. Моя Тереза называет меня трусом. *(Потрясает письмом.)* Я докажу ей, я отомщу за нее, я ринусь на них, как лев!

Баррас *(язвительно)* . Лев из «Сна в летнюю ночь»...

Тальен *(не слушая)* . Поручите мне главную роль!

Фуше . Завтра увидим, останешься ли ты львом, когда ночь пройдет.

Баррас . Когда начнется сражение в Конvente, оставьте за мной место в первых рядах.

Фуше . Я приберег для тебя место получше.

Баррас . Что же ты мне предлагаешь?

Фуше . Мы должны предвидеть и другое сражение — артиллерийский бой... *(Берет его под руку и направляется к выходу, продолжая разговор.)*

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Вступление¹⁴ перед спущенным занавесом.

Проходят Билло и Колло. Билло останавливается. Он взволнован и удручен.

Колло . Скорей, Билло! Заседание уже началось. Чего ты ждешь?

Билло . Что мы делаем? Что мы наделали? Если войти — бой с Робеспьером неминуем. Я себя знаю: уж если ввяжусь в борьбу, то пойду на все. Сожгу за собой все мосты.

Колло . Мосты уже сожжены. Нам нечего терять.

Билло . Что мы наделали? Кому мы доверились?

Колло . Не отступать же теперь, раз дело решено. Что тебя мучает? Ты сомневаешься в честности Фуше?

Билло . Я не верю больше никому на свете. Но я верю в Республику. И не могу примириться с тем, что мы в сговоре с ее врагами.

Колло . Только ради того, чтобы спасти Республику. Мы избавимся от врагов, как только они сослужат нам службу.

Билло . Нас втянули в преступную игру... Это азартная игра, Колло! А вдруг мы проиграем? Мы и так уже пошли на риск. Я проклинаю себя, что согласился.

Колло . Ты дал слово. Ты не имеешь права отречься от него.

Билло . Я дал слово пойти к якобинцам и выступить против Робеспьера. И пойду. Но я предложу ему союз.

Колло . Ты с ума сошел! Разве ты забыл, как ты его ненавидишь, забыл, как он тебя ненавидит?

Билло . Я забыл обо всем. Я вижу только пропасть, куда мы летим. И цепляюсь за камни, чтобы не сорваться... Ах, все лучше, чем союз с врагом!

Колло . Но ведь он тоже враг.

Билло . Он мой личный враг. Но что я такое в сравнении с нашей священной Революцией? Ради нее я готов поступиться своей ненавистью... Я протяну ему руку... Если он сделает шаг мне навстречу, я сделаю два... Пойдем, Колло, я решил! Пойдем туда! *(Быстрым шагом, нагнув голову, устремляется вместе с Колло к дверям Клуба якобинцев.)*

На пороге они сталкиваются с кучкой якобинцев в красных колпаках и карманьолах; те узнают прибывших по шарфам и пристально разглядывают их.

Группа якобинцев . Откуда принесло этих псов, членов Комитета? Ба, да это Билло, главарь той подлой шайки, что нападает в Конvente на нашего Робеспьера!.. И ты посмел явиться сюда, чтобы оскорблять его!

¹⁴ Вступление исполняется по желанию. На занавесе декорация улицы; направо фасад Клуба якобинцев. Можно воспользоваться и обыкновенным занавесом. — P. P.

Билло . Пусти!

Якобинцы . Нет, не пущу! Морду разобью! Все кости переломаю!

Мюскадены под предводительством Коллено, которые следили издали за Билло и Колло, прибегают на помощь, расталкивают якобинцев и расчищают дорогу Билло.

Мюскадены . Пропусти их!.. Тебе что, Робеспьер не велел пускать сюда Конвент?.. Может, ты откажешься пустить и Республику? Ведь они хотят послушать Робеспьера, это же честь для него!

Якобинцы . Они хотят сорвать его выступление.

Мюскадены . Робеспьер достаточно силен, он сам сумеет с ними поговорить.

Якобинцы . Ладно, пропусти их! Входи, негодяй. Но если ты только пикнешь, смотри у меня! Сейчас кулаком по башке... Да здоровствует Робеспьер! Кричи и ты, скотина: «Да здоровствует Робеспьер!»

Билло . Долой тирана!

Негодующие крики, угрозы. Мюскадены освобождают проход...

Колло . Хорошо же ты начал, если пришел мириться, нечего сказать!

Входят.

Занавес поднимается.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Зал Клуба якобинцев.

Действие происходит поздним вечером с 8 на 9 термидора (с 26 на 27 июля), около часу спустя после двенадцатой картины. Живописная архитектура монастырского зала якобинцев¹⁵; направо возвышается трибуна, бывшая церковная кафедра, высокая и узкая, точно клетка; видна только голова и грудь оратора, под трибуной четыре ряда скамей, расставленных вдоль стен, перпендикулярно к зрительному залу. Напротив, с левой стороны, разделенные проходом, еще четыре ряда скамей, расположенных так же. На уровне четвертого ряда — стол и кресло для председателя. Сзади другой стол, подлиннее, для президиума. Зал монастыря — длинный и узкий, под полукруглым сводом. В глубине видна единственная дверь, узкая и низенькая, подходящая скорее для кельи, чем для обширного зала. Робеспьер, стоя на трибуне, читает свою речь, уже произнесенную днем в Конvente и названную им «Завещание». Слышатся пронзительные, неистовые крики толпы. Робеспьер в больших очках; он поднимает их на лоб во время пауз между периодами, окидывая взглядом возбужденную, взвинченную аудиторию. Его обычная холодность дается ему нелегко; это также и ораторский прием, которым он пользуется в начале речи и при отдельных репликах, как бы окатывая ледяной водой своих разгоряченных противников. У него скорбное, мученическое лицо праведника, которого преследуют нечестивцы. Но временами речь его становится вдруг резкой, язвительной и запальчивой. Он очень скуп на жесты. И потому, когда он изредка к ним прибегает, они тем сильнее

¹⁵ Старинный монастырь якобинцев, где происходили заседания клуба, находился, как известно, близ улицы Сент-Оноре, между Вандомской площадью и церковью св. Роха. — *P. P.*

волнуют людей, которые слушают его жадно, с открытым ртом, живо на все отзываясь и как бы отражая всю гамму чувств, звучащих в его речи. (В этой восприимчивости толпы, которая, не отрывая глаз от Робеспьера, чутко и бурно откликается на каждое его слово, и состоит основной эффект сцены.) Среди присутствующих Леба, Кутон, Пэян, Кофиналь и другие.

Робеспьер (*продолжая чтение*)Все объединились против меня...

Толпа . Нет, нет! Не все! Мы с тобой!

Толпа гудит, и этот непрерывный, взволнованный гул вторит словам Робеспьера, словно басы органа или морской прибор, не заглушая, однако, его ясной, отчетливой речи.

Робеспьер . Презренные! Они хотели, чтобы я сошел в могилу опозоренным!

Толпа (*возмущенно кричит*) . Никогда!

Из узкой двери на заднем плане появляются Билло и Колло, проходят между рядами, но, не найдя свободного места, остаются стоять в глубине налево. Робеспьер, скользнув по ним взглядом, как будто не замечает их.

РобеспьерИ я остался бы в памяти народа как тиран...

Негодующие возгласы.

Они называют тиранией мою преданную любовь к вам, доверие, которым вы меня почтили, мое нравственное влияние — единственное оружие истины... Что может быть отвратительнее тирании, которая карает народ в лице его верных защитников? Эти чудовища пытаются наложить запрет на самое священное, самое свободное чувство — на нашу дружбу!..

Толпа (*в порыве восторга и любви*) . Друг! Друг! О наш друг!

РобеспьерЭто я тиран? Я? Кто же я, которого все обвиняют? Раб Свободы, мученик Республики.

Старая женщина (*рыдая*) . Максимилиан, ты святой!

Робеспьер . Разве я не жертва, разве я не враг преступлений? Эти преступники вменяют мне в вину действия самые законные, чувства самые невинные. Они порицают и клеймят мое ревностное стремление служить вам. Мне все запрещено, вся моя жизнь оклеветана. Отнимите у меня сознание правоты, и я стану несчастнейшим из людей!

Девушки (*плача, простирают к нему руки*) . Не говори так, не будь несчастным, Максимилиан... Ведь мы обожаем тебя!

Робеспьер . У меня отнимают права гражданина. Да что там! Мне не дозволено даже выполнять обязанности народного представителя. Мне запрещают говорить от вашего имени. Мне препятствуют говорить с вами!

Колло (*к Билло*) . Фигляр! Нашел о чем жалеть! Будто нельзя обойтись без его речей!

Билло (*перебивая Робеспьера, с огромным волнением, выдающим жестокую внутреннюю борьбу*) . Робеспьер! Мы не враги тебе!

Робеспьер (*подняв на лоб очки, вливается взглядом в Билло и Колло*) . Посмотрите на этих коварных врагов. Как они умели злоупотреблять моим доверием! Как лукава и вкрадчива была их дружба!

Билло (*порываясь говорить*) . Робеспьер!

Робеспьер . Но вдруг лица их помрачнели, злобной радостью засветились их глаза. В тот час они верили, что их происки увенчались успехом, что им удалось сокрушить меня...

Билло (*взывая к Робеспьеру с яростным отчаянием*) . Мы хотим мира, мы предлагаем единение!

Робеспьер (*как бы не слыша*)А теперь, когда вы встали на мою защиту, они испугались, они снова заискивают передо мной.

Билло (*кричит*) . Это неправда! Я говорю искренне.

Робеспьер . Они стараются выиграть время, чтобы возобновить свои подлые заговоры. Как они презренны и отвратительны!

Толпа . Гадюки! (*Указывает пальцами на Билло и Колло.*) Вон двое из этой шайки... Раздавим их.

Билло . Я хочу говорить!

Колло . Председатель, дай мне слово!

Угрожающие крики и гиканье заглушают их голоса.

Билло (*пробиваясь к трибуне*) . Робеспьер! В последний раз! Я хочу объясниться. Дай мне ответить!

Его оттаскивают от трибуны и, осыпая оскорблениями, вталкивают вместе с Колло в толпу. Робеспьер притворяется, что ничего не видит.

Робеспьер . Они посягают на мою жизнь! О, я расстанусь с ней без сожаления!

Толпа (*протирая руки*) . Не покидай нас! Останься с нами!

Робеспьер . Опыт прошлого научил меня предвидеть будущее. Стоит ли жить в мире, где коварство неизменно торжествует над истиной, где правосудие — один обман, где самые гнусные страсти берут верх над священными интересами человечества? Какая невыносимая пытка глядеть на чудовищную вереницу предателей, скрывающих свою мерзкую душу под покровом добродетели и даже дружбы! Видя, как неудержимый поток Революции выносит на поверхность вперемежку с добродетелями всевозможные пороки, я содрогался от ужаса при мысли, что в глазах потомства буду обесчещен близостью с этими развращенными людьми. Но теперь я благословляю их слепую ненависть, отделившую меня от них надежной преградой. Они убьют меня!

Толпа (*вопит*) . Нет! Никогда!

Робеспьер . История учит нас, что защитников Свободы всегда преследовали и предавали смерти. Но гонителей тоже не пощадила смерть. Имена их покрыты позором. А праведнику смерть отворяет врата в бессмертие...

Кажется, будто он изнемогает от волнения. Голос его дрожит, прерывается, он низко наклоняет голову, точно стараясь скрыть слезы. Толпа повторяет: «Свобода!»

Женщина (*всхлипывая*) . Не плачь!

Толстуха (*рыдая*) . Сокровище мое! Приди ко мне на грудь!

Молоденькая девушка (*старается пробиться к Робеспьеру, прижимая платок к глазам*) . Позволь утереть тебе слезы!

Старая женщина . О мой Иисус!

Мужчины (*гневно*) . Негодяи! Они заставили плакать нашего Робеспьера! Повесить их! Нет, сжечь их живьем!

Давид (*плача*) . Неподкупный, ты бессмертен!

Робеспьер (*поднимает голову и, прекрасно владея собой, без единой слезы, восклицает резким, грозным, страшным голосом*) . Пускай я умру! Но я завещаю народу ненависть к угнетателям. Я завещаю страшную для них правду и смерть.

Народ (*повторяет за ним*) . И смерть!

Робеспьер . Революционное правительство спасло отчизну. Надо спасти правительство от изменников, которые его губят. Мы поставили перед собой возвышенную цель: создать великую Республику на основах разума и добродетели. Где разум не властвует, где

добродетель гонима, там неминуемо воцаряется преступление и честолюбие. Без владычества разума и добродетели сама победа лишь откроет путь честолюбцам и поработителям... Выпустите на минуту из рук поводья Революции, и вы увидите, как ими тотчас завладеет военная диктатура, мятежные вожаки опрокинут и растопчут народное представительство. Долгие гражданские войны опустошат нашу страну, обрекут ее на бедствия и разорение, и народ предаст проклятию самую память о нас, а ведь она могла бы стать священной для человечества. Воспрянем же! Возьмем в свои руки бразды правления! Пусть Революция возобновит свое победное шествие. На том перевале, которого мы достигли, остановиться раньше срока — значит погибнуть; а мы уже отступили... Вперед! На врагов!

Толпа (*подхватывает на мотив «Марсельезы»*) . Вперед! К оружию! Вперед на врага!

Всеобщее бурное волнение, крики, пение «Марсельезы», над головами развеваются красные шарфы, колышутся знамена.

Робеспьер (*бесстрастно, повелительно, одним жестом прекращает шум. Потом, со всею силой красноречия, впервые простерши вперед руки, которые до тех пор прижимал к груди, восклицает*) . Народ, о мой народ! Тебя страшатся, тебе льстят и тебя же презирают. Ты властелин, которого все еще угнетают, как раба. Помни, помни: если в Республике не установлена верховная власть справедливости, то Свобода там — лишь звук пустой. Покуда не уничтожена несправедливость, не разбиты и твои окопы, — они лишь заменены новыми... Помни, что твоя слабость помогла шайке преступников пробраться к кормилу власти, и теперь не ты, а они вершат твои дела; они трепещут и угодничают перед народными массами, но преследуют поодиночке всех добрых граждан. Эта нечестивая клика врагов добродетели, этот заговор против общественной Свободы свили себе гнездо в недрах самого Конвента, нашли сообщников в Комитете общественной безопасности. Враги Республики противопоставили Комитету общественного спасения Комитет общественной безопасности как второе правительство, правительство преступное. В их гнусном заговоре замешаны даже члены Комитета общественного спасения. Эта банда замышляет погубить верных сынов родины и самую родину. Что же нужно делать? Раздавить предателей, изгнать их из Конвента, очистить Комитет общественной безопасности, очистить Комитет общественного спасения, крепко сплотить правительство вокруг обновленного Конвента, который должен стать собранием честных граждан. Ибо — это я заявляю со всей торжественностью — отныне я знаю только две партии — партию добрых граждан и партию дурных граждан. Патриотизм не есть достояние той или иной группы, патриотизм есть добродетель. С сердцем, истекающим кровью, после горького опыта измен и предательств, я призываю на помощь республике всех честных людей. Откуда бы они ни явились, я протягиваю им руку. Объединимся против преступников и на обломках крамолы и мятежа возродим всемогущую власть Нации, олицетворенную в Конвенте. Пусть Конвент станет очагом, горящим пламенем справедливости и свободы... Справедливость!

Толпа повторяет хором: «Справедливость!»

Свобода!

Толпа повторяет: «Свобода!»

Два великих принципа. Два оплота Республики. Если грозят тому, кто борется за эти принципы, если его оскорбляют, — значит, эти принципы растоптаны и воцарилась тирания, но это не заставит меня молчать. Клевета, оскорбления и угрозы бессильны против того, кто прав, кто готов умереть за отчизну. Пускай меня убьют — они не заставят меня примириться с их злодеяниями, не принудят меня молчать. Я призван бороться с преступлением, а не руководить им. Я все сказал. (*Обрывает свою речь среди нарастающего гула голосов.*)

Короткое молчание, затем бурные, неистовые крики. Робеспьер одним движением руки заставляет толпу умолкнуть.

Друзья мои! Я прочел вам свое завещание, свою предсмертную волю.

Толпа протестует.

(Спокойно.) Я говорю вам правду...

Старая женщина *(в экстазе)* . Иисус! Иисус!

Робеспьер . Я знаю эту клику злодеев, знаю их силу, знаю, что дни мои сочтены. И умру без страха и сожаления. Завещаю вам память обо мне, предаю ее в ваши руки. Защитите мое имя от клеветы... А теперь простимся, друзья мои. Близится час, когда слуги тирании поднесут мне чашу цикуты. Я выпью ее без колебаний.

Давид *(кидаясь к нему)* . И я выпью ее вслед за тобой.

Толпа *(исступленно)* . И мы, мы тоже!

Новый приступ рыданий. Часть толпы сразу переходит от горя и уныния к яростному гневу.

Мы заставим твоих убийц выпить яд!

Указывают друг другу на Билло и Колло, стоящих у выхода, и бросаются к ним.

Билло *(отталкивая нападающих)* . Изменники! Посмейте только поднять руку на представителя великого Комитета!

Якобинец *(трясет его за шиворот)* . И руку подниму и ногой тебя пну! *(Дает ему пинка.)*

Обезумев от ярости, Билло отбивается и хватает его за горло. Колло пускает в ход кулаки.

Коллено *(бросаясь вместе со своими людьми на помощь Билло и Колло)* . Не мешкайте, граждане! Улепетывайте! Мы прикроем ваше отступление.

Билло и Колло скрываются. Мюскадены, после драки с якобинцами, тоже рассеиваются и исчезают.

Кутон *(сидя у подножия кафедры)* . Узнаю этих франтов, это гвардия Фуше. Сам он слишком хитер, чтобы явиться сюда. Он ускользнул у нас из-под носа. Надо найти его. Надо его поймать. *(Велит вынести себя на улицу.)*

Кофиналь *(поднявшись на трибуну, откуда сошел Робеспьер)* . Граждане! Все вы слышали бессмертные слова нашего Робеспьера. Нынче днем в Конвенте решили не печатать эту речь. Подлые враги перепугались. И тем выдали себя с головой. Я предлагаю исключить из Клуба якобинцев всех изменников, причастных к этому гнусному делу.

Толпа бурно выражает свое одобрение. Среди шума и криков Кофиналь читает список имен.

Пэйан *(подойдя к Робеспьеру, который вышел на авансцену)* . Робеспьер, час настал! Одно твоё слово — и мы подыдем народ Парижа. Еще до утра Конвент будет разогнан. Ты хозяин положения. Одно только слово. Мы ждем!

Друзья, окружавшие Робеспьера, повторяют: «Мы ждем!»

Робеспьер . Нет, Пэйан, я не признаю для себя иного оружия, кроме слова, иного щита, кроме закона. Ты сам видел, как велика его власть над людьми.

Пэйан . Здесь самые верные твои сторонники, твой священный отряд. Не суди по ним о всех остальных. Нам нужно немедля привлечь на свою сторону армию; она ненадежна, там орудуют изменники. Измена проникла и в Конвент.

Робеспьер . Я сражусь с ней завтра.

Пэйан . Берегись, как бы они не нанесли тебе удар в спину.

Робеспьер . Я ничего не боюсь. Охраной мне служат истина и добродетель. Моими устами будет говорить истина, и она победит.

Пэйан . Она победит, если ей дадут говорить. А если они ее задушат?

Робеспьер . Нельзя задушить истину.

Кюфиналь (*присоединяясь к Пэйану*) . Робеспьер! Позволь нам защитить тебя.

Робеспьер . Только истина! Такая, как есть! Она не нуждается в защите. (*Обступившей его толпе.*) Теперь, друзья, по домам! Сегодня мы недаром потеряли время. А мы, Дюпле, пойдем домой спать. (*Уходит.*)

Занавес.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

В ту же ночь, с 8 на 9 термидора (с 26 на 27 июля). Около часу ночи. Комитет общественного спасения.

Карно, Лендэ, Приер из Кот д'Ор, Баррер молча работают. Немного поодаль сидит Сен-Жюст, погруженный в работу над докладом.

Карно (*передает бумаги сидящему рядом Лендэ*) . Подпиши, Лендэ. (*Взглянув на подпись Лендэ, передает папку Приеру.*) Приер... (*В гневе.*) Негодяй!

Лендэ . Кого это ты так?

Карно . Предателя, которого мы снова приняли в свою среду и который в Конвенте нанес нам удар в спину.

Лендэ . Ты все еще думаешь о нем? Полно, давай работать. Дела не ждут.

Карно . Дела я никогда не откладываю. Но это мне не мешает думать.

Лендэ . Где уж тут думать! Успеть бы только проверить счета по снабжению двенадцати армий!

Карно . Неужели завтра в эту пору на наших местах будут сидеть другие? Вот что меня мучит.

Лендэ . Тем более надо оставить им дела в образцовом порядке.

Карно . Преклоняюсь перед тобой! Но стоит ли так стараться, раз они все равно попадут в руки болванов и невежд?

Лендэ . Ничего, справятся. Мы-то ведь научились. Нужда кого угодно работать научит.

Карно . Меня бесит, когда ты повторяешь их дурацкие выдумки! Ты сам этому не веришь. Ты же знаешь не хуже меня, сколько надо времени и труда, чтобы воспитать хорошего работника. Чудес на свете не бывает. И нам с тобой и Приеру пришлось выдержать немало битв, чтобы оставить в Комитете старых служаек, прошедших, подобно нам, суровую школу еще в мирное время. Я подумать не могу без ужаса, что наши выученики будут

истреблены, начнется развал, станут хозяйничать все, кому не лень¹⁶.

Лендэ . Человек не так глуп, чтобы действовать во вред самому себе. Уничтожив нас, они пойдут по нашим же стопам. Настоящее дело продолжает жить. И хорошему работнику можно найти замену.

Карно . Поди-ка скажи это Пизистрату. Он того и гляди проглотит Республику.

Приер . Где ему — подавится! Кусок застрянет в глотке.

Карно . Он нас передушит поодиночке. Неужели мы это допустим?

Баррер (*подойдя к Карно с бумагами, шепчет ему на ухо*) . Не допустим! Да и ты начеку, как я слыхал. Только тише.

Карно (*поняв, что Баррер кивает ему на Сен-Жюста, с виду невозмутимого и безразличного ко всему, что говорится вокруг*) . Ах, да! В отсутствие тирана у нас есть его уши. Погоди, я их обрежу.

Приер . Перестань, Карно, не кипятись! Помолчи, если можешь, не мешай работать.

Карно (*вскочив с места, большими шагами прогуливается по залу, подходит к настержь растворенным окнам*) . Уф! Душно! Все окна открыты, а дышать нечем. (*Скидывает сюртук*) .

Приер и Лендэ развязали галстуки и распахнули ворота рубашек. Только Баррер и Сен-Жюст застегнуты на все пуговицы. Все, кроме Сен-Жюста, раскраснелись от жары.

В зал Комитета проходит с докладом секретарь.

(*Секретарю*) . Что нового за сегодняшний вечер?

Секретарь . В Якобинском клубе дерутся.

Карно . Вот и отлично. Было бы хуже, если бы Робеспьер служил там мессу, а его паства внимала ему с благоговением. (*Садится на место и пишет.*)

Баррер (*понизив голос, указывает Приеру на Сен-Жюста и Карно*) . Бедняга Карно из кожи вон лезет, до того ему хочется раззадорить этого юношу. А тот и ухом не ведет.

Приер . Что это он там сочиняет?

Баррер . Комитет поручил ему составить доклад к заседанию Конвента.

Карно (*продолжая писать*) . Хоть бы Билло и Колло скорее вернулись!

Баррер . А они пошли туда, к якобинцам?

Карно . Мы натравили их на Пизистрата. Билло весь кипит после своего поражения в Конvente. Он жаждет мести. Ну, а нашего Колло никто не перекричит.

Баррер . Настоящая труба иерихонская. Как рявкнет — стены рушатся.

Приер . Если так, спасайся, кто может. Вон она трубит, слышите?

Из коридора доносятся вопли Колло.

Карно (*вставая*) . Это они! Так скоро? Что случилось?

Двери с грохотом распахиваются. Врываются Билло и Колло. Глаза выпучены, одежда разорвана. Билло бледен от сдерживаемой ярости. У Колло на губах пена, лицо налилось кровью.

Колло . Мщения! Мщения! Неслыханный позор! Честь Комитета оскорблена!

Билло . Закрыть Якобинский клуб!

Баррер . Что там случилось?

Колло . Они осмелились поднять на меня руку! Они заткнули мне рот, мне, мне!

¹⁶ Разговаривая и возмущаясь, Карно, как и другие, продолжает работать, перелистывает, читает и подписывает дела. Секретари то и дело приносят и уносят донесения и приказы. — *Р. Р.*

Карно . И ты это допустил?

Билло . Там были сотни, тысячи... Вся его собачья свора. Мы не успели рта раскрыть, как они набросились на нас.

Колло . Нас едва не растерзали.

Билло . Меня ударили.

Карно . Подлецы!

Билло (*с яростью отчаянья*) . Они облили меня грязью, меня! А ведь я пришел к ним, чтобы в последний раз предложить примирение...

Карно . Чего ты совался не в свое дело? Разве для этого тебя туда послали? И поделом тебе!

Колло (*рыча*) . Мщение! Бейте тревогу, подымайте секции!

Сен-Жюст (*единственный из всех с начала сцены не вставал с места и теперь в первый раз вмешивается в спор*) . Граждане! Вы потеряли рассудок. Опомнитесь! Что с вами?

Колло (*повернувшись, вливается в Сен-Жюста налившимися кровью глазами*) . Ты еще спрашиваешь? Будто не знаешь! Гаденыш!

Билло . Цепной пес Робеспьера! Чего ему здесь надо, этому предателю?

Карно . Он шпионит за нами. Это его ремесло!

Колло (*бросается на Сен-Жюста; Сен-Жюст, побледнев, встает во весь рост и опирается руками на стол, отделяющий его от Колло*) . Скорпион! Притаился тут в углу! Прихлопнуть его, и все!

Карно . Дай ему в морду, Колло!

Баррер (*становится между ними*) . Нет, граждане коллеги! У нас в Комитете не место дракам.

Билло . Он не наш!

Колло . Я раздавлю его, как вошь!

Билло . Он не наш! Выгнать его, как прогнали нас его прихвостни!

Колло . Убирайся вон, а то я вышвырну тебя в окно!

Карно . Нет, нет, не надо, Билло! Не выгоняй его, не выпускай на свободу. Пусть лучше сидит здесь. Как заложник.

Билло . Допросите его. Пускай даст отчет во всем.

Колло . Ладно! Мы всегда успеем его повесить.

Карно . Он что-то писал. Что это он писал? Ты что кропал, дьявол? Говори!

Сен-Жюст надменно выдерживает взгляд Карно, не отвечая ни слова, презрительно вскидывает голову. Все обступают его с угрожающим видом.

Баррер (*обернувшись к Колло*) . Отними у него бумаги!

Сен-Жюст, положив руки на стол, крепко держит бумаги.

Лендэ (*Приеру*) . Уйдем отсюда, Приер. Здесь невозможно работать.

Оба встают, невозмутимо складывают бумаги и с папками под мышкой выходят из зала, не обращая внимания на спорящих.

Колло (*тянет к себе бумаги*) . Давай сюда! Пусти! Я тебе глотку перерву!

Баррер (*становясь между ними, высокомерным тоном, еще более оскорбительным, чем ругань остальных*) . Оставь его в покое, Колло, он не опасен. Вы оказываете ему слишком много чести. Это просто зазнавшийся мальчишка, который корпит над школьным сочинением.

Карно . Он оттачивает свои фразы, как нож гильотины.

Билло . Он готовит обвинительный акт против нас.

Колло . Я вырву у него доказательства его измены! *(Старается вырвать бумаги.)*

Карно . Он крепко их держит. Не отдерешь, они словно приросли к его шкуре.

Колло . Тогда я сдеру с него шкуру! *(Вытаскивает из-за пояса пистолет.)*

Баррер *(удерживая его за руку)* . Стой! Слишком много шума из-за какого-то мальчишки. Он заслуживает самое большее доброй порки.

Сен-Жюст *(бледный как смерть, ледяным тоном)* . Презренные! Гнусности, которые вы изрыгаете, пятнают вас самих, бесчестят весь Комитет. Вы позорите Революцию!

Его противники, пристыженные, отступают. Ярость их утихает, но только внешне.

Карно *(язвительно)* . Держи вора — первым кричит вор.

Сен-Жюст . Я презираю вас! Вы подло клеветеете на меня. Я прочту вам сейчас свой доклад Конвенту. *(Собирается читать.)*

Колло . К черту! Ты все равно не выступишь в Конвенте.

Карно . Еще бы он выступил! Ты у нас в руках. Тебя не выпустят отсюда.

Сен-Жюст . Я свободен.

Колло . Нет, уже не свободен. Мы запрем тебя под замок в Комитете.

Сен-Жюст . Вы не имеете права.

Колло . Зато у нас есть сила.

Сен-Жюст *(пожимает плечами)* . Сила обернется против вас. *(Садится за стол и снова погружается в работу, не удастая взглядом окружающих. Те совещаются между собой.)*

Баррер *(вполголоса)* . Вы неправы. Мы не можем арестовать члена Комитета без согласия Конвента.

Карно . Конвент не обязан это знать.

Баррер . Все узнается. Там ждут доклада Сен-Жюста.

Билло . Пусть противник первый употребит насилие и нарушит законность. Опередив его, мы тем самым оправдаем его действия.

Баррер . Не ставьте под угрозу успех завтрашнего заседания.

Карно . А в чем залог успеха? На чем порешили?

Баррер . С минуты на минуту должен явиться Фуше, и мы узнаем, к чему привели ночные переговоры. Когда он придет, хорошо бы спровадить отсюда этого молодчика.

Билло . Так прогоним его. Мое первое побуждение было правильным.

Карно . А как же доклад?

Входит секретарь и что-то шепчет на ухо Барреру.

Баррер . Мы уже не успеем его прослушать. Фуше здесь.

Билло . Возьмем с юноши обещание, что он вернется к утру и представит доклад на наше рассмотрение.

Карно . А ты веришь его обещаниям?

Билло . Я рассчитываю на его тщеславие. *(Подходит к Сен-Жюсту.)* Ты хотел прочесть нам свой доклад. Он окончен?

Сен-Жюст . Нет еще.

Билло . Ступай домой и окончи его. Я знаю, что ты наш враг. И я тебе враг. Но я не считаю тебя трусом. Среди нас нет трусов. Ты выйдешь отсюда беспрепятственно. И по доброй воле вернешься в Комитет к утру — тогда мы и обсудим твой доклад. Заседание начнется в полдень. Будь здесь ровно в десять часов. Согласен?

Сен-Жюст . Согласен. *(Поднявшись с места, спокойно собирает бумаги и направляется к выходу. На пороге оборачивается.)* Вы нанесли мне смертельный удар, коллеги. Но что значит моя жизнь? И ваша тоже? Важна только судьба Республики. Республика недолго будет существовать. Вы убиваете ее сами. Подумайте над этим.

(Уходит.)

Билло *(потрясен)* . Что он сказал? Это неправда! Мы спасем Республику.

Карно . Мы вырвем ее из рук Робеспьера, даже если нам суждено погибнуть вместе с ней!

Билло . Нет, нет, Республика не погибнет! Пусть погибнем мы все. Но она должна жить!

Баррер, выходявший встретить Фуше, возвращается вместе с ним.

Баррер . Тебе пришлось подождать, гражданин Фуше. Нам нужно было сначала удалить отсюда Сен-Жюста.

Фуше . Как? Сен-Жюст был здесь, и вы упустили его?

Колло *(остальным)* . Вот видите? Я же говорил, что надо его задержать.

Билло . Он дал слово вернуться.

Фуше . Надежное обязательство, нечего сказать! Ты все еще веришь клятвам, Билло?

Билло . Своим я верю.

Фуше . Тем хуже для тебя. Когда доходит до дела, не стоит обременять себя присягой. Вы поступили глупо, ну да сделанного не воротишь. Запишем проигрыш и поставим на следующую карту.

Билло . Я отвергаю твои упреки! Мы поступили по закону.

Фуше . Сделай милость, Билло, избавь меня от этого старого хлама. Хочешь ты выиграть сражение или нет? Во время боя отбрось к черту все, что тебе мешает. Завтра, если мы победим, если останемся в живых, можешь снова извлечь на свет божий свои законы... А теперь прошу тебя, прошу всех вас: не перебивайте! У меня времени в обрез. Дома у нас несчастье. Мне надо домой.

Карно . Что у тебя случилось?

Фуше . Ничего.

Баррер *(тихо)* . Твоей дочке стало хуже?

Фуше *(утвердительно кивнув головой)* . Я не собираюсь говорить здесь о моих делах. Я пришел сообщить вам условия участников заговора. Нелегкое было дело заручиться поддержкой Болота. Они чуть было не отступились от того малого, что обещали. Они дали слово молчать. И их молчание станет могилой Робеспьера. Вам останется только столкнуть его туда. Он потерял большинство в Конвенте.

Колло . Воображаю, чего ты им за это наобещал!

Фуше *(пожимая плечами)* . Не все ли равно, раз я не сдержу обещаний? Вот здесь я набросал план действий во время завтрашнего заседания. *(Передает записку Карно.)* Просмотрите. Мне некогда обсуждать его с вами. Разумеется, кое-что придется изменить в зависимости от обстоятельств. Но помните: главное — это не дать Робеспьеру выступить. Ни в коем случае он не должен говорить. Захватите все подступы к трибуне, окружите ее. Прочно завладейте ею. Кто завтра председатель? Ты, Колло?

Колло . Я.

Фуше . Устрой так, чтобы получили слово только свои. Кто выступит первым?

Билло . Я!

Карно . Я!

Колло . Я! Я откажусь от поста председателя.

Фуше . Нет, Колло. Ты будешь там полезнее. Своим ревом ты заглушишь голоса противников. И не забудь: в этот день трибуна станет Мысом Бурь. И на него обрушит свои громы Робеспьер.

Колло . Или сам о него разобьется.

Фуше . Ну, а ты, Карно, ты слишком его ненавидишь. Когда ты в ярости — мысли у тебя путаются, язык заплетается. А нам нужна для начала речь-секира, речь-топор, чтобы каждый удар бил по цели. Пускай начнет Билло — он рубит сплеча.

Баррер . Вы забываете, что заседание начнется с доклада Сен-Жюста.

Фуше . Он сыграет нам на руку. При первых же его нападках риньтесь на него! Тут я надеюсь на Гальена, уж он сумеет заварить кашу.

Билло . Этот шут?

Фуше . Я раздражил его. Он в ярости. Они с Лекуантром да Бурдон с Фрероном будут запальщиками. Они разожгут страсти в Конвенте. Но это еще не все. Надо уловить подходящий момент и найти человека, который был бы нашим рупором, подал бы сигнал. Он и потребует ареста Робеспьера. Тут всего нельзя предвидеть заранее. Это решится в разгаре боя, на месте.

Колло . Ты там будешь?

Фуше . Не могу обещать.

Билло . Как? Ты сбежишь в минуту опасности?

Фуше . Я все время живу среди опасностей, Билло. Приду я на заседание или нет, опасность не уменьшится. Мне нечего больше терять.

Баррер . Зато мы много потеряем, Фуше, если тебя там не будет.

Фуше . Я все вам подготовил. Теперь дело за вами. Вы же видите: я в полном изнеможении. Я еле-еле притащился сюда, чтобы вручить вам ключи к победе. Я их готовил и подбирал целые месяцы. Не требуйте же от меня большего. Есть предел, после которого человеку все равно: пусть потолок рушится, и он пальцем не шевельнет.

Билло . Ты просто измучен, да и мы все тоже. До начала заседания остается еще восемь часов. Ступай поспи.

Фуше . А где я усну? Дома? Там мне покоя не найти. Моя дочка умирает. Прощайте. *(Идет к двери, потом возвращается.)* Победа в Конвенте — это еще не победа. Ведь неизвестно, как откликнется на это Париж. Прежде всего надо заранее прибрать к рукам Коммуну. Велите вызвать сюда Пэйана и Флорио-Леско. Арестуйте Анрио. Между секциями идут раздоры, я их разжигая. Даже секции, прилегающие к Ратуше, не могут простить Робеспьеру, что он обезглавил их штабы, — они пойдут за вами куда угодно. Кроме того, вам обеспечена помощь секций центра, там у меня есть свои агенты. В случае уличных боев с якобинцами можете рассчитывать на железную гвардию — я имею в виду молодчиков-буржуа, у них есть все, что нужно, — а также на вооруженных мюскаденов.

Билло . Как? На этих разбойников? Парижских шуанов? Изменник! Ты хочешь предать нас в их руки?

Фуше . Дурак! Я предаю их тебе.

Билло . Я бы пригвоздил этих филинов к дверям их домов! Чтобы я стакнулся с этой шайкой? Да я скорее пойду против них во главе якобинцев Робеспьера.

Фуше . Делай, как знаешь. Тебя самого пригвоздят ножом к доске твои якобинцы. Ты забыл, как они встретили тебя в клубе нынче ночью? Если бы не пришли на помощь мои мюскадены, тебе бы не уйти оттуда живым!

Колло . У Республики и без них немало защитников из числа добрых патриотов.

Фуше . Немало, это верно. Они явятся по нашему зову со всех концов Франции. Но уверен ли ты, что успеешь собрать их раньше вечера? *(Показывает на окна.)* Вон уже светает. Прежде чем наступит ночь, партия будет сыграна. Неужели вы откажетесь от козырей, которые я вам предлагаю? Пускай карты крапленые, засаленные. Берите! Потом можете их сжечь.

Билло . Скорее я сожгу себе руку!

Фуше . Сожги! Но сначала возьми карты. К тому же сделка заключена. Возврата нет.

Билло . Мерзавец!

Фуше *(отворив дверь, устало)* . И ты, Билло, и вы все можете действовать, как вам угодно. Я все подготовил для вашего спасения. Воспользуетесь вы этим или нет, дело ваше. Теперь мне все равно, что будет, — спасусь ли я, спасетесь ли вы. Все на свете безразлично. *(Уходит.)*

Колло . Бедняга. Он при последнем издыхании.

Баррер . Не верь ему!

Занавес.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Та же ночь, несколько часов спустя. Брезжит рассвет. Дом, где живет Фуше. Четвертый этаж. Лестничная площадка перед запертой дверью. По витой лестнице подымается дюжий якобинец в красном колпаке, неся на закорках Кутона.

Кутон . Высоко все-таки, а вес во мне немалый. Прости, товарищ! Ссади меня здесь и постучись. Это двери Фуше.

Красный колпак сажает Кутона на ступеньки лестницы, ведущей в следующий этаж, и стучит в дверь. Никто не отпирает.

Колоти сильнее.

Якобинец стучится снова. Никакого ответа. Из соседней квартиры приотворяется дверь. Выглядывает грязная старуха с лохматыми седыми космами.

Якобинец . Там никого нет.

Кутон . Не может быть. Правда, из осторожности он почти никогда не ночует дома. Но как раз сегодня он у себя, я знаю наверное. За ним следили. Во всяком случае, дома его жена. Эй, гражданка! Не знаешь ли, дома гражданин Фуше?

Соседка . Он у себя. Я видела, как он вошел.

Кутон . Почему же он не отпирает?

Соседка . У него ночью дочка померла. Гражданина Фуше не было дома. Гражданка оставалась одна. Я помогала ей. Когда гражданин вернулся, они с женой заперлись и никого не хотят видеть.

Кутон . Меня ему все-таки придется увидеть. Мне надо с ним поговорить. *(Велит поднести себя к двери и зовет, колотя в дверь кулаком)* . Жозеф Фуше! Это я, Кутон. Неотложное дело! Отвори!

Внутри ни звука.

Соседка . У них большое горе.

Кутон . Не такой он человек, чтобы из-за траура запускать свои дела.

Соседка . Когда он узнал про дочку, у него ноги подкосились, даже заплакал.

Кутон . Такой сухарь? Ты что-то путаешь, гражданка.

Соседка . Он возился с ребенком, как нянька. Ночей не досыпал, баюкал ее, я сама слыхала.

Кутон . Однако успевал баламутить повсюду, как сатана, целых два месяца. За сегодняшнюю ночь он побывал в сотне мест. Я должен его видеть. Стучи сильнее.

Якобинец . Так не годится. Они имеют право погоревать о покойнице. Давай лучше вернемся сюда завтра.

Кутон . Завтра уже наступило. Теперь или никогда!

Якобинец . Что тебе от него надо?

Кутон *(знаком велев ему замолчать, прощается с соседкой)* . Ну что ж, гражданка, покойной ночи!

Она запирает дверь.

(Кутон делает вид, что собирается спускаться. Пока носильщик подсаживает его на спину, он говорит ему шепотом.) Весь заговор сосредоточен в его руках. Чтобы спутать им карты, надо вывести из игры Фуше.

Якобинец . Арестовать его?

Кутон . Нет, войти в соглашение.

Якобинец . А Робеспьер знает?

Кутон . Узнает, когда все будет сделано. Я спасу его, хотя бы против его воли.

Якобинец *(прислушивается)* . Кто-то идет...

Кутон *(перегнувшись через перила, смотрит вниз и говорит вполголоса)* . Карье... Лекуантр... Не торопись спускаться.

Карье *(над ступенями показывается сначала его голова; он видит Кутона)* . Это ты, чудовище?

Кутон *(спокойно)* . Да, разбойник.

Лекуантр *(появляется вслед за Карье; оба видны только по пояс)* . Как? Ты идешь от Фуше? Ты виделся с ним?

Кутон . Виделся.

Смотрят друг на друга вызывающе. Носильщик тащит Кутона на спине вниз по лестнице. Лекуантр и Карье, грубо толкнув его, всходят на площадку.

Якобинец *(спускается вниз, тихо спрашивает Кутона.)* Зачем ты им так сказал?

Кутон *(тоже тихо)* . Пускай думают, что он их предал.

Лекуантр *(яростно, к Карье)* . Говорил я тебе, что этот пройдоха ведет двойную игру!

Карье *(в бешенстве стучит в дверь)* . Если бы я знал, я задушил бы его. погоди ты у меня! *(Кричит.)* Отопри сейчас же! Это я, Карье.

Внутри полная тишина.

Лекуантр . Не отпирает.

Оба изо всей силы колотят в дверь кулаками.

Карье . Подлец! Мошенник! Негодяй!

На лестнице во всех этажах отворяют двери, раздаются возмущенные крики.

Соседи *(вопят)* . Убирайтесь к черту!

— Не мешайте спать!

— Дайте же людям покой!

Начинается перебранка.

Кутон *(своему носильщику, который спускается по ступенькам)* . Видишь, мы все-таки прогулялись не зря.

Уходят.

Занавес.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Несколько часов спустя. Утро 9 термидора. Комитет общественного спасения. Часы в глубине зала показывают половину одиннадцатого. Те же действующие лица, что в конце пятнадцатой картины, только измученные, растрепанные, с воспаленными после бессонной ночи, осунувшимися лицами. Видно, что здесь спали по-походному: на полу валяются разостланные и свернутые плащи, обедки, три пустые бутылки и всякий мусор.

Карно . Его все еще нет.

Билло . Он придет!

Часы бьют половину.

Колло . Половина одиннадцатого. Он не придет.

Билло . Не прийти значило бы признать свою трусость. Сен-Жюст горд.

Баррер . Тогда надо было щадить его гордость. Раз мы так жестоко оскорбили его, незачем было его отпускать.

Карно . Ты же сам уговорил его отпустить.

Колло . И твои оскорбления были самыми убийственными.

Баррер . Вы, очевидно, забыли, что произошло.

Колло . Зато наш красавец Сен-Жюст отлично все помнит.

Карно . Мы напрасно теряем время. После ухода Фуше мы ровно ничего не сделали. Битых два часа бесплодно препирались с Пэйаном и Флерио-Леско, которых только по дурацкой слабости не засадили под замок. До сих пор еще не арестовали Анрио. Близится час заседания, а у нас ничего не решено. Нас застигнут врасплох.

Баррер . Фуше нам все расписал, как по нотам.

Колло . А сам удрал. Кто же будет дирижировать?

Билло . Надо отобрать у Сен-Жюста доклад, который мы ему поручили.

Карно . Поди-ка поищи его теперь!

Билло (*прислушиваясь к шагам в коридоре*) . Стойте! Идет! Я не ошибся в нем.

Дверь распахивается, появляется Кутон, которого катят в кресле.

Карно (*визгливо хохочет*) . Вот она, райская птичка! (*Напевает.*)

Ах, мамаша, что за птичка...

Билло (*сердито поворачивается спиной к Кутону*) . Шайка разбойников! Они сговорились.

Кутон . Я вижу, вы ждали меня с нетерпением. Я и рад бы прийти пораньше, но уж извините — дела. Зато я не потерял времени даром.

Колло . Ты нам не нужен. Мы ждем Сен-Жюста, а не тебя.

Кутон . Знаю, знаю. Подождем его вместе.

Билло . Ты его видел? Где его черт носит? Уже три четверти часа, как он должен быть здесь.

Кутон . У него много дел, как у всех нас. Он очень сожалеет, что заставляет вас ждать.

Билло . Но он придет?

Кутон (*спокойно*) . Разумеется. Он послал меня предупредить вас, чтобы вы запаслись терпением.

Карно . Ты что, шутки шутишь?

Кутон . Что ты! Куда вы так спешите?

Колло . Да ты забыл, что сегодня заседает Конвент?

Кутон (словно дразня их своим невозмутимым спокойствием, хотя временами его сотрясает нервная дрожь) . Знаю. Как обычно.

Колло . А ты не слышал, что там произойдет?

Кутон (так же) . Ничего не произойдет. Много болтовни, как и всегда. Незачем так торопиться к поднятию занавеса.

Карно . Он издевается над нами! Пусть лучше объяснит свои нелепые угрозы в Клубе якобинцев.

Кутон (та же игра) . Какие угрозы?

Билло . Да, да, отвечай, мошенник: кого ты поносил, не называя по имени, о каких это «бесчестных людях» ты говорил?

Кутон . Я сказал, что их немного, совсем немного.

Карно . Обычная твоя манера нападать исподтишка.

Билло . Ты называл третьего дня каких-то «пять или шесть пигмеев» и призывал Конвент раздавить их, как насекомых. Кто это такие? Осмелься посмотреть им в лицо.

Кутон (невозмутимо) . Я и смотрю им в лицо.

Билло (угрожающе) . Это я, по-твоему?

Колло . Это я-то «пигмей»?¹⁷ Как ты смеешь, безногий обрубок?

Кутон . У вас просто печень не в порядке. И совесть нечиста. Вы сами себя обличаете.

Карно . Я тебя первого обличаю, проклятый калека! Ты домогаешься трона. Ты хочешь взобраться на него по нашим трупам, как по ступеням.

Кутон (спокойно и насмешливо) . С моими-то ногами, приятель? (Показывает на свои парализованные ноги.) Вы бредите, коллеги... Что говорить, я и сам заплатил дань общему безумию. Слова, слова — они заразительны, как горячка. Они передаются через язык и проникают в мозг. Мы слишком много говорим... Да еще вдобавок палящее солнце термидора жарит двадцать дней без передышки, бешеный зной, от которого стучит в висках...

Карно . Просто подохнуть можно! С ума сойти...

Колло . Дышать нечем, ходишь весь в поту... Стены трескаются. Череп лопается.

Билло . А ночью еще хуже, чем днем. Невозможно заснуть.

Баррер . Никто не спал в Париже нынче ночью.

Кутон . Ошибаешься, друг, — один человек спал спокойно. Это Робеспьер. У него чистая совесть.

Карно опять раздражается скрипучим смехом.

Карно . У пресмыкающихся кровь холодная.

Кутон . А вот меня всего жжет.

Колло . Это твои преступления.

Кутон . Нет, мой друг, просто ревматизм.

Баррер . Всем нам не мешало бы полечиться прохладой и тишиной.

Кутон . А где ее найдешь? Разве только в могиле.

Карно (с горечью) . Вот почему ты хочешь поскорее отправить нас туда!

Кутон (спокойно) . Я предпочел бы жить с вами в мире. Вы должны отдать мне справедливость — насколько мог, я старался всех примирить.

Колло . Ради своей выгоды!

Кутон . Но, друг мой, кто же ищет мира себе во вред? Выигрывает самый искусный или самый мудрый. Представляю тебе поступать так же.

Бьют часы.

¹⁷ Колло — огромного роста. — P. P.

Билло (*подскочив*) . Часы пробили!

Кутон . Они у вас бегут вперед.

Билло . Одиннадцать часов! А Сен-Жюста еще нет.

Кутон . Не беспокойся о нем. Я оставил его здоровым и невредимым.

Билло (*в сердцах*) . Мне дела нет до его здоровья. Нам нужно просмотреть его доклад, прежде чем он прочтет его в Конvente.

Кутон . Успеете еще.

Карно (*в гневе*) . Они издеваются над нами!

Кутон (*благодарушно*) . Кто?

Карно . Ты и он. Он и ты. Оба вы заодно.

Баррер . Теперь он уже не придет.

Кутон (*добродушно*) . Что вы, что вы!

Карно . Я требую, чтобы его арестовали на дому.

Колло . Да, не теряя ни минуты! Нельзя допустить, чтобы он явился в Конвент.

Кутон . Не посмеете.

Билло . Нет, посмеем! (*Пишет приказ об аресте Сен-Жюста.*)

Остальные, нагнувшись над столом, читают.

Кутон (*равнодушно пожимая плечами*) . Ну, как знаете. (*Ждет, пока они подписывают. Но когда Карно с приказом в руке идет к двери, чтобы передать его посыльному, Кутон произносит кротко и внятно.*) Только его дома нет.

Карно возвращается.

Билло . Где же он?

Кутон . Почему я знаю? Когда я его видел, он выходил из дому.

Карно . Проклятый черт! (*Комкает бумагу в руке.*)

Колло . Куда он пошел?

Участники этой сцены, теснясь вокруг Кутона, наседают на него.

Кутон (*равнодушно.*) Вероятно, сюда... или в другое место... Самое лучшее спокойно подождать его здесь.

Карно (*топая ногами*) . Он плюет на нас!

Баррер . Он играет нами, он забавляется.

Колло . Я с тебя за это шкуру сдеру! (*Грозит Кутону кулаком.*)

Кутон (*невозмутимо*) . Сдирай.

В коридоре снова слышны торопливые шаги.

Билло . Ну, уж теперь это он!

Дверь отворяется, посыльный приносит письмо.

Посыльный . От гражданина Сен-Жюста.

Карно (*к Билло*) . Дурак! Теперь ты сам видишь!

Билло хватается за письмо, распечатывает неловкими, нервными движениями. Остальные окружают его и читают все вместе. Кутон, сидя у стола, искоса наблюдает за ними, не теряя своего насмешливого спокойствия.

Билло (*читает вслух*) . «...Вы растерзали мне сердце, я открою его Конвенту...»

На миг вес замирают в оцепенении, затем — взрыв ярости. Карно и Колло с бранью мечутся по сцене, воздевая руки и грозя кулаками.

Баррер (*остановившись перед Кутонем, пронзительно смотрит на него*) . Хитрая лиса... Ты отлично это знал...

Кутон (*с шутливым сочувствием*) . Бедный мальчик! Что же вы с ним сделали, зачем растерзали ему сердечко?

Карно (*грозя ему кулаком*) . Вот по ком гильотина плачет!

Баррер (*отстраняя от Кутона Колло и Карно*) . Мы после с ним расправимся. Время не терпит.

Часы бьют половину.

Билло . В Конвент! (*Уходит вместе с Колло и Карно*) .

Баррер задерживается; берет из конторки сверток бумаг, затем возвращается, открывает конторку и, после некоторого колебания, берет второй сверток.

Кутон (*наблюдает за ним, не двигаясь с места; когда Баррер идет к двери, он говорит ему вдогонку шутливо и добродушно*) . Это твоя речь? Ну, ну, возьми обе. Так-то оно лучше будет. Одну речь — за, другую — против. Тогда уж выиграешь наверняка.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Конвент. Заседание 9 термидора. Прямо против публики, посредине сцены, на помосте ¹⁸, к которому ведет деревянная лесенка в восемь ступеней, установлена трибуна; за ней, на возвышении, стол и кресло председателя, позади — полукруглая ложа. По обеим сторонам висят доски с текстом Конституции и Декларации прав человека и гражданина. Ярусом выше нависает галерея для публики, подпираемая тонкими колонками. Посреди галереи — громадные эмблемы ликторских связок и знамена. В стенных нишах между трибуной для публики и председательской ложей — статуи Ликурга (слева) и Солона (справа). Несколько дальше, справа, — статуя Платона. Над галереей для публики высокие окна, узкие, как в церкви, со светлыми стеклами. Над залом невидимый для зрителей полукруглый свод. Справа и слева от центральной площадки (где расположены трибуна, ложа председателя, галерея для публики) идет двумя полукружиями амфитеатр со скамьями для депутатов (рядов по десять с каждой стороны); к ним ведут справа и слева лесенки по пятнадцати ступеней. Рампа

¹⁸ На самом деле помост был, вероятно, совсем не высок. На гравюре Дюплесси-Берто, по рисунку Монне (май 1795 года) трибуна возвышается над полом не более чем на метр. Можно легко достать рукой до края. Но нам необходимо создать впечатление высоты; поэтому мы показываем сцену как бы из глубины оркестра. Наличие амфитеатра, расположенного двумя полукружиями, как увидим дальше, будет способствовать этому впечатлению. — *P. P.*

срезает эти две дуги, соединяя их с рядами партера зрительного зала; таким образом, зритель театра как бы принимает участие в заседании Конвента. Благодаря такому расположению трибуна снизу представляется гораздо выше, чем была в действительности. Над рядами амфитеатра выступают широкие галереи для публики, которые скорее угадываешь, чем видишь. (В действительности они были построены в два яруса и уходили вглубь.)

Входы в зал заседаний помещаются справа и слева от просцениума, около рампы. (В народном театре можно устроить вход прямо из оркестра, чтобы создать еще большую связь между сценой и зрительным залом.)

На площадке между двумя полукружиями амфитеатра стоят и расхаживают депутаты Конвента; они сошли со своих мест и шумной толпой заполняют зал. Скоро пробьет полдень. Остаются считанные минуты до открытия заседания. Видно, как из правого и левого входов (даже, по возможности, из оркестра) один за другим появляются заговорщики. Галереи для публики переполнены. На переднем плане — Тальен, Баррас, Матьё Реньо, Бурдон, Лекуантр и другие из их группы.

Тальен . Где же Фуше?

Баррас . Что-то не видно.

Бурдон . Запаздывает. Вот странно! Обычно он приходит первым.

Тальен . Уж не арестовали ли его?

Бурдон . До открытия заседания осталось всего пять минут!.. Черт! Что же нам делать, если он не придет?

Баррас . И не стыдно тебе? Пора бы уже ходить без помочей!

Бурдон . Необходимо установить порядок, план действий.

Баррас . Все распоряжения сделаны. Выходы оцеплены. Трибуны заполнены нашими людьми. Надо только решиться. Лишь бы никто не сбежал! В разгар битвы самое главное не дрогнуть. Это о тебе, Бурдон, и о тебе, Лекуантр. Вы храбро горланите против Робеспьера, когда его нет, а едва завидите его тень на трибуне — и уж хвосты поджали.

Бурдон . Мы не допустим его до трибуны.

Тальен . Я заколю его на ступеньках!

Баррас . И думать не смей! Он должен пасть не от нашей руки, а под ударом всего собрания.

Лекуантр . А вдруг нас подведет большинство?

Баррас . Они обещали.

Бурдон . Мало ли что обещают!

Лекуантр . Ничего они не обещали. Разве можно полагаться на этих трусов?

Баррас . Тише! Вон они идут!

Входят Сийес, Дюран-Майян и прочие. Тальен, Бурдон, Лекуантр бросаются им навстречу, горячо пожимают им руки.

Бурдон . Дорогие коллеги!

Лекуантр . Доблестные граждане!

Тальен . Привет вам! Мы счастливы стоять рядом с вами на страже Республики!

Лекуантр . Вы ее неприступный оплот!

Бурдон . Настал великий день! Будем держаться твердо!

Тальен . Мы полагаемся на вас.

Сийес (*уклончиво*) . Республика может быть уверена в нашей неизменной преданности.
(*Удаляется со своими спутниками.*)

Баррас (*посмеиваясь*) . Неизменные, как хамелеоны.

Матьё Реньо (*Баррасу*) . До чего они мне противны! Как можно заискивать перед этими жабами! Уж лучше протянуть руку Робеспьеру.

Баррас . Не забывай, что Робеспьер тоже перед ними заискивает... Тише! Вон Робеспьер-младший. Катит безногого черта...

Появляется Кутон, которого везет в кресле Огюстен Робеспьер. Он оглядывает залу и сразу все замечает.

Кутон (*указывая Огюстену на заговорщиков и представителей Болота, которые обмениваются низкими поклонами*) . Смотри, как снюхались эти псы. Надо держать ухо востро да смотреть за ними в оба, тогда они и пикнуть не посмеют. Ведь они даже друг другу не доверяют. (*Поднимает глаза на галерею для публики.*) А вот трибуны мне что-то не нравятся. Откуда эти скверные рожи, мюскадены, сутенеры? Нам подменили публику. Это неспроста... Будь так добр, Огюстен, дай знать нашим друзьям якобинцам, — пусть явятся сюда, да чтоб их было как можно больше. И поскорее! Хорошо бы также предупредить Анрио. Пусть держится наготове со своими канонирами.

Огюстен Робеспьер . Да где его найти? Он отправился кутить куда-то, кажется, в Антуанское предместье.

Кутон . Нечего ему еще нагружаться. Он уже с самого утра пьян вдрызг... Ну что ж, пошли хотя бы за якобинцами.

Огюстен, поспешно набросав несколько слов на листке бумаги, передает его секретарю. Тот идет к дверям, но почти сейчас же возвращается.

Секретарь (*Огюстену*) . Не пропускают.

Кутон (*оборачиваясь*) . Как так?

Огюстен Робеспьер . Теперь уж поздно выяснять. Президиум занимает места. Сейчас начнется.

Проходит мимо Сен-Жюст, надменный и суровый, держа в руке свой доклад. Робеспьер-младший окликает его.

Сен-Жюст!

Сен-Жюст, не повернув головы, продолжает свой путь сквозь толпу депутатов, которые расступаются перед ним.

Даже не отвечает, даже взглядом не удостоивает. Он иногда не прочь поиграть в Великого Могола.

Кутон . Он отдалился от всех. Равно, как и твой брат. Это просто бедствие! В час, когда так важна сплоченность, прочность нашего союза, каждый замыкается в своей оскорбленной гордыне, растравляет свои обиды, скрывает свои замыслы. Мы даже не знаем, о чем этот юноша будет говорить с трибуны. Мы верим ему, как и он нам, ибо ведем общую борьбу, и все же он решил сражаться в одиночку, как и твой брат, они не желают советоваться с нами. Нам остается лишь молча подписываться под их ошибками и, если возможно, их исправлять.

Огюстен . Да, ты прав, и корень зла в отчуждении Максимилиана. За полтора месяца, что он отошел от руководства, в наших действиях нет прежнего единства: каждый решает по-своему. К счастью, он, наконец, сам в этом убедился и сегодня вновь станет у руля.

Кутон . Слишком поздно!.. Уже полдень...

Часы бьют двенадцать. Билло и Колло врываются в зал.

Билло (*запыхавшись*) . Началось?

Колло . Мы пришли вовремя. Сен-Жюст еще не начал говорить. (*Поспешно подымается на председательское место.*)

Заседание открывается, при общем невнимании, монотонным чтением

текущих дел и донесений. Его заглушает гул голосов. Депутаты не спеша занимают места. Сен-Жюст, стоя у подножия трибуны, ждет своей очереди.

Тальен (*к Билло.*) Ты видел Фуше?

Билло . С ночи не видал.

Тальен . Должно быть, его арестовали.

Карье (*входя*) . Его подкупили. Я был у него на дому. Он продался Робеспьеру.

Билло . Это ложь!

Карье . Продался! Спроси у Кутона. Он может даже назвать точную сумму.

Билло . Не теряйте времени. Будьте наготове. Сен-Жюст всходит на трибуну.

Сен-Жюст подымается с левой стороны, справа от председателя.

Матьё Реньо . А Робеспьер? Где же он?

Билло . Как, Робеспьера нет?

Баррас . В самом деле?

Бурдон . Он и не придет. Почуял недоброе.

Тальен . Если он не придет, все пропало! Мы, как дураки, сидим, запершись в этой клетке, а он тем временем велит канонирам Анрио обложить нас кругом. Он захватит нас, как мышей в норе.

Билло . Не посмеет!

Баррас . Почему? Я бы посмел на его месте.

В группе термидорианцев смятение.

Бурдон . Надо проверить, не прервана ли связь с Парижем

Лекуантр . Кому-нибудь из нас надо пойти в секции, поднять там тревогу.

Карье . Ты задумал удрать, я вижу. Только посмей!

Матьё Реньо . Всем оставаться на местах. Победим или умрем, но все вместе!

Тальен . Сен-Жюст уже на трибуне. А Робеспьера все еще нет.

Карье . Он улизнул от нас. Видно, у барсука в логове два выхода.

Матьё Реньо . Молчите! Он пришел!

Входит Робеспьер. Термидорианцы поспешно расступаются. Холодно смерив их взглядом, Робеспьер проходит перед их притихшим строем. В эту самую минуту Сен-Жюст начинает свою речь.

Баррас . Оцепите все выходы.

Карье . Зверь в западне!

Робеспьер пересекает амфитеатр слева направо (слева от председателя). Все почтительно уступают ему дорогу и раболепно улыбаются, встречаясь с ним взглядом. Он не удостоивает ответом на поклоны. Спокойно, не спеша он садится в первом ряду амфитеатра, справа, на виду у всего зала. Баррас, Тальен, Бурдон, Лекуантр и прочие протискиваются к лешкам, ведущим на трибуну, и загораживают их.

Сен-Жюст (*начинает свою речь среди полной тишины спокойным, бесстрастным, но внятным и твердым голосом¹⁹*) . Я не принадлежу ни к одной из мятежных клик; напротив, я буду бороться с ними беспощадно. Пускай эта трибуна, если угодно судьбе, станет

¹⁹ Сокращенный текст подлинной речи. — Р. Р.

Тарпейской скалой для того, кто счел своим долгом сказать вам прямо, что наши правители сошли с верного пути. Я полагаю, что вы должны знать правду, что никто не вправе нарушить обет, данный перед лицом своей совести, — дерзать на все ради спасения отечества. Комитеты Общественного спасения и Общественной безопасности поручили мне составить доклад о причинах разногласий, происшедших в последнее время в недрах самого правительства. Я польщен доверием, оказанным мне обоими Комитетами. Но нынче ночью меня глубоко оскорбили, и сейчас я говорю не для тех, кто нанес мне смертельную рану, я обращаюсь прямо к вам. Я хочу обличить перед вами людей, пытавшихся заставить меня погрешить против совести. Я раскрою перед вами свою душу, свои правдивые уста. Я скажу все, что думаю, все, что знаю, не ведая ни гнева, ни сострадания...

При последних словах клика термидорианцев приходит в волнение.

Билло (*к остальным*) . Довольно! Долой! Заткнуть ему глотку!

Карье . Вырвать ему язык!

Тальен взбегаёт на трибуну и становится рядом с Сен-Жюстом²⁰.

Тальен . Бесстыдный фарс. Смотрите: вон там сидит человек, который дергает за веревочку этого паяца. (*Показывает на Робеспьера.*) А этот дохлый Пьеро смеет еще уверять, что не связан ни с каким заговором... Вот я действительно ни с кем не связан, и я разоблачу их гнусный заговор. Сорвите личину с тех, кто ведет эту вероломную игру! Сорвите завесу!

Билло (*пригнув голову, бросается на трибуну, откуда с помощью Тальена сталкивает Сен-Жюста. Сен-Жюст до конца заседания неподвижно стоит, прислонясь к трибуне с правой стороны — слева от председателя. Билло, оттеснив Тальена, становится рядом с ним. Оба выкрикивают угрозы и обвинения, перебивая друг друга*) . Я сорву завесу!.. Граждане! Среди нас есть предатели, которые замышляют погубить Конвент!..

Тальен (*указывая на Сен-Жюста*) . Вот один из них!

Билло . Но гнуснее всех вон тот, внизу. Я видел его ночью у якобинцев... Он призывал к мятежу и требовал изничтожить Конвент. Я выступил против. Тогда он стал подстрекать толпу к убийству...

Леба (*с места*) . Неправда!

Билло . Меня ранили вот сюда! (*Показывает на грудь.*)

Леба (*вскочив с места*) . Подлый шут! Ты сам себя пырнул!

Колло (*с председательского кресла*) . Леба! Призываю тебя к порядку.

Голос с галереи . А ну-ка, Билло, повернись задом, покажи нам, как я тебя саданул каблуком по заднице!

Билло (*обезумев от ярости*) . Арестуйте его! Держите убийцу!

Смех и шум на галерее для публики. Оттуда выталкивают какого-то горлана.

При первых словах обвинения, брошенных ему Билло, Робеспьер быстро поднимается, но после вмешательства Леба застывает на месте.

Леба (*выходя из амфитеатра*) . Я был свидетелем столкновения в Клубе якобинцев. Я хочу восстановить истину, которую так возмутительно искажают здесь. Прошу слова.

Колло (*с председательского места*) . Молчи! Я не дам тебе слова. Я сам был свидетелем. Запрещаю тебе извращать факты, которые точно излагает Билло.

Леба . Председатель! Ты не имеешь права выступать в качестве свидетеля. Иначе сойди с трибуны.

²⁰ Тальен начинает говорить, еще подымаясь по ступенькам на трибуну. — P. P.

Билло (*к Леба, с высоты трибуны*) . И ты еще смеешь ссылаться на право? Почему ты молча смотрел, как этот заговорщик, будучи членом правительства, подло попирал священнейшие наши права, как он незаконно выдал на расправу разъяренной толпе членов Комитета, с которым его связывает долг?

Леба . Комитеты заткнули ему рот и предали народные интересы. Ему пришлось воззвать к народу.

Колло . Леба! Я лишил тебя слова. Лишаю тебя слова вторично. Если будешь упорствовать, я ударю тебя.

Робеспьер (*сойдя со своего места в амфитеатре, повелительным жестом останавливает Леба, который собирается возражать*) . Молчи, Леба! Нападают на меня. Значит, мне и отвечать.

Робеспьер идет к трибуне. Бурдон, Баррас, Лекуантр и другие бросаются наперез и преграждают ему путь.

Билло . Катилина ушел из Комитета общественного спасения, ибо не мог больше диктовать нам свою преступную волю. Он коварно злоупотребил властью Комитета и провел за нашей спиной чудовищный декрет от двадцать второго прериаля, отдающий всех патриотов на милость узурпатора. Он возбуждал народ против законного правительства Нации. Он замышляет погубить Конвент.

Робеспьер (*рвется к трибуне, но натывается на стену заговорщиков*) . Это ложь! Это ложь! (*С помощью брата и Леба, вступивших в борьбу с Лекуантром и Бурдоном, пробивается на первые ступени деревянной лесенки, ведущей на трибуну.*)

Заговорщики (*снизу*) . Долой тирана!

— Назад!

— Слезай! (*Вцепившись в него, тащат его вниз.*)

Робеспьер вырывается.

Робеспьер . Я буду говорить. (*Поднявшись на трибуну, сталкивается с Тальеном, — тот грубо хватает его за ворот.*)

Тальен . Ты не будешь говорить, Кромвель! Я запрещаю тебе доступ на эту трибуну, на священный бастион Свободы... Свободы, которую ты хочешь погубить. Я загорожу ее своим телом. Прежде чем ее коснутся твои преступные руки, мой кинжал пронзит тебе грудь. (*Заносит кинжал над головой Робеспьера.*)

Робеспьер (*бесстрастно*) . Ударь, но выслушай!

Билло (*оттаскивая Тальена за руку*) . Не убивай его, Тальен. Ему уготован другой нож.

Невообразимый шум и смятение охватывают зал. Почти все депутаты вскакивают с мест, за исключением представителей Болота на первых скамьях; их молчание и неподвижность составляют резительный контраст с волнением, царящим в зале. Огюстену Робеспьеру и Леба удается, прорвав цепь термидорианцев, пробиться к Робеспьеру и встать на его защиту от наступающего на него Тальена. Но они принуждены спуститься вниз вместе с ним, чтобы уберечь его от толчков и наскоков. Амфитеатр наводняют вопящие, беснующиеся люди. Трибуну осаждают группы термидорианцев — по двое, по трое, вчетвером, впятером (Карье, Бурдон, Лекуантр, Вадье, Лежандр). Все они жаждут выступить, меж тем как Билло и Тальен цепляются за перила, продолжая говорить. Вся эта толчея, напоминающая дьявольский шабаш, страшна и нелепа. Среди оглушительного шума раздаются отдельные бессвязные возгласы: «Смерть тирану! Катилина! Калигула, Тарквиний! Тиберий! Гелиогабал!» Все наперебой стараются выкрикнуть новые обвинения против Робеспьера, не замечая, что противоречат друг другу.

Билло . Предатель противился аресту Дантона!

Карье . Он защищал Дантона, своего тайного сообщника!

Лежандр . Он убийца Дантона!

Вадье . Он лебезил перед попами!

Тальен . Он устраивал оргии вместе с Сен-Жюстом и Анрио!

Колло (*вскочив с председательского места, наклоняется над этим жужжащим осиным гнездом*) . Он подкуплен Англией!

Вадье , Он заставлял служить себе мессы!

Колло . Он шпионил за всей Францией, он и его полиция!

Вадье . Он собирался восстановить смертную казнь за богохульство!..

Публика на галерее присоединяется к беснующейся банде заговорщиков, крича, улюлюкая, грозя кулаками и завывая. Робеспьер, отесненный с трибуны, напрасно пытается подняться туда то по правой, то по левой лесенке. Укрепившись на нижних ступеньках, он простирает руки к Горе.

Робеспьер . Я взываю к вам, друзья! Неужели вы позволите посягнуть на свободу слова, на святость этой трибуны? Ведь это ваш голос стараются заглушить!

Депутаты Горы поднимаются с мест, вопят и шумят, но не отвечают, те, к кому в упор обращается Робеспьер, отворачиваются, делая вид, что не слышат, или злобно смотрят на него исподлобья. Леба, Кутон, Огюстен Робеспьер ожесточенно спорят с остальными.

Робеспьер . Измена! (*В отчаянье бросается на другой конец амфитеатра и взывает к представителям Болота.*) Вас, честные, достойные граждане, я призываю выступить против этих разбойников. У нас общий враг, и вы это знаете. Я защищал вас неустанно, я ограждал вас от ударов. Если враги восторжествуют, они беспощадно расправятся с вами.

Левые в бешенстве отесняют Робеспьера от скамей правых, осыпая его градом оскорблений. Правые — Сийес, Дюран-Майян, Буасси д'Англа и другие — сидят бесстрастно и неподвижно с каменными лицами, без единого жеста, скрестив руки на груди. Они смотрят перед собой невидящими глазами. Волнение Робеспьера нарастает, он устремляется к ступенькам трибуны, хочет взойти туда. На трибуне толкутся ораторы, наперебой требуя предоставить им слово, препираясь друг с другом. Билло на миг покрывает все голоса своими воплями.

Билло . Конвент под угрозой! Я требую объявить заседание непрерывным и не расходиться, пока меч закона не упрочит безопасность Республики.

Баррас . Я требую ареста Анрио и его штаба.

Бурдон . Арестовать Дюма!

Лекуантр . Арестовать Буланже!

Тальен . Арестовать Лавалетта!

Вадье . Арестовать Дюффресса!

Никто не осмеливается произнести имени, которое у всех на языке. В игре актеров должны угадываться эти опасения и недомолвки.

Робеспьер . Я требую слова! (*Тщетно пытается взобраться на трибуну, то по одной, то по другой лесенке; заговорщики грубо толкают его и стаскивают обратно.*)

Матьё Реньо (*к Карье, который злорадно смеивается*) . Дайте же ему говорить! Даже если он преступник, он имеет право защищаться.

Карье (*хихикая*) . В уме ли ты? Наконец-то мы поймали его. Крыса попалась и мечется

в крысоловке. Остается только ее прихлопнуть.

Матьё Реньо (*с омерзением отвернувшись от Карье, обращается к Барреру, который наблюдает за этой сценой как бы со стороны*) . Недостойная игра! Такой сильный противник, такой выдающийся человек имеет право на уважение. Его процесс должен вестись открыто, с соблюдением свободы обвинения и защиты. Иначе приговор будет недействителен. Баррер! Тебя послушают, скажи им это!

Баррер . Поздно! Будь то в моей власти, я скорее спас бы юношу. (*Указывает на Сен-Жюста, — тот в течение всей сцены стоит неподвижно, прислонясь к трибуне, застывший, как статуя, безразличный ко всему, что творится вокруг.*) Но все уже решено. Игра сыграна. Слишком долго дрожали они перед ним и теперь, сбросив с себя гнет страха, пойдут до конца и уничтожат его. Он обречен. Но и мы тоже. Возврата нет.

Матьё Реньо . Это позор для Конвента. Как? Неужели у нас не хватит сил ответить, опровергнуть его доводы, если он выступит?

Баррер . Ничего не поделаешь, друг мой! Улисс затыкал уши своим спутникам, чтобы уберечь их от пения сирен. Они поступают так же. Даже хитрее. Они затыкают рот самой сирене.

Матьё Реньо . Трусы! Мне стыдно называться человеком.

Баррер . Это у тебя впервые? При нашем-то ремесле!

Во время их диалога ярость в Конvente нарастает.

Робеспьер (*стоя на площадке у трибуны, под охраной Леба и Огюстена Робеспьера, откинув голову и прижимая руки к груди, как на рисунке Давида «Клятва в Зале для игры в мяч», кричит председателю Колло, — тот сидит, подперев кулаком подбородок; лицо его искажено злобной улыбкой*) . Председатель убийц!

Занавес падает, заглушая своим шумом его слова.

Занавес.

КАРТИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Занавес тут же подымается, открывая ложу на галерее для публики, расположенную над председательской ложей и трибуной. Зала не видно, но слышен гул толпы и голос Робеспьера, который заканчивает свою знаменитую фразу.

Робеспьер . Председатель убийц! В последний раз я требую слова!

Голос Колло ²¹. Ты получишь слово, когда придет твоя очередь.

Межан (*сидит в первом ряду ложи, рядом с Коллено и бандой мяскаденов, вооруженных дубинками. Возле них робко жмутся перепуганные буржуа*) . Болван! Неужели он так глуп, что даст ему слово?

Коллено . Это не всерьез. Они играют с ним, как кошка с мышью.

Межан . Ты плохо их знаешь. У них все еще не хватает духу с ним разделаться. Этих скотов в пот бросило со страху.

Коллено . Что они топчутся вокруг да около, чего юлят? Надоело! Требуют ареста Жана, Жерома, Жака, всей этой безвестной мелюзги! Пора бы взяться за крупную дичь, за

²¹ В действительности Тюрью уже сменил Колло на председательском месте. Но для театра это не имеет значения. Сценически наша версия оправдана. — *Р. Р.*

Робеспьера! Они ищут вшей у него в голове... Черт их дери! А давно пора бы и голову долой!

Один из зрителей, мелкий буржуа (*боязливо*) . А за что? Что он такое сделал, наш Робеспьер?

Межан (*пронзив его грозным взглядом*) . Твой Робеспьер? Стало быть, ты заодно с этим предателем?

Зритель (*испугавшись*) . Нет, нет! Я этого не говорил...

Коллено (*угрожающе.*) . А что ты говорил? Ты за кого?

Зритель (*сбит с толку*) . Я не знаю... Я ни за кого...

Коллено (*мюскаденам, которые грозно поднялись с мест*) . Ну-ка пустите в ход дубинки, вышвырните к чертям этого олуха!

Мюскадены хватают буржуа, невзирая на его вопли, и выталкивают за дверь.
Его соседи в ужасе уверяют, что они ничего не говорили.

Говорили или молчали, вам здесь не место! Убирайтесь вон!

Мюскадены очищают лужу.

Межан . Пора! Все как будто ждут сигнала.

Коллено . Они ждут Фуше. Этот пройдоха подвел нас всех. Уполз в нору.

Межан . Тем лучше. Он был нужен, чтобы открыть бал. А теперь мы обойдемся и без музыки. Он только стеснил бы нас.

Коллено . Да, рано или поздно пришлось бы от него избавиться. Он работал не только на красных, но и на себя самого.

Межан . Дурачьё! Завтра они у нас попляшут!.. А пока поддавай жару, накаливай докрасна.

Коллено . Хватит красного! Белое каление пожарче будет.

Межан . Слишком долго они топчутся на одном месте. Так можно сбиться со следа и упустить зверя... Пошлите ко мне Луше из Лозера. Нет! Лозо из Шаранты. Нет, погодите... (*Обращаясь к стражнику с дубинкой, в красном колпаке.*) Слушай, Фабриций! Спускайся в зал. Отзови в сторону Луше и Лозо. Сунь им под нос вот это. (*Дает ему какой-то значок.*) Ну, пошел! Живо! Сейчас самый подходящий момент.

Стражник уходит.

Коллено . А ты в них уверен?

Межан . Небось, уплачено наличными. Это наши люди.

Коллено . Да им грош цена. В Конvente их никто не знает.

Межан . Не велика беда. Их дело сказать слово, которого все ждут. А там уж его подхватит сорок глоток.

Коллено (*прислушиваясь к южному говору оратора, который разглагольствует на трибуне*) . Кто это там тараторит? Так и несет луком и чесноком!

Межан . Это Вадье, пожиратель попов. Он никак не может переварить Верховное существо. У него до сих пор отрыжка.

Коллено . Пускай ему дома рыгается. Только зря время отнимает.

Межан . Кажется, там внизу тоже выходят из терпения.

Снизу слышны крики: «К делу! К делу!»

Голос Тальена . Довольно, Вадье! Ты отклоняешься от главного.

Голос Робеспьера . Могу вам напомнить о главном!

Разные голоса . Да пусть он замолчит! Довольно!

Голос Луше (*запинаясь*) . Главное вот в чем... сейчас скажу... Я требую... ареста

Робеспьера!

Внезапно наступает мертвая тишина.

(Повторяет более уверенно, его поддерживает Лозо.) Мы требуем декрета об аресте Робеспьера...

Вся свора тотчас поднимает крик и вой.

Арестовать Робеспьера!

Межан и Коллено подхватывают крик в ложах для публики; публика присоединяет свои голоса к общему хору в зале.

Межан . Ату его! Ату его!

Коллено . Ну, вот!.. Наконец-то их прорвало!

Среди общего гама слышен охрипший голос Робеспьера; Робеспьер надсаживается, стараясь перекричать других.

Голос Робеспьера . Изверги! Вы не посмеете убить меня, не выслушав! *(Обращается к публике на трибунах.)* Народ, ты видишь это беззаконие! На помощь! Спасай Республику!

На трибунах отвечают воем и гиканьем.

Межан *(исступленно)* . Он хочет поднять народ против Конвента!

Коллено *(неистово)* . Арестовать его!

Голос Робеспьера срывается.

Голос из зала . Ага, подавился! Его душит кровь Дантона!

Голос Робеспьера . Труссы! Если вы мстите за Дантона, почему же вы его не защищали?

Раздается звонок председателя.

Голос Колло . Декрет об аресте Робеспьера принят!

Вой и рев одобрения.

Голос Огюстена Робеспьера . Я тоже ношу имя Робеспьер. Я и мой брат — одно целое. Я делил его славу, я хочу разделить его судьбу.

Голос Колло . Решено. Декрет об аресте обоих Робеспьеров принят.

Голос из зала . Арестовать Сен-Жюста и Кутона!

Голос Баррера . Не трогайте Сен-Жюста!

Голос Карно . Это почему? Куда волка, туда и волчонка!

Межан *(кричит)* . Bravo, Карно! Сен-Жюст опаснее всех!

Коллено . Ты только погляди! Ничем его не проймешь. Кругом бушует гроза, а он не шелохнется.

Межан . Экая жалость, что его нельзя купить... Придется его прикончить.

Голос Колло . Декрет об аресте Сен-Жюста и Кутона принят!

Голос Леба . Я не желаю позорить себя...

Голос из зала *(прерывая его)* . Эй, Леба, замолчи!.. О тебе и речи не было.

Голос Леба . Я не могу позорить себя этим гнусным решением. Я требую, чтобы меня тоже арестовали.

Смятение в зале. Возгласы за и против.

Межан . Есть же на свете дураки, которым не терпится умереть!

Голос Колло . Пусть будет по-твоему. Декрет об аресте Леба принят!

Робеспьер отбивается от наскоков и протестует.

Коллено . Как! Этот скот все еще смеет требовать слова?

Межан (*кричит*) . Замолчи, предатель!

Голос из зала . До каких пор Робеспьер будет командовать в Конвенте?

Голос Колло . Приказываем немедленно взять под стражу всех пятерых преступников...

Крики одобрения . Да здравствует Республика!

Голос Робеспьера . Республика погибла! Торжествуют разбойники!

Шум заглушает его слова.

Голос Бурдона . Ох, до чего же трудно свергнуть тирана!

Межан . Двести против одного! И они еще чванятся! Слышишь? Уже требуют лаврового венка!

Коллено . Что ни говори, а кинжал не так надежен. Чтобы прикончить врага, нет ничего лучше такого собрания. Как навалятся всей тяжестью, так и задавят человека насмерть. Даже крови не видно.

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТАЯ

Занавес падает и тут же подымается снова. Виден широкий коридор, нечто вроде фойе, прилегающего к залу заседаний. Сквозь отворенную дверь доносится рев толпы; в глубине видна часть амфитеатра с опустевшими депутатскими скамьями. В дверях непрерывно теснится беспорядочно движущаяся толпа, и на освещенной стене отражаются как бы китайские тени. Входят пятеро арестованных депутатов. За ними следуют растерянные и смущенные стражники. Впереди, высоко подняв голову, идет Сен-Жюст, Леба держит его руку в своей руке. За ними удрученный Робеспьер; брат говорит ему что-то. Кутон, которого несут стражники, шутит с ними.

Кутон (*стражникам*) . Ведите же нас, господа жезлоносцы! Вам приказано нас арестовать.

Стражники . Прощенья просим, граждане. Сами не знаем, что и делать.

Кутон . Разве вы не слышали приказа председателя?

Стражники . Дело-то какое! Просто не верится. Может, мы ослышались? Может, вышла ошибка?

Кутон . А все-таки медлить не годится. Или нас надо арестовать, или председателя. Что-нибудь одно.

Стражники . Коли так... просим разрешения у гражданина Робеспьера...

Кутон . Он разрешает. Ну, скажи им, Максимилиан!

Робеспьер (*еще не оправившись от потрясения, вызванного недавней сценой*) . Республика, отечество — все погибло. Все наши надежды на силу разума, на добродетель, справедливость рухнули. Человечество обречено на гибель.

Кутон . У человечества еще много времени впереди. А у нас времени в обрез. Однако, какой бы приговор ни угрожал человечеству, Максимилиан, мы, к счастью, пока еще не осуждены.

Робеспьер (*овладев собой*) . Нет. Пока еще нет. Ты прав. Еще не все решено.

Огюстен Робеспьер . Марат тоже был арестован. Он защищался и добился оправдания.

Кутон . Главное, мы должны строго соблюдать закон. Ведь закон охраняет нас.

Робеспьер . Да, нашим врагам было бы на руку, если бы мы нарушили закон. (*Стражникам.*) Чего вы ждете, граждане? Арестуйте нас.

Стражники . Коли на то твоя добрая воля, гражданин, объявляем тебя арестованным. Уж ты прости!

Робеспьер . Вы исполняете свой долг. Это похвально.

Пока стражники исполняют связанные с арестом формальности, Сен-Жюст и Леба, не обращая внимания на окружающих, дружески беседуют.

Сен-Жюст . Ты сам отдался им в руки, а ведь даже эти изверги готовы были забыть о тебе.

Леба . Неужели ты считал меня способным снести подобное оскорбление — воспользоваться их забывчивостью?

Сен-Жюст . Нет. Я знал, что ты, как и в прежних битвах, всегда будешь рядом со мной.

Леба . Отчего не дано мне, как и в прежних битвах, защищать тебя своим телом?

Сен-Жюст . Ты погубишь себя, друг, а меня не спасешь.

Леба . На что мне спасение, если я спасусь один? Раз невозможно спастись вместе, погибнем вместе!

Сен-Жюст . Для меня это значит погибнуть дважды.

Леба . Живой или мертвый, я не расстанусь с тобой.

Сен-Жюст . О мой Пилад! (*Обнимает его.*) Но у Пилада не было, как у тебя, молодой жены и ребенка. Он не приносил их в жертву.

Леба . Эта жертва — лучший дар моему сыну. Наши страдания станут радостью и славой для наших детей.

Сен-Жюст . Ты прав. Среди бурь и ураганов бросим якорь в будущее.

Стражники (*подходя к ним*) . Граждане. Сделайте милость, перейдите в соседний зал.

Пятеро арестованных послушно следуют за ними. Из глубины коридора, стоя у дверей в зал заседаний, за ними наблюдают Баррас, Межан и Коллено. Как только осужденные удаляются, они выходят на авансцену.

Межан . Они что-то чересчур уж спокойны. Что они замышляют?

Коллено . Не все ли равно? Они у нас в руках.

Межан . Мы еще не содрали с них шкуры. Я им не доверяю. Ты заметил, как сразу остыла ярость Робеспьера? Видно, они еще надеются улизнуть.

Баррас . Опаснее всего дать им возможность предстать перед народным трибуналом.

Межан . Можно обойти законный путь; надо постараться, чтобы они сами доставили нам повод объявить их вне закона.

Баррас . Они не пойдут на это добровольно.

Межан . Ничего, мы им поможем.

Баррас . Угадываю твою мысль! Пожалуй, не так уж трудно сыграть на усердии безмозглых сторонников Робеспьера. Они только и ждут сигнала.

Межан . Надо разжечь ярость Коммуны. Это совсем просто. Кофейник бурлит на огне. А присматривать за ним некому.

Баррас (*один из агентов шепчет ему что-то на ухо*) . Мне доносят, что в секции Пик и в секции Санкюлотов²² народ вооружается и идет сюда с криком «На Конвент!»

Межан . Они предупреждают наши желания. Пустим им на подмогу Анрио!

Баррас . Стоит помахать у этого быка перед носом красным лоскутом, и он сам ринется на нож.

Межан . А кто же будет тореадором?

Баррас . Это уж я беру на себя.

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вечер 9 термидора, между девятью и десятью часами. Еще светло. На небе собираются зловещие тучи с багровым отблеском. Площадь перед Ратушей. На площади, у набережной, волнуется и шумит большая толпа. Многие вооружены. Прерывисто бьет в набат тонким дребезжащим звоном колокол Ратуши. Из окна второго этажа кто-то громко кричит: «Народ, подымайся! Восстань против бесчестного Конвента!»

Симон Дюпле (*вооружен*) . Сюда, секция Пик! Мы готовы к выступлению.

Рабочие и буржуа секции Пик . Они посмели поднять руку на нашего Робеспьера!

— Смерть им!

— Сотрем их с лица земли, чтобы даже памяти о них не осталось!

— А кто же они?

Симон Дюпле . Вот список изменников, врагов народа, которых Коммуна постановила арестовать. (*Читает.*) Колло, Карно, Вадье, Фуше, Тальен, Бурдон, Фрерон...

Остальные имена тонут среди шума и гомона.

Списки читают хором, перебивая друг друга:

— Здесь кое-кого недостает: Билло, Баррера...

— Весь Конвент надо вымести метлой!

Симон Дюпле . Верно! Вот и пойдем на них с вилами и метлами!

Подходят отряды двух секций.

Командир одной секции . Вот вилы!

Командир другой . А вот и метла!

Симон Дюпле . Секции Обсерватуар и Санкюлотов, как всегда, самые доблестные и верные.

Командиры секций . Мы бросили все и по первому зову явились сюда.

Симон Дюпле . Сплотимся! Построимся в две колонны. Одна пойдет в атаку по набережной, другая — по улице Сен-Мартен.

Командир одной из секций . Нет, нам дан приказ оставаться на площади и охранять Ратушу.

Симон Дюпле . Для охраны достаточно двух секций. Лучшая тактика при обороне — нападение. Прежде всего сделаем переключку.

Командиры секций . Из сорока восьми секций только девятнадцать явились принести

²² Секция Пик — на Вандомской площади. Секция Санкюлотов — Ботанический сад. — *P. P.*

присягу.

Симон Дюпле . Кто эти трусы? Кто уклонился?

Голоса секционеров . Западные секции отсутствуют поголовно.

Симон Дюпле . Ну еще бы! Подлые буржуа! Толстосумы, тюфяки проклятые... Ничего, завтра они за это поплатятся.

Голоса секционеров . Недостает секции Ом-Арме из квартала Марэ.

Симон Дюпле . Это секция Тальена, проклятого разбойника.

Голоса секционеров . Мы решили ударить в набат в соборе Парижской Богоматери, а секция Ситэ не позволила.

Симон Дюпле . Нечего было спрашивать у них разрешения!

Голоса секционеров . Хуже того: не явились секции Мэзон Коммюн, Гравилье и Арсис.

Симон Дюпле . Измена! Как? Рабочие с улицы Сен-Мартен и набережной Пелетье, бешеные, которые по сигналу тревоги всегда первыми шли навстречу опасности, неужто они трусили, забились в свои норы?

Голоса секционеров . С тех пор, как у них отняли Жака Ру и Папашу Дюшена, они затаили обиду на Робеспьера.

Симон Дюпле . Дурацкие обиды! Сами себя губят... Ну, ладно, обойдемся без них. За нас народ, сердце Парижа, предместья Антуан и Марсо.

Голоса секционеров . Не больно-то ручайся! Оба предместья ненадежны. Если Санкюлоты и пойдут за нами, то секции Монтрейль, Попенкур, Финистер и Гоблен с места не двинутся.

Симон Дюпле . Да они рехнулись! Не понимают они, что ли, что этой ночью решается их судьба, судьба всего народа!

Командир одной из секций . Послушай, Симон, мы уж и сами не пойдем...

Симон Дюпле . Как? Чего не поймете?

Командир . Все запуталось, такая неразбериха! Одни стоят за то, те за другое... А при чем тут народ, еще неизвестно!

Симон Дюпле . Вспомните, что в течение всех пяти лет Революции всюду, где был Робеспьер, он защищал дело народа! Разве не ясно?

Командир . Так-то оно так... да ведь и другие стояли за нас. А где они? Две трети посланы на гильотину. А те, что остались, уничтожают друг друга. В такой свалке не разберешь, за кем идти.

Симон Дюпле . Как вы можете хоть минуту колебаться между продажным Конвентом и нашим Неподкупным? Это вы-то, секция Кенз-Вен, старая гвардия!

Голоса секционеров Кенз-Вен . Наше решение твердо. И сейчас не поддадимся!

— Никого и ничего мы не признаем, кроме Республики, единой и нерушимой!

Симон Дюпле . Это похвально. Но настал час выбора. Или Коммуна, или Конвент!

Голоса секционеров . И Коммуна и Конвент. Не желаем Коммуны без Конвента.

Симон Дюпле . Стало быть, вы уперлись, точно осел меж двух охапок сена, — ни туда ни сюда! Таким «твердым решениям» грош цена!

Командир одной из секций (вполголоса) . Оставь их в покое! Если ты принудишь их выступить, еще неизвестно, на чью сторону они переметнутся. Враги давно мутили народ в предместьях. Пускай уж лучше соблюдают нейтралитет.

Симон Дюпле . Тогда пойдем одни! Решает дело не количество, а быстрота и стремительность. Надо ударить сразу и крепко. Вперед! На Конвент!

В ту минуту, когда секция Симона и две-три верные ему секции собираются выступить, на площадь с грохотом въезжают канониры Кофиналя, во главе их, верхом на лошади, пьяный Анрио.

Канониры (секционерам, которые маршируют к набережной) . Вы куда?

Симон Дюпле . На Конвент!

Канониры . Опоздали! Мы только что оттуда. Сорвалось!

Симон Дюпле . А кто виноват?

Кофиналь . Вот этот пьяница! *(В бешенстве указывает на багрового и смущенного Анрио, который едва держится в седле.)* Его связали, как овцу, и заперли в Комитете общественной безопасности. Мы вышибли дверь и освободили его. И зря. Уж пусть бы там подышал! С утра нализался. Когда мы ворвались туда, изменники растерялись, — можно было захватить всю шайку в самой берлоге. А этот пьянчуга вдруг приказал отступить к Ратуше!

Анрио *(хныча, еле ворочает языком)* . Зря ты, Кофиналь, меня попрекаешь... Слушай... Я все объясню.

Кофиналь . Нечего тут объяснять. Ты просто трус!

Анрио . Да пойми ты, черт эдакий, говорят тебе, я получил приказ вернуться сюда и защищать Коммуну.

Кофиналь . Но раньше, балбес, надо было разгромить Конвент! Ты мог захватить их голыми руками. Они там голову потеряли. Всех бы разом и уволокли.

Анрио . Верно, верно, Кофиналь, ты прав... Ну что ж, повернем обратно!

Кофиналь . Станут они тебя дожидаться! Наверное, давно уж спохватились. Вызвали на помощь своих «молодых патриотов» из лагеря Саблон. Теперь к Тюильри не прорваться.

Анрио . Что же я наделал? Я и сам не понимаю!

Кофиналь . Дурья голова! У тебя мозги набекрень. Ты и в седле-то еле держишься.

Анрио . Врешь, я крепко держусь... *(Шатаясь в седле.)* Это моя кляча спотыкается.

Кругом смеются.

Кто там зубы скалит? Сукины дети! Всех в полицию засажу... Командир я вам или нет? *(Размахивает саблей и роняет ее на землю. Удрученный, начинает хныкать.)* Правда, у меня туман в голове, того гляди с лошади свалюсь... Как скотина, нализался, наклюкался, назюзюкался... Простите меня, товарищи, честь свою потерял... Застрелюсь... *(Канонирам.)* Ребята, вы же знаете: нет у меня привычки напиваться... Но теперь такая жара, да еще гроза никак не разразится... Подохнуть можно... Вот и не удержался... свихнулся... Не достоин я быть вашим командиром.

Канониры . Ну, ладно, ладно... С кем не бывает! Поди окуни голову в воду. *(Стаскивают Анрио с лошади и ведут к водоему.)*

Анрио окунает голову в воду. Потом выпрямляется, отряхиваясь, и тарашит глаза.

Анрио . Клянусь, с этой минуты буду пить только воду... *(Фыркает и плюется.)* Бррр! Мерзость какая! Зато пришел в себя. Канониры! Подвезти орудия, держать под прицелом все выходы с площади. Нам поручена оборона Коммуны. Я пойду за распоряжениями.

Кофиналь . А Робеспьер уже прибыл?

Симон Дюпле . Нет. Нет еще. Он отказался принять делегацию, которая просила его покинуть тюрьму. Сейчас послали вторую.

Кофиналь . Что с ним? Какие ему еще нужны просьбы?

Симон Дюпле . Он не хочет нарушать закон. Воображает, будто враги тоже будут соблюдать законы и дадут ему защищаться по всей форме перед трибуналом.

Кофиналь . Как же, ждидайся! Они давно его подстергали, теперь уж не упустят. Сейчас не до судов ни им, ни нам, — сейчас или мы их истребим, или они нас.

Анрио . Я уже наткнулся на отказ, когда хотел освободить его в Комитете. Нельзя терять времени на споры. Надо просто ворваться в тюрьму и увести его силой.

Симон Дюпле . Силой от Максимилиана ничего не добьешься. Надо, чтобы он решил сам.

Кофиналь . Ничего, он окажется перед свершившимся фактом. Ради него мы

поставили на карту свою жизнь. Поздно брать ставку обратно. Теперь он не вправе отречься от нас.

Симон Дюпле . И не отречется. Брат его уже здесь, в Ратуше. А вон идет Леба.

Крики в толпе . Да здравствует Леба!.. И его славная женка!

Симон Дюпле . Молодец! Он сам потребовал ареста, хотя эти разбойники готовы были забыть о нем.

Под приветственные возгласы выходит Леба, обнимая Элизабету. С другой стороны рядом с ним идет Анриетта.

Элизабета . Слышишь, слышишь, как радостно тебя встречают?

Анриетта . И тебя тоже, сестренка.

Элизабета . Спасибо вам, спасибо! (*Посылает в толпу воздушные поцелуи. Обернувшись к Леба.*) Какое счастье, что ты свободен! Я знала, что злодеи будут посрамлены... Как все нас любят! Все тебя любят!.. Почти так же, как я... Ах, какие молодцы! Освободили тебя из тюрьмы! А как извинялся тюремщик, как уверял в своей преданности! А те грозились разнести тюрьму, не оставить камня на камне... Когда же они узнали, что я твоя жена, а она — сестра, они стали такими ласковыми, приветливыми... «Ах, гражданка, — говорят они, — пускай нас хоть на куски изрубят, но мы не допустим, чтобы тронули нашего Леба, нашего Сен-Жюста, нашего Максимилиана! Мы себе покоя не найдем, покуда не отомстим их подлым врагам!..»

Леба . Они славные ребята, только бестолковые. Уж лучше бы они оставили нас там.

Элизабета . Как? В тюрьме? Неблагодарный! Как тебе не стыдно!

Анриетта . В чем ты винишь своих спасителей?

Леба . Мое положение и положение моих товарищей было лучше, или, вернее, не так безнадежно, пока они не вмешались.

Анриетта . Почему же?

Леба . Пока мы не выходили из рамок закона, врагам было трудно с нами расправиться. Мне ничего не стоило расстроить их козни. Теперь же мы поступили противозаконно, и они не обязаны с нами считаться. Значит, преимущество на их стороне: мы поставили себя вне закона.

Элизабета . Ну и что же?

Леба (*не желая объяснить*) . Ничего. Не стоит говорить об этом. Словами не поможешь.

Элизабета (*не поняв*) . Чему не поможешь? Ты же свободен! Вернемся домой!

Леба . Нет, дорогая. Именно сейчас надо отстоять Свободу, которую нам возвратили. Я приду домой не раньше, чем битва будет выиграна.

Анриетта (*тихо*) . А ты убежден, что она будет выиграна?

Элизабета . Не понимаю! Зачем же еще сражаться, когда весь народ за тебя?

Леба . Хорошо, если бы так!

Анриетта (*вполголоса*) . Филипп! Скажи мне: разве ваше положение опасно?

Леба (*вполголоса*) . Положение серьезное. Скорее возвращайтесь домой, дорогие мои! Анриетта! Поручаю ее тебе. (*Указывает на Элизабету.*)

Анриетта . Позволь нам подождать тебя в Ратуше.

Леба . Нет, нет, не теряйте времени! С минуты на минуту Ратуша будет оцеплена. Торопитесь, пока путь еще не отрезан.

Элизабета . Пускай будет отрезан! Мы же все вместе. И останемся вместе.

Леба . Здесь для вас опасно. Вспомни нашу поездку в Эльзас. Я не мог взять тебя и Анриетту с собой в лагерь. И вам пришлось вернуться к себе. Отведи ее домой, Анриетта. Элизабета, сердце мое! Твое место около нашего малютки. Если все кончится благополучно, я вернусь к утру. Что бы ни случилось, поручаю вас друг другу и вам обоим поручаю ребенка. Если же... мало ли что может случиться... берегите его, не дайте ему изведать

чувство ненависти: этот яд отравляет человека, от него гибнет наша прекрасная Революция!.. Скажите моему сыну, что его отец всегда стремился уберечь себя от этой отравы. Внушите ему любовь к родине! Не сетуйте на меня, дорогие, что я всегда любил отчизну сильнее, чем вас! Зато я люблю вас гораздо больше, чем себя самого.

Элизабета . Ах, значит ты не любишь меня! Ты должен любить меня больше всего на свете. А больше, чем себя, — этого мало.

Леба *(улыбаясь)* . Мало?

Элизабета *(обнимая его)* . Нет, много. Ты для меня все... Ну зачем только родина отнимает у меня любимого?.. Ненавижу ее!

Леба . Нет, дружок, люби ее всем сердцем, если любишь меня. Ведь родина — это я, это ты, это все, что мы любим, о чем мечтаем, все, что останется, когда нас уже не будет на свете. Родину зовут матерью, а ведь она наше дитя...

Элизабета . Наш дорогой малыш! О да, защищай его, я тоже буду его защищать.

Появляется Сен-Жюст. Подходит сзади и кладет руку на плечо Леба.

Сен-Жюст . Привет, друг!

Леба . Сен-Жюст! Тебя тоже тюрьма не приняла?

Сен-Жюст . Да! Судьба торопит нас. Мы не сумели управлять ею. Что ж, она поведет нас за собой.

Леба . Куда же?

Сен-Жюст . Если отдаешь себя в руки судьбы, все уже наполовину потеряно.

Леба . А быть может, мы одолеем судьбу?

На башенных часах бьет одиннадцать.

Сен-Жюст . Мы узнаем об этом еще до наступления полуночи. Прощайте, Анриетта. Не жалеете ни о чем. Вы видите, нам было отпущено слишком мало времени. Я не мог дать вам счастья.

Анриетта . Я и не хочу счастья. Я хочу разделить вашу судьбу, какова бы она ни была, — и здесь и в вечности. В этом вы не можете мне отказать.

Сен-Жюст . Ну что ж, пусть будет так. Вы достойный друг. И простите меня — ведь я хотел уберечь вас от своей злосчастной судьбы. *(Долго глядит ей в глаза, потом порывисто целует в губы и быстро уходит.)*

Леба, вырвавшись из объятий Элизабеты, следует за Сен-Жюстом. Оба в одно мгновение исчезают в толпе. Женщины остаются одни. Анриетта стоит, безвольно опустив руки, вся трепещущая, прерывисто дыша, с блуждающим взглядом. Элизабета дотрагивается до ее плеча.

Элизабета . Анриетта!.. Милая, приди в себя! Пойдем домой! Теперь уже я поведу тебя. *(Насильно уводит ее в сторону набережной.)*

Анриетта все еще не может произнести ни слова. В толпе начинается ропот.

Толпа . Какого черта мы толчемся здесь, на площади?

— Ну как? Выступаем? Или ночевать здесь будем?

— Еще нет приказа.

— Куда это запропастился Кофиналь с нашим пьянчугой?

— Они пошли в Ратушу. Бросили нас здесь — поступайте, мол, как знаете!

— Неужто нам всю ночь здесь торчать?

— Секции Мюзеем давно уже был дан приказ разойтись по домам. Коммуна, правда, запретила им это, но они, один за другим, давай удирать с площади! Я сам видел.

— Я бы тоже дал тягу, кабы только Симон отвернулся. *(Пытается улизнуть.)*

Симон Дюпле . Эй, ты, не выходи из строя! Куда пошел?

Секционер . Помочиться.

Симон . Помочишься тут, в строю.

Секционер . Совестно.

Симон . Ну, секцию Пик этим не испугаешь.

Секционер . Слушай, Симон! Чего ради мы торчим на площади? Делать нам здесь нечего. Только стоим зря. Уж лучше бы подождать в кабачке на углу, если что случится — прибежим. У меня в глотке пересохло.

Симон . Ступай к фонтану. Испей водицы, как Анрио.

Секционер *(с презрением)* . Не мужское это дело. Для нас вода не подходит.

Симон . А для кого же она подходит?

Секционер . Для скотины.

В глубине сцены толпа начинает волноваться и шуметь. Слышны возгласы и угрозы.

Симон *(оборачивается, стараясь разглядеть, в чем дело)* . Что там случилось?

Голос . Робеспьер идет!

Второй голос . Давно пора! Решился-таки наконец!

Симон . Что они там кричат? *(Забыв о своем приказе, расталкивает толпу и бросается вперед, чтобы увидеть Робеспьера. Отсутствует всего несколько секунд.)*

Семпроний . Живее, не зевай! Вы как хотите, а я удеру... Довольно с меня! Жена ждет, бегу домой... *(Убегает.)*

Сципион . А я пойду промочить горло. *(Убегает.)*

Эпаминонд . Погоди, и я с тобой. *(Хочет убежать.)*

Симон возвращается и сразу замечает исчезновение секционеров.

Симон . Кто улизнул? Семпроний... Сципион... Вот скоты! Отвернуться нельзя... Стой, ты куда! Эпаминонд, вернись-ка в строй! Неужто вам не стыдно?

Слышны невнятные крики.

Секционер . Что это они орут?

Симон . Ну и люди! Подлое отродье! Родились на свет рабами, рабами и умрут. Не стоит и освобождать их.

Секционер . Кого это ты честишь?

Симон . Когда Робеспьер появился, нашлись подлецы из рабочих, которые, вместо приветствия, заорали ему: «Долой! К черту твердые ставки!» Его освистали... Им наплевать на Свободу. Ни до чего им дела нет, кроме своего кармана.

Секционер . Есть-то всем хочется.

Симон . Пускай потерпят, черт подери! Не жалко подтянуть пояс потуже, чтобы выиграть великую битву за счастье. Эх, да никто из вас на это не способен. Все вы готовы продать будущее за несколько лишних грошей.

Секционер *(прибегая с набережной)* . Симон, Симон! На нас идут две колонны войск Конвента, одна по набережной, другая по улице Сент-Оноре. Ведут их Бурдон и Фрерон, а командует Баррас.

Симон . Идем наперерез. Секция Санкюлотов строит баррикады на улицах Эпин, Ваннери и Таннери. Секция Обсерватуар охраняет ворота Ратуши. А мы, секция Пик, марш по набережной, атакуем их в лоб!

Секционеры разбиваются на три отряда и расходятся по указанным

направлениям. На набережной начинается давка; толпа в панике отступает.

Толпа (*отпрянув*) . Идут! Идут!

— Путь отрезан!

— Живо! Бегите в другую сторону!

Симон (*останавливая беглецов*) . Где вы видели войска?

Голос . Возле моста Шанж.

Симон . Кто ими командует?

Голос . Леонар Бурдон. Во главе идет секция Гравилье.

Симон . Проклятые изменники! А что у тебя в руках? (*Выхватывает у него листок.*)

Голос . А ну, Симон, почитай-ка! Они расклеивают такие листки на стенах и выкликают на перекрестках под барабанный бой.

Симон (*быстро читает*) . «Декрет департамента города Парижа. Объявляются вне закона: Анрио, Флерио-Леско, Робеспьер, Коммуна»... Ладно, молчи. Никому ни слова! Вне закона? Мы сами объявим их вне закона.

Вбегают, запыхавшись, Анриетта и Элизабета.

Симон . Как? Вы здесь, сестренки! Я думал, вы уже дома.

Анриетта . Нас оттеснили. Дорога к набережной отрезана.

Симон . Скорее! Бегите по улице Кокиль и Верри. Не теряйте ни минуты. Я не могу проводить вас. Ты умница. Анриетта, позаботься о Лизетте. Бегите! (*Спешит в сторону набережной догонять свой отряд.*)

Элизабета . Мне страшно! Мне страшно! Ох, Анриетта, кто эти вооруженные люди?

Анриетта . Это отряды Конвента.

Элизабета . А кто эти трое, такие страшные, в шарфах? Они ехали верхом и кричали.

Анриетта . Я узнала их: это Бурдон, Баррас и Фрерон.

Элизабета . Они точно взбесились — звери, а не люди... А что они кричали?

Анриетта . Не знаю.

Элизабета . Я расслышала имена наших любимых... Зачем они их называли?

Анриетта . Не знаю.

Элизабета . Они орали: «Вне закона!» Что это значит?

Анриетта . Не знаю.

Элизабета . Неправда, знаешь... Скажи!

Анриетта . Пойдем отсюда! Нам нельзя мешкать.

Элизабета . Скажи, что это значит: «вне закона»?

Прохожий (*пробегая мимо, слышит ее вопрос*) . Это значит, красотка, что им крышка!

Элизабета (*вскрикнув*) . Я не хочу!.. Нет, нет, я не уйду отсюда! Я хочу к ним!

Анриетта (*увлекая ее за собой*) . Мы должны исполнить их волю. Они велели нам идти домой. Мы не имеем права ослушаться.

Прохожий (*пробегая мимо*) . Бегите со всех ног на улицу Тиссандри. Путь через Сен-Мерри отрезан.

Анриетта (*увлекая за собой Элизабету*) . Бежим! Мы должны спасти твоего ребенка.

Убегают налево в глубь сцены. Площадь быстро пустеет. Накрапывает дождь.

Канониры Кофиналя (*задрав головы*) . Наконец-то освежимся. Хоть сверху закапало.

— Долго же мы дожидались!

— Ишь ты, видно бочка на небе треснула.

— Так бы и растянулся на мостовой кверху брюхом и насосался вволю!

— Ну нет, уж если пить, так лучше из винной бочки.

Сверкает молния, раздается сильный удар грома.

- Ишь, как запукало Верховное существо!
- Это чертов боженка Робеспьера палит из пушек в его честь.
- Ай да ливень, как хлещет! Не укрыться ли нам под навес?
- А на кого пушки бросим?
- А мы присматривать будем из кабачка. Пушки дождем помочит, а мы глотку промочим.

Убегают вправо, в сторону кабачка. Темнеет.

Кюфиналь (*выходит из Ратуши*) . Где же мои канониры? Ах, проклятые! (*Догоняет убегающих канониров и хватает первого попавшегося.*) Чертовы свиньи! Куда ты удираешь? Вернись сейчас же!

Канонир . Да ведь дождь идет...

Кюфиналь . Подумаешь, беда какая! Сукины вы дети! Растаять боишься, что ли? (*Обернувшись, кричит офицеру, который сопровождает его.*) Не видно ни черта! Обрадовались темноте и удрали. На площади черно, как в погребе... Велика осветить фасад.

Офицер убегает, и через минуту весь фасад здания Ратуши озаряется огнями, но при свете еще заметнее становится, как безлюдна площадь. Сильный дождь. Поблескивает булыжник мостовой. Кюфиналь оглядывается.

Все улизнули, как крысы... погоди, я их вытащу из нор! (*Бежит в сторону кабачка.*)

В эту минуту на площадь, под проливным дождем, стремительно въезжает Кутон в своем высоком кресле на колесах²³.

Вцепившись в рукоятки, он вращает их с невероятной быстротой, оглашая всю площадь скрипом и треском. Он мчится, подавшись всем телом вперед и стиснув зубы. По бокам бегут два жандарма (Мюрон и Жавуар), крича: «Дорогу! Дорогу!» Страшный удар грома. Трехколесное кресло Кютона, наткнувшись на ступени Ратуши, внезапно останавливается под высокими ярко освещенными окнами второго этажа. Башенные часы бьют час ночи.

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ратуша. Небольшой зал Равенства. Ночь с 9 на 10 термидора, между часом и двумя пополудни, после ливня. В центре, за столом Исполнительного совета Коммуны, между мэром Флерио-Леско и прокурором Коммуны Пэйаном, сидит Робеспьер. Против него, по другую сторону стола, сидит в своем кресле Кутон, который только что прибыл²⁴. Огюстен Робеспьер стоит за спиной брата, склонившись над бумагами, которые тот держит в руках. Сен-Жюст сидит в конце

²³ Смотри в муниципальном музее Карнавалé большое кресло с высокими подлокотниками, обитое лимонного цвета бархатом, с подставкой для ног и вращающимися рукоятками, наподобие ручной мельницы, рукоятки соединены с зубчатой передачей, приводящей в движение колеса, два больших передних и маленькое заднее; кресло тяжелое, деревянное, трехколесное. — *P. P.*

²⁴ Робеспьер сидит лицом к публике, Кутон — спиной или вполборота. — *P. P.*

стола с задумчивым видом, не принимая участия в споре. Леба, подойдя к окну и раздвинув занавеси, смотрит на освещенную площадь. Зал находится во втором этаже, над рампой. Окна растворены настежь. Слышно, как журчит дождевая вода. Расстегнув сюртуки, все тяжело и жадно дышат. Все смертельно устали. Последующие реплики подают несколько членов Исполнительного совета Коммуны, исключая Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

— Дождь идет!.. Давно пора!.. Какая прохлада!

— Наконец-то можно дышать!

— Только теперь чувствуешь, как мы смертельно устали за день.

— Сил больше нет! Прямо с ног валишься... Прилечь бы...

— Будь что будет...

— Нет, нет! Надо держаться.

— Заснуть бы хоть на часок! Хоть на четверть часа!

— Ни на минуту! А то все пропало. Заснешь и не проснешься.

Огюстен Робеспьер (*склонившись над братом*) . Ну, Максимилиан, нельзя больше медлить, подпиши.

Флерио-Леско . Мы упускаем из рук Париж. Мы даром теряем время.

Пэйан . В десять часов вечера здесь собрались комиссары двадцати семи секций из сорока восьми. Они явились за распоряжениями. Мы не могли отдать приказ без тебя. Мы прождали тебя целых два часа. Они устали и разошлись по домам.

Леба (*у окна*) . Площадь опустела. Дождь разогнал толпу. (*Подойдя к Сен-Жюсту.*) Сен-Жюст! Вокруг Ратуши нет охраны. Канониры бросили свои орудия. Пойдем со мной, проверим оборону.

Сен-Жюст (*не двигаясь*) . Бесполезно. Чтобы обороняться, надо нападать.

Леба . Что же делать?

Сен-Жюст . Ничего. Слишком поздно.

Пэйан (*Робеспьеру*) . Мы было арестовали штабы двух подозрительных секций. Мюзеем и Друа-де-Л'ом. Но Анрио упустил их. Они разбежались.

Флерио-Леско . Мы хотели ударить в колокол собора Парижской Богородицы. Секция Ситэ отказала нам в этом! Напрасно мы зывали к ним. Только твоим именем, Максимилиан, можно поднять народ Парижа. Кликни клич, обратись к народу.

Огюстен Робеспьер . Подпиши воззвание! Воззвание к народу!

Кутон . Этого мало. Теперь уже этого недостаточно. Что это за народ, который бросает поле битвы, испугавшись дождя? Обратись с призывом к войскам.

Робеспьер . Никогда! Я отказываюсь отдать Республику во власть военного деспотизма.

Кутон . Республика не отказывается от помощи своих генералов, когда надо защищаться от внешних врагов.

Робеспьер . Республика погибнет в тот час, когда разрешит своим войскам вмешаться в гражданскую борьбу.

Кутон . Она погибнет, если мы допустим ее гибель. (*Внезапно его сводит судорога.*)

Леба (*подбежав к нему*) . Что с тобой?

Кутон . Не могу больше. Голова кружится, в висках точно молотком стучит... В глазах темно... Держись, жалкая кляча!

Огюстен Робеспьер (*брату*) . Победить любой ценой! Подпиши воззвание к народу!

Робеспьер . От чьего имени?

Флерио-Леско . От своего.

Робеспьер . Я только слуга Республики, только один из ее представителей в Конвенте, в числе трехсот других.

Огюстен Робеспьер . Ну так от имени Конвента!

Робеспьер . Конвент умер. Никто не в силах его возродить.

Леба . Тогда от имени французского народа!

Робеспьер . Народ должен сам поручить мне это, а не вы.

Леба . Народ — это мы!

Робеспьер . Мы — этого недостаточно.

Кутон (*взяв себя в руки*) . В Лионе мы были в худшем положении, и все-таки я нашел выход. Надо действовать решительно и разить молниеносно. Я готов действовать. Упорнее вас всех я противился призыву Коммуны выйти из тюрьмы. Я полагал, да и теперь считаю, что мы совершили крупную тактическую ошибку: мы первыми нарушили закон. Но коль скоро решение принято, отступать поздно. Надо собрать все силы и довести дело до конца. Если Конвент объявил нас вне закона, мы должны выбить меч закона из рук Конвента. Следуй за мной, кто хочет! Я, жалкий, безногий калека, я пойду во главе патриотов, во главе канониров Кофиналя, я поведу их на Конвент!

Огюстен Робеспьер . Я с тобой. Идем!

Пэян . За нами пойдут все секции, которые остались нам верны. Обсерватуар, Санкюлоты...

Леба . Слово за тобой, Сен-Жюст! Отчего ты молчишь?

Сен-Жюст . Я пришел сюда не для того, чтобы говорить, а для того...

Леба . Чтобы действовать?

Сен-Жюст . Нет, Леба, чтобы умереть. Время действовать упущено. Вы не сумели или не захотели им воспользоваться. Мы сами дали себя обезоружить.

Кутон . Ты тоже несешь ответственность за это, Сен-Жюст! Четыре дня назад по твоему приказу были отправлены в Северную армию лучшие, самые верные войска парижского гарнизона.

Сен-Жюст . Я признаю свою вину. Я виноват в том, что взывал к вашей доброй воле. Я полагал своим долгом установить мир в Комитете, в последний раз уговорить противников пойти на соглашение. Ни вы, ни они не сдержали обещаний. Я и сам, подписывая соглашение, не питал особых надежд. Но это было последнее средство, раз никто из вас, боясь обесславить себя, не соглашался сделать единственный шаг, который мог спасти Республику.

Кутон . Что ты имеешь в виду?

Сен-Жюст . Диктатуру. Нам следовало, как римлянам в годину испытаний, сосредоточить всю власть, гражданскую и военную, в руках одного человека, доверить ему разящую секиру Республики. За несколько месяцев, быть может даже недель, он сумел бы уничтожить стоглавую гидру заговора и мятежа, сокрушить все преграды на славном пути Революции. Выполнив свою миссию, вновь введя могучий поток Революции в его державное русло, этот человек сам сложил бы к вашим ногам окровавленную секиру, и вы сломали бы свое оружие.

Робеспьер . Нет! Пока я жив, ни один человек, как бы надежен он ни был, не завладеет мечом диктатуры. Даже если он, подобно Цинциннату, выполнив свою миссию, добровольно отрекся бы от власти, все равно Республика и Нация остались бы обесчещенными, допустив посягательство на свои верховные права.

Кутон (*ему вторит Леба, Огюстен и Пэян*) . Обратись же с призывом к верховному властелину, к народу! Подыдем вооруженное восстание против изменников народа.

Робеспьер . Я в это не верю.

Огюстен . А год назад верил.

Робеспьер . Больше не верю.

Кутон . Ты был в первых рядах народного восстания против жирондистов.

Робеспьер . Прошли времена тридцать первого мая!

Огюстен . Что же изменилось с тех пор?

Робеспьер . Все изменилось. Тогда действовали в согласии самые могучие, самые животворные силы Революции: Марат, Дантон, Эбер... Теперь же — признаем это — вокруг нас пустыня.

Кутон . Кошунственные речи! Неужели, по-твоему, надо было пощадить Дантона и

Эбера?

Робеспьер . Это было невозможно. Если бы пришлось начинать сызнова, я поступил бы так же.

Кутон . Но ты жалеешь о том, что произошло?

Робеспьер . Я никогда не переставал сожалеть об этом. Истинное бедствие, что деятельность таких людей стала гибельной для Революции. И что ныне мы снова вынуждены сражаться против честных республиканцев — таких, как Билло, Баррер, Карно...

Кутон . Против тех, кто тебя ненавидит.

Робеспьер . Кого я сам ненавижу.

Кутон . Ты нынче обуян христианскими чувствами, Максимилиан.

Робеспьер . Я люблю Республику больше самого себя. И с горечью сознаю, какой непоправимой утратой была каждая из этих смертей, как много пролито крови лучших людей Республики. Не будь я убежден, что эти безумцы погубят Революцию, я поборок бы свою личную неприязнь. Но если братоубийственная война неминуема, вести ее можно лишь при условии, что мы найдем опору среди честных людей Конвента... Я искал такой опоры и не нашел ее. Честные люди отвергли протянутую им руку. Они предали меня. Где, в ком искать нам теперь опоры? Сен-Жюст прав. Единственное спасение — диктатура. Но мы не хотим ее. Это значило бы отречься от самих себя.

Сен-Жюст . Я понимаю тебя, Максимилиан, и покоряюсь. Сохраним наше доброе имя незапятнанным, хотя бы для будущего.

Кутон . Мы сохраним его, если одержим победу. Будь уверен, Максимилиан, и ты, Сен-Жюст, что поражение покроет вас позором на веки веков.

Робеспьер . Я это знаю, Кутон. Меня оклеветают. История — трусливая прислужница успеха.

Сен-Жюст . Но после бесславия настанет черед справедливости. В конце концов она восторжествует. Минуют столетия. Придут иные времена, и наш прах станет священным для счастливого и свободного человечества будущих веков.

Кутон . У побежденных нет будущего.

Сен-Жюст . Я никогда не буду побежденным! У тех, кто, подобно нам, дерзал на все ради Свободы, можно отнять жизнь, но нельзя отнять смерть-избавительницу, освобождающую от рабства, нельзя отнять наш свободный, независимый дух, который будет жить в веках и на небесах²⁵.

Флерио-Леско . Какое нам дело, что Сен-Жюст сохранит свой независимый дух даже в могиле? Мы боремся за жизнь. И будем защищать ее до последнего вздоха. Максимилиан! Мы пошли за тебя на смерть! Ты не вправе отстраняться от борьбы. Ты должен подписать!

Робеспьер . Это бесполезно.

Пэян и Огюстен Робеспьер . Подпиши!

Леба (*повернувшись к окну, глядит на площадь*) . Кто эти люди? Чьи это колонны пересекают пустую площадь?

Входит Кофиналь.

Кофиналь, посмотри!

Кофиналь (*не глядя*) . Все идет хорошо. Наши войска вполне надежны. Я отпустил их немного освежиться. Надо только дожидаться подкреплений, которые мне обещали, и выступать. Подпиши, Робеспьер.

Леба (*у окна*) . Они направляются к главному входу. (*Сен-Жюсту, который подходит к окну.*) Погляди, Сен-Жюст! Ты знаешь этих людей?

Сен-Жюст . Не все ли равно? Дай мне спокойно подышать ночной прохладой.

²⁵ Подлинные слова Сен-Жюста. — Р. Р.

Леба . Давно я не видел тебя таким просветленным. Твое чело, твои глаза словно излучают счастье.

Сен-Жюст . Да, я счастлив, друг. Я вышел из пучины жизни.

Леба . А я нет. Я привязан к жизни, я держусь за нее всем существом.

Сен-Жюст . Насладись же этими последними минутами. Скоро эту тишину нарушат, эту дивную ночь осквернят.

Леба . Не могу... Меня томит тревога... Они входят... Подымаются... Слышишь, Сен-Жюст? Кто это идет?

Дверь распахивается. Друзья, столпившиеся вокруг Робеспьера, не оборачиваются. Робеспьер, наконец, подписывает бумагу. На пороге появляется Бурдон с отрядом жандармов.

Бурдон ²⁶(указывая на Робеспьера молодому жандарму) . Вот он, предатель! Стреляй, Мерда!

Молодой жандарм стреляет в Робеспьера. Робеспьер падает ничком на стол. Все окружающие вскакивают в смятении.

Кофиналь (бросившись к Бурдону, хватая его за горло) . Негодяй!

Жандармы врываются в зал. Вступают в борьбу с Флерио-Леско и Пэйаном. Огюстен Робеспьер пытается выскочить в окно. За большим столом остался только Робеспьер, упавший лицом в лужу крови, и напротив него беспомощный Кутон, покинутый друзьями на произвол судьбы. Напрасно он взывает то к одному, то к другому: «Унесите меня!» Наконец он пытается подняться сам, но при первом же усилии падает на пол, возле ramпы. Жандармы Бурдона топчут его ногами, затем поднимают, как куль, и выбрасывают на лестницу. Стоя неподвижно спиной к окну, Сен-Жюст за все время ни разу не шелохнулся. Он бесстрастно наблюдает за роковым исходом — он его предрекал. Леба бросается к столу, затем бежит к Сен-Жюсту.

Леба . Они его убили. Республика погибла... На что мне жизнь! Прощай, брат! (Стреляет себе в грудь.)

Сен-Жюст подхватывает его на руки.

Сен-Жюст . Прощай, Леба! Вот ты и свободен! Ты избежал нашей участи... Но я не вправе это сделать. Остается самая тяжелая часть пути. Я пройду ее без тебя... Спи спокойно, брат мой, я завидую тебе? (Бережно опускает его на пол.)

Бурдон (приподняв голову Робеспьера) . Он еще не умер. Но он умрет.

Жандарм Мерда (самодовольный, фатоватый молодой парень, усмехаясь и покручивая усы, глазеет на свою окровавленную жертву и ударяет себя в грудь) . Меткий выстрел! Ай да Мерда!

Бурдон (обернувшись к нему и хлопнув по плечу, говорит торжественно) . Мерда²⁷! Твое имя навеки войдет в историю.

Сен-Жюст идет к Робеспьеру, которого с бранью укладывают на стол.

²⁶ Бурдон был историческим «героем» этой развязки. Но его может заменить на сцене Баррас как личность более известная. — P. P.

²⁷ Merde — по-французски — дерьмо.

Жандармы оттесняют Сен-Жюста и связывают ему руки.

Сен-Жюст (*через стол обмениваясь взглядом с Робеспьером*) . Учитель, я здесь. Я не покину тебя.

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утро 10 термидора (28 июля). Павильон Равенства во дворце Тюильри. Приемный зал Комитета общественного спасения, куда принесли раненого Робеспьера. Он лежит лицом к публике на столе с медными золочеными гербами в стиле Людовика XV, под головой у него патронный ящик. Глаза его открыты, взгляд неестественно напряжен и неподвижен. Он утирает губы белым кожаным мешочком, который тут же окрашивается кровью. В нескольких шагах от него, высоко подняв голову, сидит Сен-Жюст с изможденным от усталости лицом, без галстука, с разорванным воротом. Немного дальше в углу зала сидят Дюма²⁸ и Пэян. На стене, прямо против публики, над столом, где лежит Робеспьер, висит на видном месте Декларация прав человека и гражданина. Зал набит жандармами, секционерами, канонирами, газетчиками, зеваками и простолюдинами, которые толпятся и снуют.

Голос . Король предателей!

— Вот ему и крышка!

— Надо бы прибить его гвоздями, как сову, на главных дверях Конвента.

— Какая мерзкая рожа!

— А ведь считал себя красавцем. Говорят, он распутничал в одном замке: кругом зеркала да свечи, а с ним три сотни голых баб, — гетер, что ли? Как их там называют?.. Приведут к нему жен и дочерей арестованных. «Ложись со мной, говорит, коли хочешь его спасти». Уж понятно, бедняжка ничего этим не спасала — ни отца, ни друга, ни своей девичьей чести...

— А под замком нашли подземелье, где зарыты горы трупов. Ведь он хотел зарезать шесть тысяч парижан...

— Не может быть!

— Верно говорю. А вон тот молодчик (*указывает на Сен-Жюста*) послал на гильотину бедную девушку, а из ее кожи велел сшить себе штаны.

— Изверг! С него бы самого содрать кожу живьем!

Жандармы оттесняют толпу.

Жандармы . Тише, граждане! Не напирайте! Надо уважать закон. Тут все по закону, тут вам не самосуд. Будьте покойны, закон расправится с ними. Еще до вечера все на гильотину попадут.

Голос . Их мало казнить!

Жандармы . Довольно с тебя! Мы ведь не людоеды.

Один из толпы (*в тринадцатой картине, в Клубе якобинцев, он восторженно приветствовал Робеспьера*) . Дай мне поглядеть!

Второй . Ты, кажется, был с ним знаком?

²⁸ На сцене Дюма можно заменить Флерио-Леско, который участвовал в предыдущей картине. — *P. P.*

Первый . Нет, нет!.. Я видал его только издали... Как все.

Робеспьер глядит на него в упор. Человек отворачивается в замешательстве и старается улизнуть.

Второй . А я слышал, будто ты с ним приятель.

Первый . Тебе наврали. Ей-богу, нет.

Второй . Коли ты правду говоришь, плюнь ему в лицо.

Первый . Плюю и проклинаю. *(Поспешно скрывается в толпе.)*

Пэйан . Экая сволочь! Я отлично помню этого труса. У якобинцев он пресмыкался перед Робеспьером.

Дюма . Спасает свою шкуру. А вот мы, дураки, шкуры своей не сберегли. И всё ради него. *(Указывает на Робеспьера.)* И всё из-за него. Мы погубили себя, чтобы его спасти. А он не способен был ни себя защитить, ни нас. Связал нас по рукам и ногам. Ох, если бы меня вовремя послушались!

Пэйан . Теперь поздно охать, все равно ничего не поправишь. Мы погубили наше дело. И сами погибли. Это бы еще полбеды, но погибла Республика. Надежды больше нет... Это конец. Конец всему.

Дюма . В эдакой жаре и пылище подохнешь от жажды... *(Жандармам.)* Граждане! Даже осужденным на смерть нельзя отказывать в глотке воды.

Жандарм . Что ж, я с охотой. Кто бы они ни были, а все же люди. *(Уходит за водой.)*

Второй жандарм *(останавливая его)* . Постой, Регул! А это разрешено?

Первый жандарм . Я буду в ответе. Мне велено их стеречь, а не мучить.

Дюма . Принеси две кружки.

Пэйан . Принеси три. *(Указывает на Сен-Жюста, застывшего и неподвижного; он слишком горд, чтобы просить, и слишком погружен в свои думы, чтобы замечать страдания.)* Посмотри на него! Он совсем без сил. Три ночи подряд глаз не смыкал. Точно прирос к стулу. Слова от него не добьешься. Кажется, вот-вот рухнет сразу.

Дюма . Нет, его поддерживает гордость. Она у него на первом месте. Всё — и нас в том числе — принес в жертву своей гордыне. Ему все безразлично, лишь бы держаться с достоинством до самой казни.

Пэйан . А если и так, что ж тут дурного? Я люблю юношу и жалею его.

Дюма . Слишком уж ты жалостлив. А я больше себя жалею.

Пэйан . Стоит ли рассуждать, что мое, что твое, когда жить-то осталось всего пять или шесть часов!

Дюма . Тем более.

Жандарм приносит три кружки воды. Пэйан кивает ему на Сен-Жюста — тот сидит не шевелясь.

Пэйан *(ласково)* . Выпей, Сен-Жюст.

Сен-Жюст на миг выходит из задумчивости и, обернувшись к Пэйану, безмолвно благодарит его взглядом.

Первый жандарм *(глядя на Робеспьера, судорожно прижимающего к челюсти скомканный окровавленный кожаный мешочек)* . А этому бедняге нечем даже кровь утереть... *(Вынимает из корзины клочки бумаги и сует в руку Робеспьеру, отобрав у него мешочек.)* На, утри рожу!

Второй жандарм *(подбирает с полу брошенный мешочек и разглядывает его.)* Что это тут написано? *(Читает.)* «Поставщик великого монарха». Ага, вот улика, значит, он замешан в заговоре! Снюхался с королем...

Первый жандарм . Да будет тебе, болван! «Поставщик великого монарха» — это

вывеска парфюмерной лавки на улице Оноре.

Второй жандарм . Нет, меня не проведешь! Там написано «монарх» (*читает по складам*) , с буквой «М», а это значит «король». Чего еще надо?

Третий жандарм . Должно быть, это у них вроде пароля, раз он держит в руках эту дрянь?

Первый жандарм . Что ж, по-твоему, он и ночью, во время всей этой кутерьмы, таскал с собой мешочек из-под духов?

Второй жандарм . А по-твоему, как?

Первый жандарм . А так, что ему это подсунули.

Второй жандарм . Где же? Кто?

Первый жандарм . Да здесь. Один из этих шпионов. (*Указывает на шпионов, которые рыщут вокруг.*) Давеча я заприметил одного... он тут околачивался...

Четвертый жандарм . Ты бы лучше не пялил глаза да держал язык за зубами... Со шпииками шутки плохи!

Первый жандарм . Да что ж... Мне наплевать.

Второй жандарм (*упрямо*) . А все-таки что написано, то написано. Смотри (*читает по складам*) : «монарх», через букву «М»... Долой Капета!

Зеваки (*подойдя к Робеспьеру*) . Глянь-ка на эту обезьяну! Ишь, как морщится! Вашему величеству нездоровится?

В эту минуту лицо Робеспьера искажается от муки; чтобы не видно было его страданий, он закрывает глаза. Сцена темнеет, заволакивается багровым, затем пепельно-желтым туманом, под покровом которого реальная сценическая картина сменяется такой же картиной на экране: Робеспьер лежит на столе. Затем лицо его приближается, и все окружающее исчезает. Крупным планом дается лицо Робеспьера, его глаза, расширенные от боли, словно заполняющие весь экран...

Потом этот кадр исчезает, и все погружается во тьму. Внезапно сцена освещается, и на экране разворачиваются, сменяя друг друга, видения Робеспьера.

По мере того, как они проходят одно за другим, к ним дает скупые пояснения голос Робеспьера, печальный, протяжный и слегка монотонный.

Видения.

1. Пейзаж Арраса под серым, туманным небом.
2. Весна, запоздалая и ненастная. Первые зеленые побеги.
3. Редкие безрадостные солнечные лучи пробиваются сквозь дождевые облака; облака набегают, рассеиваются и снова заволакивают небо. Короткий весенний ливень.
4. Старая улица. Старый дом.
5. На темной каменной лестнице с почерневшими стертymi ступеньками, возле слухового окошка, сидит мальчик лет шести — семи, одетый в траур. Прислонясь головой к стене, он мечтательно смотрит, как по небу пробегают облака.
6. На грязном дворе старого провинциального коллежа, в уголке, примостившись у стены, читает книгу школьник лет десяти — двенадцати, не обращая внимания на шумные игры товарищей.

Голос . Печальные дни детства, старый город, неприятный дом у чужих людей, ребенок, выросший без матери, как Руссо... Он был не создан для счастья.

Душа его искала в книгах сердечного тепла, которого ей не доставало в жизни.

Видение.

В нетопленной комнате коллежа Людовика Великого юноша лет восемнадцати — двадцати, сняв камзол, дрожа от холода, штопает продранную на локтях одежду, не отрывая глаз от книги. Дверь открывается. Входит учитель, аббат. Юноша вскакивает, в смущении пряча книжку и заплатанную одежду. Аббат,

насмешливо и покровительственно улыбаясь, делает вид, что ничего не заметил.

Голос . Нищета, одиночество, упорный труд. Двенадцать лет ученья на казенный счет, жизнь в большом городе, где он не может даже выйти на улицу, стесняясь своей ветхой одежды и дырявых башмаков. Богатые ученики презирают его; наставники, снисходя к бедности способного ученика, унижают его самолюбие. К приезду королевской четы его облачают в новое платье и посылают перед воротами коллежа прочесть приветственную речь королю в момент проезда их величеств.

Видения.

1. Улица Сен-Жак, перед порталом коллежа Людовика Великого. Виден пологий склон и королевский кортеж, поднимающийся на гору Святой Женеьевы. Прямо на мостовой, под дождем, в парадном новом костюме, стоит на коленях юный Робеспьер перед окошком кареты, откуда выглядывают скучающие лица царственных путешественников.

2. Внутри кареты виден король; он жадно обглаживает крылышко цыпленка, не глядя на юношу за окном, который декламирует свою приветственную речь. Королева зевает, обмениваясь насмешливыми замечаниями с сидящей напротив княгиней Ламбаль, — та презрительно смеется, лорнируя стоящего на коленях бедного школьника.

3. Снова улица под дождем. Карета следует дальше, обрызгав юношу грязью. Он встает с колен, скомкав рукопись, которую так и не успел дочитать, смущенный и мрачный. Карета медленно удаляется в гору по улице Сен-Жак...

4. И в тумане, сгустившемся над этой сценой, появляются очертания гильотины...

Эти четыре видения не поясняются ни единым словом. В словах нет надобности. *Silet, sed loquitur...*²⁹

Новое видение.

Вскоре туман рассеивается.

Солнечный день в Эрменонвиле, на острове Тополей. Перед могилой Жан-Жака Руссо, увенчанной урной, юный Робеспьер стоит на коленях, как некогда перед королевской каретой. Но теперь лицо его выражает скорбь и благоговение. Он приник лбом к могильной плите. На гробнице высечена надпись: «Здесь покоится друг Природы и Истины». Могилу окружают высокие тенистые деревья. Щебечут птицы.

Голос . О Жан-Жак, о мой учитель! Я видел твои величавые черты, отмеченные печатью горьких невзгод, на которые обрекла тебя людская несправедливость. Взирая на тебя, я постиг тяготы благородной жизни, посвященной служению истине. Я тоже жажду нести это бремя. На чреватом опасностями поприще, которое открывает перед нами небывалая, невиданная доселе Революция, я даю клятву следовать по стопам учителя!

Видение.

Над распростертым у могилы юношей появляется тень Жан-Жака Руссо и кладет руку на плечо Робеспьера; Робеспьер, не оборачиваясь, выпрямляется.

Голос Жан-Жака . Несчастный! Знаешь ли ты, что сулит тебе этот путь?

Голос Робеспьера . Если даже мне суждены твои страдания, я благословлю их, они священны для меня. Я не боюсь неблагодарности и ненависти людей, ибо, подобно тебе, я твердо знаю, что всегда желал только блага людям.

²⁹ Молчание красноречиво... (лат.)

Голос Жан-Жака . Горше всего не то зло, что причиняют тебе люди.

Голос Робеспьера . А что же?

Голос Жан-Жака . Для души, подобной твоей, горше всего то зло, которое ты сам причиняешь людям, желая сделать им добро...

Видения.

Сцена меняется.

1. Париж, вооруженный народ, улица в Сент-Антуанском предместье. В глубине высятся башни Бастилии. Шумная, ликующая толпа устремляется туда бурным потоком. Ружейные выстрелы, пушечная пальба. Вопли и крики. Толпа с ревом пронесется мимо. На острие пики качается отрубленная голова. Тридцатилетний Робеспьер, депутат третьего сословия, в темном строгом сюртуке, отступив к стене дома, смотрит на толпу, бледнея от ужаса.

2. Зал Учредительного собрания. На трибуне заканчивает свою речь Мирабо. Собрание внимает ему с энтузиазмом. Депутаты толпятся, ходят, собираются группами, шумно спорят. Со скамьи поднимается никем не замеченный молодой депутат из Арраса, неловкий и застенчивый, в больших очках. Он нерешительно пробивается сквозь толпу к переполненной трибуне, откуда по ступенькам спускается Мирабо. Столкнувшись с ним, Мирабо меряет взглядом с ног до головы юного депутата, похожего на педантичного классного наставника; тот, растерявшись, невольно уступает ему дорогу. Заметив смущение новичка, Мирабо хлопает его по плечу, благодушно подталкивает к трибуне и удаляется, тут же позабыв о нем. Поднявшись на трибуну, Робеспьер листает свою рукопись, откашливается, начинает говорить. Никто в зале его не слушает. Все громко болтают, повернувшись к оратору спиной.

3, 4, 5. В последующих трех картинах упорно повторяется все та же декорация: на переднем плане слева возвышается трибуна, общий тон — нарочно смутный, туманно-серый. (Робеспьер близорук, и зал представляется ему неясно, в виде шумной, движущейся массы, откуда, как из темной бездны, выплывают и приближаются к трибуне какие-то фигуры.) И в каждой картине неизменно, три раза подряд, виден Робеспьер, поднимающийся на трибуну. Но с каждым разом окружающая его обстановка меняется.

Во второй раз, лишь только Робеспьер начинает говорить, два-три депутата перебивают его язвительными шутками, и в собрании раздаются смешки; оратор приходит в замешательство, но тут же овладевает собой и упрямо продолжает свою речь. В третий раз на лицах депутатов вокруг трибуны появляется совершенно иное выражение, серьезное, внимательное, но враждебное. Видно, как нарастает злобное сопротивление Робеспьеру. На экране, по мере того как он говорит, расступаются стены, и в глубине, за трибуной, открывается парижская улица. Там, на заднем плане, слева толпа мужчин и женщин, пока еще редкая; но постепенно она растет и сгущается позади Робеспьера, словно могучей волной омывая подножие трибуны.

В четвертый раз — в Учредительном собрании взрыв возмущения против Робеспьера. Робеспьер на трибуне. Он говорит бесстрастно, вполне владея собой, шум и ропот жирондистов стихает. Справа видны испуганные лица, гневные жесты, сжатые кулаки, угрожающие оратору. А с другой стороны, слева, приближается и растет, наводняя зал, захлестывая ступеньки трибуны, волна народа, — народа бедного, босого, в лохмотьях; в конце картины вооруженный люд с пиками в руках заполняет уже всю сцену, громко прославляя Робеспьера.

И в шуме начинающейся схватки слышны голоса.

Голос из народа (*громко и отчетливо*) . Неутомимый защитник народа!

— Неусыпный страж!

— Опора бедняков!

— Апостол! Друг угнетенных!

Голос Робеспьера . Угнетенные — сила земли...

Голос из народа . Неустрашимый!

— Неподкупный!

— Знаменосец равенства!

— Вождь народа-властелина!

Голос Робеспьера . Народ — наш подлинный властелин. Во Франции есть только две партии: народ и его враги. Есть только два класса: один — это защитники бедных и обездоленных, другие — покровители несправедливого обогащения, приспешники тех, чья тирания зиждется на крови и золоте.

Вот как в действительности разделена Франция. Кто не стоит за народ, тот наш враг³⁰.

Видения.

1. Открывается улица Парижа. Народ с пиками и знаменами несет петицию на Марсово поле.

2. Марсово поле. Народная делегация хочет возложить петицию на алтарь отечества. Национальная гвардия под начальством Лафайета и Байи разгоняет народ. Барабанный бой, грубые окрики.

3. Издали слышны ружейные выстрелы, стоны раненых и изувеченных. Расстреливают народ. Крики доносятся в залу Клуба якобинцев, где идет непрерывное заседание. Выступает Робеспьер.

Голоса . Враги народа разоблачили себя. На Марсовом поле отряды буржуа по приказу Лафайета расстреливают народ. Робеспьеру угрожают убийством.

Голос Робеспьера . Я обвиняю богачей, я обвиняю буржуа, которые совершили Революцию ради наживы и барышей и теперь стремятся преградить ей путь. Я обвиняю Национальное собрание, которое предало народ и призывало к резне. Я знаю, что после этих слов над моей головой будут занесены сотни кинжалов. Пусть придет смерть и избавит меня от зрелища стольких злодеяний.

Голос народа . Мы все умрем с тобой!

— Нет! С тобой мы победим!

Видения.

1. Улица. Робеспьера с триумфом несут на руках под звуки фанфар и ликующие клики. На нем венок из дубовых и лавровых листьев. Матери протягивают к нему детей под благословение. Юноши склоняют перед ним знамена.

2. Колесница Революции. Она торжественно движется посреди несметной толпы по широкой дороге, уходящей вдаль к багровому горизонту. На троне восседает прекрасная женщина, олицетворяющая Республику. У нее в руках меч, перевитый пшеничными колосьями. За колесницей шествуют депутаты Конвента. Впереди, ведя под уздцы белых коней, выступает Робеспьер. Рядом с ним — Сен-Жюст, Леба, Кутон, члены обоих Комитетов. Колесница катится меж двойного ряда пик, ружей, знамен и щитов с обозначениями одержанных побед. Но движется она под грохот битв и треск пожаров; временами дым заволакивает весь горизонт и, застилая пленой торжественное шествие, скрывает его от глаз...

Каждый раз, как рассеивается дым и кортеж появляется снова, толпа все редее, лик Республики меняется, становится грозным и страшным; растрепанная, окровавленная, она встает во весь рост, потрясая мечом (сноп колосьев уже брошен наземь и затоптан), исступленная и яростная, как статуя Свободы, изваянная Рюдом. По краям дороги, словно вежи, вырастают могилы, холмы, подобные курганам: король, жирондисты, Эбер, Дантон...

Потом исчезает и сама колесница... Только Робеспьер с горсткой приверженцев продолжает свой путь, пробиваясь сквозь хмурую и безмолвную

³⁰ Из речи Робеспьера в Клубе якобинцев. 8 мая 1793 года. — *Р. Р.*

толпу, к которой он взывает в тревоге.

Голос Робеспьера (*Робеспьер простирает руки к народу*) . О мой народ, мой единственный друг! Что бы ни случилось, мы останемся навеки вместе. Счастье и горе, радость и страдание, жизнь и смерть — все я поделю с тобой. В твоей любви, в твоём доверии — единственный смысл моей жизни. Не отнимай же их у меня! Я твой. Я так долго боролся за тебя! Ночь приближается. Я так устал! Не покидай меня!

Голос народа . Мы не покинем тебя. Мы последуем за тобой, куда бы ты ни шел.

Голос Робеспьера . А знаешь ли ты, куда я иду?

Видение.

В конце проспекта, уходящего вдаль, как аллея Елисейских полей, в самой глубине, вместо Триумфальной арки появляются очертания гильотины... И вдруг эта картина, эти видения — все исчезает. Робеспьер по-прежнему лежит на столе. Вокруг него шумит и толпится народ.

Возгласы . На гильотину!..

— Ты спишь, предатель?

— Просыпайся!

Лицо Робеспьера искажается от боли. Сен-Жюст встает с места и старается через головы людей увидеть Робеспьера, но ему мешает шеренга зевак, которые толпятся вокруг стола и осыпают раненого оскорблениями.

Первый жандарм (*заметив Сен-Жюста*) . Дайте же ему посмотреть на своего учителя!

Толпа расступается и пропускает Сен-Жюста; тот, подойдя к столу, склоняется над Робеспьером. Они без слов обмениваются долгим взглядом, полным любви и преданности... Сен-Жюст выпрямляется и глазами указывает Робеспьеру на доску³¹, прибитую к стене над его изголовьем.

Сен-Жюст . Декларация прав человека... Наше создание... Она победит!

Занавес.

КАРТИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Заключительная сцена для народного театра. В тот же день, 10 термидора (28 июля), около 6 часов вечера. Площадь Революции (ныне площадь Согласия). Вид на площадь с угла, возле террасы Тюильрийского сада (со стороны нынешней улицы Риволи). Находящиеся на сцене видят гильотину посреди площади, но из зрительного зала ее не видно. Густая толпа внимательно, тревожно, настороженно смотрит на площадь. Многие поднимаются на цыпочки, некоторые несут на плечах детей.

В заднем ряду (ближе к публике), прижавшись к стене террасы, стоят Билло, Баррер, Матьё Реньо, Бабеф, потрясенные и безмолвные. Карье с трудом сдерживает прерывистое дыхание. Поодаль стоят Межан, Коллено, шпионы,

³¹ См. гравюру Дюплесси-Берто, где Робеспьер делает судорожные усилия, чтобы повернуться и увидеть у себя над головой доску с текстом Декларации. — *Р. Р.*

подвизающиеся в Комитете, мюскадены.

Впечатление огромной толпы, которая, простираясь за пределы сцены, бушует и волнуется, словно океан. Занавес подымается в ту самую минуту, когда, под резкую барабанную дробь, падает голова Робеспьера. При этом звуке толпа содрогнулась и отхлынула с громким криком «а-а!».

Голос из толпы . Ты слышал, как волк завыл?

Карье (*в неистовстве*) . Скатилась с плеч голова тирана!

Голос (*из группы Межана и мюскаденов*) . Смотри, Карье, как бы и твоя не скатилась!

На площади наступает глубокая тишина. Реньо и Билло, опустив головы, не смеют поднять глаза.

Реньо (*удручен*) . Приди в себя, Билло!

Билло (*тоже удручен*) . Уже кончено?

Голоса в толпе . Нет, еще один.

— Кто это?

— Сен-Жюст.

— Он будет говорить?

— За весь день он не разомкнул губ...

Мгновение полной тишины; толпа затаила дыхание. Затем громкое «а-а!», как удар топора — и больше ни звука.

Коллено . Счет закрыт.

Межан (*искоса взглянув на Билло, Реньо и других*) . Нет, пока еще нет. Счет остается открытым. (*Направляется к Бабефу, отвернувшись, чтобы не видеть площади.*) Поздравляю, Бабеф. Не прошло и недели, как ты вышел из тюрьмы, а времени даром не потерял.

Бабеф (*со стоном*) . Нет, нет, я этого не совершал!

Матьё Реньо . Мы это сделали! Мы все, и ты тоже, Бабеф, мы совершили самоубийство!

В этот миг Билло, до сих пор молчавший, в отчаянье хватается за голову и, расталкивая соседей, бросается прочь.

Реньо (*удерживая его за руки*) . Нет, Билло! Теперь не время бежать... Слышишь? Мы должны держаться вместе.

Остервенелая, бушующая толпа подступает к ним... Вой, рев, визгливые плясовые напевы, ликующие злорадные песни. Реакция сразу подняла голову; она страшна в своем неистовом, разнузданном натиске. Тайные агенты и мюскадены Межана науськивают людской поток против якобинцев, инстинктивно сплотившихся на углу площади.

Беснующаяся толпа (*остановившись против якобинцев*) . А про этих забыли?

— Им тоже не миновать ножа!

— И по ним гильотина плачет!

— На фонарь их!

В один миг группа вожakov термидора становится одинокой, как скала, на которую обрушиваются морские валы, и в один миг она смыкает ряды, стараясь сдержать разъяренный людской поток. В этой ожесточенной самозащите чувствуется ужас перед свершившейся непоправимой катастрофой.

Термидорианцы обмениваются с толпой яростными возгласами.

Матьё Реньо (*кричит*) . К оружию! Враг прорвался на площадь!

Билло . Революция в опасности! Сюда, Колло! Баррер! Сюда, Фуше!

Бабеф . Ко мне, якобинцы, кордельеры! Сюда, рабочий люд!

Баррер (*увидев солдат, подает им знак*) . К нам, солдаты Республики!

Солдаты (*пробивая себе путь среди враждебной толпы*) . Мы с тобой, Баррер! (*Расталкивая мяскаденов.*) Назад, сволочь, вон отсюда, королевские псы! Мы отогнали врагов от границ Франции. Мы не дадим им завладеть Парижем.

Гош (*появившись среди солдат, становится рядом с группой якобинцев*) . Я — Гош. Я только что из тюрьмы. Я встретил там Сен-Жюста, который заточил меня в крепость. Я обнял его. Мы так горячо любили Республику, что ревновали к ней друг друга. Но сейчас, когда Республике грозит опасность, мы все как один встанем на ее защиту.

Матьё Реньо (*взобравшись на выступ террасы, позади других, громко взывает*) . Встанем все как один, живые и мертвые! Сюда, Марат! Восстань из могилы!

Ревущая толпа, потрясенная этим призывом, на мгновение замирает. Реньо продолжает в восторженном порыве.

На помощь, Шалье, Лепелетье, к нам, Верньо, сюда, Шометт, сюда, Дантон, к нам, Сен-Жюст и Робеспьер!

Межан . Вы сами их убили!

Реньо . Сюда, наши мертвецы! В бою они живы. Пока битва продолжается, они с нами. К нам, бессмертная Революция!

Билло . Умрем за нее!

Гош . Она победит.

Матьё Реньо . Народы мира, грядущие поколения, сюда, сюда!

Гош . Пойдем им навстречу!

Бабеф . Они идут, они идут! Я слышу их поступь!..

Матьё Реньо . Вот они!

Гош запекает «Марсельезу». И мне бы хотелось, чтобы в музыке Дариуса Мило или Оннегера, в свободном, страстном и пламенном контрапункте, «Марсельеза» перешла в мощные звуки «Интернационала», который, родившись из «Марсельезы» и все нарастая, затмил бы ее и поглотил. Эта заключительная сцена должна проходить в атмосфере пламенного, самозабвенного порыва, которым охвачен священный отряд якобинцев, сплотившихся вокруг Реньо, Гоша, Билло и Бабефа. Они на несколько ступеней возвышаются над ревущей толпой, а толпа отпрянула, но собирается с силами, готовясь вновь ринуться на них.

Занавес.

СЛОВО ПРИНАДЛЕЖИТ ИСТОРИИ

В этой драме, как и во всем цикле моего «Театра Революции», я больше придерживался психологической правды характеров, чем правды исторических фактов. Однако в «Робеспьере» я гораздо ближе следовал фактам, чем в какой-либо другой своей пьесе. Смеею надеяться, что истинное лицо истории вернее отражено в «Робеспьере», чем мне удалось это в «Дантоне», написанном слишком рано, еще до того, как история нашей Революции обогатилась новыми плодотворными исследованиями. В числе тех вольностей, весьма редких и во всяком случае несущественных, когда я погрешил против истории, есть две,

касающиеся Гоша и Бабефа. Гош не мог появиться в Пале-Рояле 22 мая 1794 года, так как в то время уже сидел в тюрьме. Командуя Мозельской армией, он готовился в Тионвиле к новому походу на Германию, когда 10 марта 1794 года его неожиданно заменили Журданом и перебросили на итальянский фронт. Он выехал из Тионвиля 18 марта, но, не успев прибыть в Ниццу, был арестован и под усиленной охраной препровожден в Париж. Приказ об его аресте подписали Колло и Карно. 11 апреля его заточили в тюрьму Карм. Оттуда он написал Робеспьеру, заботясь более о его добром мнении, чем о спасении собственной жизни. Но Фукие-Тенвиль перехватил письмо, и Робеспьер так его и не получил. Гоша выпустили из тюрьмы только 17 термидора, а не 10-го, как сказано в моей драме.

Что касается Бабефа, то он был арестован за растрату 24 брюмера (14 ноября 1793 года) и освобожден 30 мессидора (18 июля 1794 года). Даже новейшие его биографы не могли установить, чем он занимался в течение десяти дней между выходом из тюрьмы и 9 термидора. Потеряв направление в шквале событий, этот неустойчивый человек яростно ополчался в те дни на «Максимилиана Жестокого», которого прежде превозносил и чьей памяти после термидора воздал должное. Он испытал на себе все невзгоды, все ужасы нищеты и, более чем кто-либо из выдающихся революционеров, был призван отстаивать права угнетенного, обманутого народа, но при своем беспокойном уме вечно попадал впросак и становился игрушкой в руках всевозможных авантюристов: то бывшего плантатора в Сан-Доминго, Фурнье-Американца, то владельца пекарни спекулянта Гарена, то благодушного с виду негодяя депутата Дюфруа и других. Глубина и благородство политических убеждений сочетались в нем с поразительной душевной слепотой. Он был обречен на неудачи.

* * *

Я пытался с возможной точностью изобразить роковую трагедию последних месяцев Французской революции, с апреля до июля 1794 года, ибо после 9 термидора революция умерла: термидорианцы убили ее.

Теперь для нас совершенно ясно, что Робеспьер выделялся среди деятелей Французской революции не только цельностью своей натуры, но своим прозорливым умом и непоколебимой преданностью делу народа.

Даже враги его, его убийцы, заговорщики 9 термидора, принуждены были с горечью признать это на другой же день после катастрофы. Я предоставляю слово их беспокойным теням. Прямодушный Билло-Варенн, которому уже через год пришлось искупить свою ошибку на каторге в Кайенне, а затем в ссылке на Гаити, где он и умер в 1819 году, писал:

«Мы совершили в тот день роковую ошибку... Девятого термидора Революция погибла. Сколько раз с тех пор я сокрушался, что в пылу гнева принял участие в заговоре! Отчего люди, взяв в руки кормило власти, не умеют отрешиться от своих безрассудных страстей³² и мелочных обид?.. Несчастье революций в том, что надо принимать решения слишком быстро; нет времени на размышления, действуешь в непрерывной горячке и спешке, вечно под страхом, что бездействие губительно, что идеи твои не осуществляются... Восемнадцатое брюмера было бы невозможно, если бы Дантон, Робеспьер и Камилл сохранили единство».

Баррер, находясь в изгнании, говорил Давиду Анжерскому: «Я много думал об этом человеке (Робеспьере). И убедился, что его господствующей идеей было установление республиканского строя... Мы не поняли его. У него была душа великого человека, и потомство несомненно дарует ему это имя!.. То был человек честный, безупречный, истинный республиканец».

Вадье, прежде чем отправиться в изгнание в 1815 году, призвал к себе одного из друзей и сказал ему:

³² В другом месте он с проклятием вспоминает о своей «бешеной ненависти». — *Р. Р.*

«Прости мне девятое термидора!»

В Брюсселе он часто говорил с горечью:

«Мы не оценили Робеспьера, мы убили его».

В возрасте девяноста двух лет он заявил:

«За всю мою жизнь я не совершил ни одного поступка, в котором бы после раскаивался, за исключением того, что я не оценил Робеспьера».

Камбон : «Девятого термидора мы думали, что убиваем только Робеспьера. Но мы убили Республику. Сам того не ведая, я послужил орудием для ненависти кучки негодяев. Зачем не погибли они в тот день и я вместе с ними? Свобода была бы жива и поныне!»

Левассер : «Робеспьер! Не произносите при мне его имени. Это единственное, в чем мы раскаиваемся. На Гору нашел туман ослепления, когда она погубила его».

Субербель (*на смертном одре*) : «Робеспьер был совестью Революции. Его принесли в жертву, потому что не умели понять».

Мерлен де Тионвиль : «Робеспьер был пламенным другом отчизны: он любил ее так же, как я, быть может, сильнее, чем я».

Даже Леонар Бурдон, арестовавший его, даже Лекуантр, который замыслил заколоть его кинжалом, Амар, Тюрьо — и те признали, что совершили ошибку.

Мало того, даже Баррас, в рукописных заметках к своим «Мемуарам», признает величие Робеспьера и объясняет его гибель тем, что он бесстрашно сопротивлялся террору и стремился восстановить в республике принципы справедливости и умеренности.

Как могло случиться, что после стольких свидетельств со стороны его врагов и убийц пришлось ждать свыше столетия, чтобы было, наконец, пересмотрено отношение к Робеспьеру? Да и пересмотрено ли оно? Нет еще, несмотря на благородные домыслы Ламартина, на слепое поклонение Гамеля, на самоотверженные архивные изыскания Матьеа и его школы. Самому выдающемуся деятелю Французской революции до сих пор не поставлено во Франции ни одного памятника (а следовало бы во искупление содеянного воздвигнуть ему стацию). С тех пор как существует Французская республика, ни одно правительство не осмелилось встать на защиту его доброго имени. Зато ненависть врагов республики, более прозорливая, никогда не слагала оружия. Я всегда считал, что злобный нюх врага открывает грядущим поколениям величие гения гораздо раньше, чем его признают друзья.

Однако я не имел намерения идеализировать Робеспьера. Умный и проницательный Баррер ясно понимал, что «его погубило тщеславие, болезненная раздражительность и несправедливое недоверие к своим соратникам. Это большое несчастье...»

Надо добавить, что Робеспьер 1794 года уже был не тем, каким он был между 1789 и 1793 годами. На мой взгляд, его величие ярче всего проявилось в период Учредительного собрания, когда он выступал в роли смелого, прозорливого и бесстрашного борца. В те времена он поистине олицетворял собой глас народа и его разум. Но революции изнуряют людей. Робеспьер, отличавшийся слабым здоровьем, нес на себе нечеловечески тяжелое бремя. И так уже чудо, что он продержался до июля 1794 года. Еще 29 мая 1793 года, выступая в Клубе якобинцев, он говорил, что его «истощили четыре года Революции», что он «обессилен длительной лихорадкой». После контрреволюционного мятежа 31 мая, выступая 12 июня у якобинцев, он заявил, что «силы его подорваны». «Я уже не обладаю, — сказал он, — необходимой энергией, чтобы бороться с происками аристократов. Я надорвался за четыре года утомительных и бесплодных трудов, я сознаю, что мои физические и моральные силы уже не находятся на уровне задач великой Революции, и я заявляю, что ухожу со своего поста». Его отставку не приняли, больше того: никогда еще его деятельность не была столь напряженной, как в последующие страшные месяцы, когда террор был поставлен в «порядок дня». После выступления в Конвенте 5 февраля 1794 года против дантонистов и эбертистов Робеспьер, надорвавшись, отстранился от дел. С 9 февраля по 12 марта он не появлялся ни у якобинцев, ни в Конвенте. Но 22 вантоза (12 марта) он дотащился через силу, совсем больной, на заседание Конвента, чтобы добиться принятия

беспощадных декретов по докладу Сен-Жюста, направленных против обеих мятежных партий. Той же ночью эбертисты были арестованы и заговор разгромлен.

«Имейте снисхождение, — говорил он в мае 1794 года, — к тому состоянию усталости и подавленности, в какое меня приводит порою мой непосильный труд».

Постоянное напряжение и изнуряющая работа, вероятно, немало способствовали развитию в нем болезненной подозрительности и пессимизма.

Четырнадцатого июня 1793 года он говорил в Клубе якобинцев: «Смею заверить, что я один из самых недоверчивых, самых печальных патриотов, какие только были с начала Революции». Он видел слишком ясно и глубоко продажность, разложение и предательство, разъедавшие Конвент. Давнишний пессимизм Робеспьера, побудивший его еще в декабре 1792 года утверждать, что «добродетель на земле всегда была в меньшинстве», со временем развился до болезненных размеров. После процесса Ост-Индской компании, разоблачившего мошенников, которых он считал честными республиканцами, он пришел к убеждению, что революция погибла. Однако он боролся до конца — его пессимизм никогда не мешал ему действовать. Он был одарен острым чувством реальности и умением взвесить возможности, меняющиеся день ото дня. Но ему не доставало непоколебимой твердости, которую героический пессимизм Сен-Жюста черпал в абсолютном господстве разума. Сен-Жюст, по его собственным словам, «бросил якорь в будущее». И его пессимизм в настоящем был в сущности оптимизмом дальнего прицела. Робеспьер, вероятно, смотрел на будущее так же мрачно, как и на настоящее. Он был вскормлен горьким стоицизмом и находил утешение в божестве Жан-Жака Руссо, в провидении. Это еще сильнее способствовало его одиночеству, так как встречало мало сочувствия вокруг. Он слишком обособился, отдалился даже от самых верных друзей и товарищей, даже от Сен-Жюста и Кутона. Опасаясь, что они не одобряют тех или иных его шагов, он не посвящал их в свои планы и часто ставил перед свершившимся фактом. Между Кутонем и Сен-Жюстом также не было прежнего согласия, каждый из них действовал самостоятельно, на свой риск. Девятого термидора все трое оказались разобщенными. Но из чувства верности и солидарности они приняли общий приговор, что соединило их навеки в смерти и в бессмертии.

В одном из своих замечательных и, как всегда, чеканных изречений Сен-Жюст говорит «о человеке, который принужден отрешиться от мира и от самого себя, человеке, который бросает якорь в будущее».

Робеспьер познал это трагическое отрешение от мира; особенно мучительно оно было среди толпы, которая с истерической страстностью отзывалась на его речи, его исповеди и которая завтра — он это знал — неминуемо его предаст. Гораздо труднее было ему «отрешиться от самого себя». Один Сен-Жюст был способен в самый разгар борьбы сохранять гордое бесстрашие юного героя Гиты. Его поддерживала вдохновенная уверенность, что он действует в согласии «с силой вещей, ведущей нас, быть может, к цели, о которой мы и не помышляем» (эта фраза, приписанная мною Робеспьеру, принадлежит Сен-Жюсту), в согласии с великими законами, управляющими историей человечества. Этой чудесной уверенностью он был обязан тому глубокому ощущению природы, которое Жорес подметил в его речи от 23 вантоза (13 марта 1794 года), — той романтической интуиции, что пронзала, словно молнией, туман его подчас непонятных речей. И не успел краткий день его жизни, еще окутанный утренней дымкой, озариться лучами солнца, как юный герой погиб.

Ромен Роллан

1 января 1939 года.